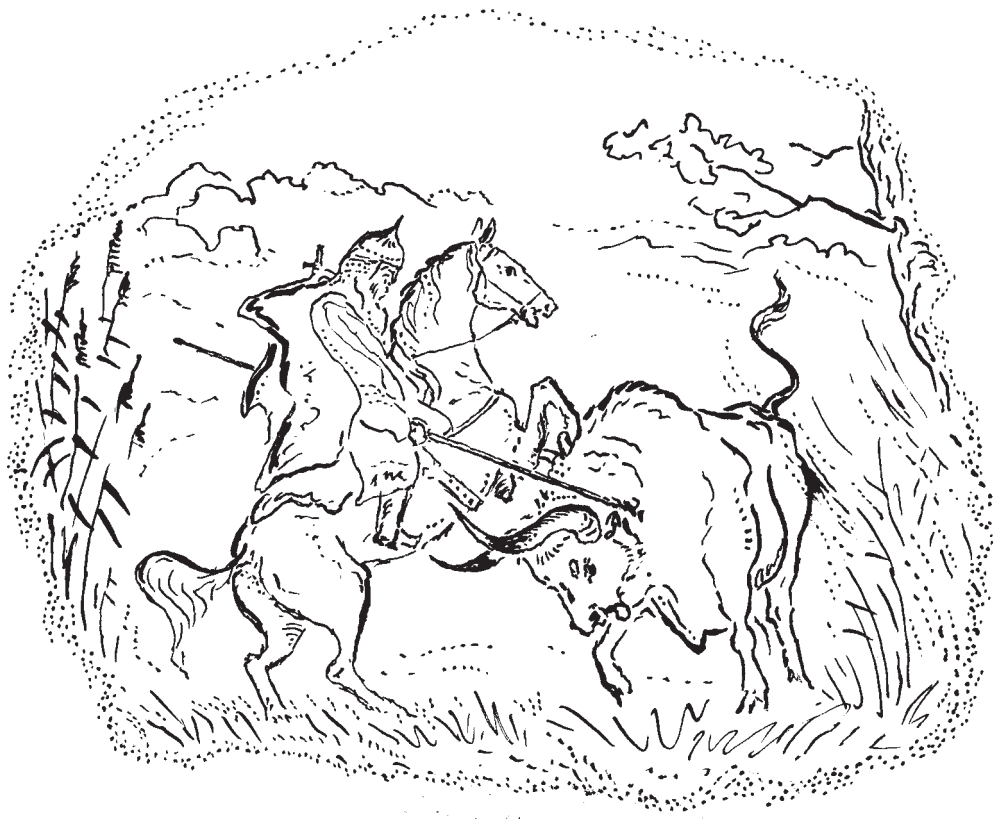

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 2
Выпуск 1

2000

Редакционная коллегия:

Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Симонов Е.А., Россия
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук

Адрес редакции:

Украина,
02218, г. Киев,
ул. Радужная, 31-48

e-mail: kekz@carrier.kiev.ua
<http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>

Address:

Raduzhnaya str. 31-48
02218 Kiev
Ukraine

Humanitarian ecological journal

Volume 2 • Issue 1 • 2000

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Международный экологический журнал
Учредитель — Киевский эколого-культурный центр
Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,
Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (**WCSPA/IUCN**)

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров
Редакция журнала благодарит Дугласа Уинера за материальную помощь

Компьютерный макет — В.Н. Грищенко, Е.Д. Яблоновская-Грищенко
Обложка — поединок, рис. С.А. Лопарева

- © Гуманитарный экологический журнал, 2000
- © Киевский эколого-культурный центр, 2000
- © Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2000
- © Humanitarian ecological journal, 2000
- © Kiev ecological and cultural centre, 2000
- © World Commission on Protected Areas IUCN, 2000

Проект новой концепции охраны дикой природы

С.И. Забелин

*ЦКИ Социально-Экологического Союза
Россия, 121019, г. Москва, а/я 211, ЦКИ СоЭС*

Введение

За основу при прогнозировании условий, на фоне которых предполагается реализация Концепции, принимается гипотеза, что страны СНГ не арьергард, а авангард западного типа цивилизационного развития (с военной точки зрения – авангард не лучшие, а те, кто первыми вступают в бой и, как правило, первыми гибнут, увы). Не мы их догоняем, а они – нас. Представители азиатского и африканского типов развития в настоящее время являются стороной страдающей, но не определяющей, и – скорее всего – сумеют перетерпеть катастрофу “западного мира”, не слишком изменившись: у них другой темп жизни.

За естественным самораспадом советской системы в обозримом будущем последует естественный самораспад западо-центрической глобальной экономико-политической системы, частью которой сейчас являются пост-советские и пост-социалистические страны.

Следовательно, в обозримом будущем на постсоветском пространстве маловероятно воспроизводство таких базовых характеристик западного общества как действительно свободный рынок, правовое государство, гражданское общество и т. д., и т. п., необходимые для восстановления мощной и авторитетной государственной системы охраны природы.

Наблюдаемый переход является не переходом от одной социально-экономической формации к другой, а переходом от одного типа взаимодействия общества с природой к другому, сравнимый по масштабу последствий с неолитической революцией.

Государственная, т. е. отраженная в динамике элементов государства, жизнь в постсоветских государствах, а в России в особенности, будет характеризоваться крайне

высокой степенью непредсказуемости даже в краткосрочной перспективе во всех сферах жизни.

Попытки силового регулирования, в смысле упорядочивания, политической и экономической жизни через органы федерального подчинения будут встречать явное и неявное сопротивление регионов и транснациональных корпораций (естественных монополистов и других) и сменяться попытками столиц “договориться” с “повстанцами”.

Экономический рост в “белой” сфере производства, скорее всего, будет иметь место только на бумаге либо в денежном выражении (за счет инфляции).

Продолжится отступление государства из социальной сферы, в том числе под предлогом необходимости иметь сбалансированный бюджет и “жить по средствам”. При этом существенная часть бюджета будет уходить на содержание армии и силовых структур. Возможен переток бюджетных средств в структуры ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Продолжится сокращение объемов бюджетных средств на федеральном и региональном уровнях.

Государственный контроль будет усиливаться (пытаться усилиться) только в областях, связанных с пополнением государственной казны. Во всех других он будет ослабевать.

Концепция охраны дикой природы призвана помочь обеспечить максимально возможное сохранение природного наследия, разнообразия ландшафтов, экосистем и видов живых существ в эпоху глубоких социально-экономических потрясений.

В соответствии с долговременным прогнозом социально-экономического развития, определяющим предстоящий период

как длительное состояние кризиса и трансформации государственной власти и экономической системы в качественное новое состояние, Концепция не может быть планом действий, но является, в первую очередь, описанием суммы (системы) государственных, муниципальных и общественных мер и мероприятий, поощряющих действия собственников земли и хозяйствующих субъектов, направленные на долгосрочное самоограничение в использовании любых территорий в производственных целях, а также содействующих собственникам и арендаторам земельных участков в осуществлении охраны и восстановления биологического разнообразия на территориях, где в интересах охраны дикой природы ограничивается или регулируется производственная деятельность.

Использование данной Концепции позволит осуществлять выбор мер и мероприятий, способствующих охране дикой природы, в соответствии с имеющимися возможностями, желаниями и ресурсами действующих субъектов.

Подразумевается, что предлагаемые Концепцией меры и мероприятия будут иметь существенное природоохранное значение в любых предвидимых социально-экономических условиях, в том числе и в случае неожиданного укрепления государственной власти и быстрого возрождения экономики.

Концепция СоЭС имеет статус рекомендаций для любых лиц и их объединений, организаций, органов самоуправления и государственной власти, имеющих намерение внести практический вклад в сохранение живой природы и национального природного наследия.

Смысл охраны дикой природы

Независимо от приводимых в ее обоснование рациональных доводов, охрана дикой природы была, есть и будет выражением благоговения Человека перед Природой, выражением сыновнего признания ее извечной самоценности и желанием служить ей любясь и любя, а следовательно – материальным проявлением именно человечес-

ких качеств. Эволюция систем особо охраняемых природных территорий от системы святых мест через систему национальных парков и государственных заповедников к системе экологических каркасов отражает эволюцию проявления человеческой составляющей в сообществе животных вида *Homo sapiens*, в целом возрастающую по ходу истории, хотя и не плавно.

Необходимость использования экономических, научных и экологических резонансов в процессе изъятия природных территорий из непосредственного хозяйственного использования или введения ограничений на такое изъятие отражает лишь уровень скотства лиц, от которых в действительности зависит принятие решений либо уровень скотства наличествующей общественной морали, на которую вынуждены эти лица ориентироваться. Чем критичнее доказательства выгоды, тем он выше. И наоборот.

Процент отданных дикой природе земель, наверное, может быть мерилем человечности граждан того или иного государства.

На самом деле, никаких строгих доказательств необходимости дикой природы для выживания людей не существует и не может существовать. Как биологический вид человек способен исторически долго (что не значит – хорошо) жить в почти полной изоляции от естественных природных сообществ, о чем свидетельствует многовековой опыт жизни в городах и все еще продолжающаяся и углубляющаяся урбанизация человечества. Как исключительно пластичный и генетически разнообразный вид, *Homo sapiens*, скорее всего способен перенести почти любые уровни загрязнения среды. Вполне представимо, что нас сменят устойчивые ко всем и всяким загрязнителям обитатели свалок.

Другой вопрос, что к ним – по нынешним меркам – будет сложно применить понятия “человек” и “человечество”.

Охрана дикой природы и участие в ней есть средство сохранения человечности как таковой, средство охраны жителей Земли, страны, региона – от одичания, средство защиты себя и своих детей от культурной и

социальной деградации окружающего общества, и это – ее первичная “полезность”, сравнимая с “полезностью” инстинкта самосохранения.

Естественнонаучной основой нашего подхода выступает представление о том, что мы являемся свидетелями глубоких необратимых изменений биосферы Земли, вызванных появлением в ней качественно нового вида живых существ – людей, деятельность которых с каждым годом оказывает все больше и большее влияние на ход природных процессов.

Рассматривая биосферу как самоорганизующуюся систему, на много порядков более сложную, чем человеческое общество, мы должны говорить о том, что вокруг нас и с нашим участием последние 10 тысяч лет (геологически ничтожный срок) происходит процесс адаптации биосферы Земли к наличию в ее составе качественно нового элемента – человеческого общества, переход биосферы в другое состояние, облик которого будет зависеть от нашего поведения.

“Биологический” способ взаимоотношения с биосферой, т. е. конкуренция с другими видами за первичные ресурсы, в первую очередь за территорию, являющаяся доминирующим типом поведения человека в настоящее время, с одной стороны, и все нарастающее загрязнение среды отходами жизнедеятельности, с другой стороны, с высокой вероятностью приведут к тому, что новое состояние биосферы будет непригодно для существования человека современной нам культуры.

Напротив, “человеческий” способ взаимоотношения с биосферой, основанный на признании за другими видами равных с человеком прав на существование, с одной стороны, и целенаправленная работа по очищению среды от уже накопленных отходов, с другой стороны, с высокой вероятностью приведут к тому, что новое состояние биосферы будет комфортным для человека, обогащающим его духовно и, скорее всего, будет – за счет включения в ландшафт творений человеческого гения, за счет творческого участия человека в формировании ландшафта – характеризоваться большей сложностью (что – судя по данным палеонтологии – наблюдалось каждый раз при появлении в биосфере качественно новых элементов, например, эукариот или позвоночных).

Социальными предпосылками нашего подхода являются все проявления и формы Любви как высшего проявления человеческой духовности, и Любви к Природе, в частности. Любви как счастливого дарения себя и своего достоинства – другому, как признания другого более значимым сравнительно со мной – и уж как минимум совершенно равным.

Заповедание – т. е. дарение территории в полное и ненарушаемое распоряжение населяющему ее существам – и есть материализация этой Любви во всей ее полноте.

Другим ее аспектом выступает проявление заботы о существах, населяющих с людьми ту или иную территорию, существах прагматически бесполезных (не путать с зимней подкормкой кабанов).

На практике наш подход реализуется при введении любых ограничений на деятельность, нарушающую нормальное функционирование сложившихся природных сообществ, а также при осуществлении действий, способствующих восстановлению естественного хода природных процессов.

Цель – в максимально доступной степени предоставить живым существам, населяющим планету, возможность существовать в состоянии естественной свободы, тем самым предоставляя человеку максимально доступную возможность наблюдать красоту природы и пребывать в гармонии с ней.

Итогом реализации Концепции, который никогда не будет “окончательным”, следует считать возникновение нового социального явления – действительно массового неформализованного движения за охрану дикой природы, а также – через это движение – восстановления, введение обратно в общественное сознание восприятия Природы в большей степени как Храма, а не Мастерской, как внутренней ценности и источника личного и национального возрождения.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ПРИРОДООХРАННОЙ БИОТЕХНИИ

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев, e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua, vgrishchenko@mail.ru

Зарождение и использование биотехнических мероприятий уходит своими корнями в глубокую древность. Хотя сам термин этот охотоведческий (повышение продуктивности охотугодий), он вполне применим и к охране природы. Под природоохранными биотехническими мероприятиями мы подразумеваем целенаправленное воздействие человека на среду обитания или популяции определенных видов для повышения или стабилизации их численности (Грищенко, 1995, 1997). Это по сути составная часть того, что С.И. Забелин (см. предыдущую статью) называет заботой “о существах, сонаселяющих с людьми ту или иную территорию”.

Развитие и распространение биотехники мы рассмотрим на примере птиц. Это удобно сделать по различным видам мотивации, в соответствии с целями, которые преследовали те или иные действия.

1. Случайная или неосознанная помощь птицам. Действие этого фактора начало проявляться еще с того момента, когда первый человек бросил остатки пищи и их склевала птица. Начиная с древних времен, животные использовали различные сооружения, приспособления, постройки, а также корм, для них вовсе не предназначенные. Первыми представителями авифауны, которые стали использовать деятельность человека как источник существования, были, видимо, врановые. Они подбирали остатки пищи первобытных охотников, как раньше питались остатка-

ми добычи крупных хищников. По мнению археологов и палеозоологов, произошло это еще в плейстоцене (Лебедев, Константинов, 1996). В палео-

литических пещерных стоянках или вблизи от них в Европе, очевидно, уже гнездились ласточки, воробьи, галки, стрижи и другие виды. Одних птиц привлекала возможность поживиться остатками пищи, других — насекомые, скапливающиеся у человеческого жилья (Воинственский, 1960).

Сейчас различные человеческие постройки являются местом гнездования, укрытия на ночевку или от непогоды для множества птиц. Некоторые сооружения и приспособления были, по сути, древнейшими искусственными гнездовьями. Так, в украинском и белорусском Полесье целый ряд редких видов давно и с успехом использует борти. На крышах ульев или настилах для них охотно устраивает гнезда черный аист (Черкас, 1992; Жила, 1994; Легейда, 1996), на крышах гнездится бородатая неясыть (Яремченко, Шейгас, 1991), на настиле было обнаружено даже гнездо филина (Кірыкаў, 1929). Полуразрушенные или раздолбленные дятлами борти используют также гоголи, клинтухи, серые неясыти (Grischtschenko, 1996; Легейда, 1996).

Интересно, что и тележные колеса, устанавливавшиеся с давних пор на крышах крестьянских хат и сараев, первоначально предназначались вовсе не для белого аиста. Это был так называемый “громовой знак” — языческий оберег от удара молнии — круг с 6 радиусами или шестилепестковая розетка. На севере он вырезался на причелинах изб. На юге же, где деревянная резьба отсутствовала, функции

“громоотвода” выполняло старое тележное колесо на кровле хаты или сарая (Рыбаков, 1987). Птицы освоили их для гнездования уже позже. Всеобщее почитание аистов способствовало тому, что отсюда возникла народная традиция привлечения их на гнездование на крыши построек (Борейко, 1996; Грищенко, 1998).

Так же неосознанно человек издавна подкармливал птиц. Многие виды использовали остатки пищи в человеческих поселениях, отходы охоты и рыбной ловли. Появились “нахлебники”, кормившиеся на усадьбе вместе с домашними птицами, и “разбойники”, таскавшие их самих. Многие виды стали перекочевывать на зимовку к населенным пунктам. Синицы, сороки, сойки промышляли у человеческого жилья, овсянки держались на дорогах и выбирали из конского навоза полупереваренные зерна овса. Масштабы этого явления довольно значительны. Например, для больших синиц и грачей населенные пункты стали одним из главных мест зимовки. Для многих видов человеческая деятельность облегчает добычу корма — пахота, сенокосение, палы и т. п. Немало птиц кормится также на дорогах, их привлекает обилие корма. Сведение лесов и появление сельхозугодий значительно улучшило кормовую базу многих видов. Так, неизвестный ранее новый вид пищи — зерна хлебных злаков — с появлением полей в лесостепи занял в питании тетерева одно из главных мест (Кириков, 1979).

Нельзя сбрасывать со счетов и своеобразную “подкормку”, которой человек обеспечивал многих птиц на протяжении тысячелетий. На местах побоищ оставалось множество трупов, далеко не всегда их хоронили. В старину даже вороны и крупные хищники держались в таких местах большими стаями, что сейчас увидишь нечасто. Более того, стаи птиц могли сопровож-

дать войско длительное время в надежде на близкую поживу. Это нашло отражение и в народном творчестве, и в литературных памятниках (Шарлемань, 1997).

2. Биотехнические мероприятия на мифологической почве. Впервые биотехния начала осознанно применяться человеком в чисто потребительских интересах, причем сначала на основе мифологических представлений. Человеку нужно было расположить к себе многочисленных богов и духов, а птицы как раз и были связующим звеном между “земным” и “небесным” мирами (Борейко, Грищенко, 1999).

Э. Штресеманн (Stresemann, 1948) считает, что в Восточной Европе привлечение на гнездование скворцов было, вероятно, связано с мифологическими представлениями. В пользу этого говорит свидетельство П.С. Палласа (1811, цит. по: Дементьев, 1950): в России в XVIII в. считалось преступлением разорить гнездо или убить скворца в окрестностях деревни. Вполне возможно, что на это повлияло давнее почитание его, как вестника весны (Грищенко, 1996а, 1999).

Как раз мифология сыграла решающую роль в возникновении традиции привлечения на гнездование белого аиста. У разных народов считается, что он приносит счастье, здоровье, благосостояние, согласие, удачу в семью, у которой поселился; защищает дом от пожаров, ударов молнии, стихийных бедствий и т. п. (Hornberger, 1967; Gattiker, Gattiker, 1989; Грищенко, 1996б; Борейко, Грищенко, 1999 и др.). Крестьяне в разных странах Европы считали когда-то за благо иметь гнездо аиста у себя на усадьбе. Логика тут проста и понятна: если присутствие аистов столь полезно, нужно его обеспечить. Потому и стали их специально привлекать. В одном из населенных пунктов бывшей Восточной Пруссии был даже обычай ложить в гнездо ку-

сок серебра, чтобы побудить птиц заселить его (Tolkmitt, 1960, цит. по: Hinkelmann, 1995). Несомненно, привлечение аистов на гнездование было раньше магическим действием. Оно сродни молитвенному обращению к перелетным птицам и другим обрядам аграрной магии (Грищенко, 1998). Эстетические и природоохранные интересы вышли на первый план гораздо позже.

Была распространена и подкормка птиц на мифологической почве. Иногда это проводилось как своеобразное жертвоприношение различным божествам, иногда же люди таким путем как бы “откупались” от птиц, поедающих культурные растения или домашних животных.

Якуты подкармливали зимой орлов, орел был у них тотемической птицей. Неприкосновенным считался не только он сам, но и его добыча (Ионов, 1913). Буряты развешивали мясо на дереве, и орлы поедали его (Никифорова, 1997). Жертвоприношения Орлу в Приольхонье на Байкале сохранились до сих пор (Рябцев, 1999). Казахи, отмечая прилет орлана-белохвоста (вестник весны), кололи барана и внутренности его вешали на сучок под гнездом (Плотников, 1893, цит. по: Симанков, 1998).

С древнейших времен у некоторых народов был обычай “хоронить” умерших, скармливая их диким животным, прежде всего птицам-падальщикам. Считалось, что поедая плоть, они способствуют освобождению души и помогают ей достичь небес. Жители древнего города Чатал-Хююк на юго-востоке нынешней Турции (VIII–VII тыс. до н. э) тело умершего вначале отдавали на съедение коршунам, а хоронили лишь оставшийся после такой “обработки” скелет (Николаев, 1999). В Персии во времена господства зороастризма трупы оставляли на высоких цилиндрических башнях вдали от жилья (Кулаков, 1997). Жители Тибета пошли

еще дальше. Родственники умершего приносят тело на специальное место, где с помощью ножа оно разделяется на мелкие кусочки, при этом кости тоже мелко дробятся, чтобы птицы и звери могли их быстрее съесть. Этот обычай сохраняется до сих пор, правительству Китая не удалось его искоренить (Паклина, ван Орден, 2000).

В Грузии существует “День птичьей кашицы”. На крыши домов люди выставляют еду, чтобы накормить птиц и договориться с ними не портить посева и сады (Борейко, 1996).

Мифологические представления могли способствовать и охране гнезд. У хантов дерево, на котором несколько лет подряд гнездились орлы, считалось священным. Строго запрещалось рубить его или разрушать само гнездо (Борейко, 1996).

В развитии “мифологической” биотехники можно выделить два этапа: сначала люди позволяют священным и почитаемым птицам селиться или кормиться возле себя, затем начинают их специально привлекать на гнездование, подкармливать и т. д. Так было, например, с белым аистом. На такой первой стадии, по видимому, находится африканский белобрюхий аист. Размножение этой птицы связано с сезоном дождей. Появление аистов предвещает его наступление (немецкое название этого вида — *Regenstorch*, т. е. “дождевой аист”). У ряда африканских племен белобрюхий аист считается священной птицей, поскольку “приносит” столь необходимые и земледельцу, и скотоводу дожди. Подобно белому аисту в Европе, он часто селится в населенных пунктах, устраивая гнезда на крышах хижин. По неписанному закону, запрещается тревожить или преследовать птиц (Archer, Goodman, 1937; Kahl, 1981; Hancock et al., 1992). Интересно, что в Судане белобрюхий аист имеет для местных жителей во многом такое же значение, как и белый в Евро-

пе. Его считают “стражем деревни”, он приносит счастье и детей, правда только мужского пола (Schulz, 1988).

3. Биотехнические мероприятия с утилитарными целями. Еще наши далекие предки поняли, что гораздо проще привлечь птицу на гнездование, а затем поймать и съесть, чем гоняться за ней по лесам или лугам. Так, в Европе различные варианты скворечников развешивали в населенных пунктах еще в средние века, но первоначально лишь для отлова скворцов, которые употреблялись в пищу. Подросшие птенцы были лакомством для сельских бедняков. Чтобы не подрывать популяцию, второму выводку обычно давали вылететь. В природоохранных целях эти искусственные гнездовья стали использоваться значительно позже. Интересно, что в Восточной Германии таким образом отлавливали скворцов с кулинарными целями вплоть до XX в. (Stresemann, 1948; Дементьев, 1950). Новгородцы привлекали на гнездование в долбленные колоды гоголей, а затем собирали в них яйца. Повторные кладки также не трогали (Благосклонов, 2000).

Позднее стали приниматься меры по охране гнезд ценных промысловых видов, ловчих птиц. Согласно “Статуту Великого княжества Литовского” 1529 г., разорение или повреждение гнезда сокола каралось штрафом. В Украине также налагался штраф за разрушение в чужих угодьях гнезда сокола или лебедя (Борейко, 1995). Постепенно развивалась охотничья биотехника. Птиц стали привлекать также для борьбы с вредителями сельского и охотничьего хозяйства. Для этого использовались искусственные гнездовья и присады.

Интересный случай описывает А.А. Браунер (1929). Когда на полях и баштанах возле п. Красная Знаменка на юге Украины массово появились вредители, с моря налетели черноголовые чайки и стали их поедать. Местное на-

селение, чтобы подольше удерживать птиц на полях, стало даже выставлять там сосуды с водой. В XIX в. в степях Приазовья выкладывались специальные кучи камней для привлечения на гнездование розового скворца — одного из основных врагов саранчи (Скворцы..., 1884). Впрочем, для борьбы с вредителями птиц привлекали еще в Древней Греции (Bönig, 1977).

Можно найти примеры и того, как чисто прагматические интересы в привлечении определенных видов птиц постепенно отходят на второй план или забываются вовсе, а сформировавшаяся народная традиция продолжает существовать, и вся такая деятельность приобретает совершенно другую окраску. Так в США возникла традиция привлечения на гнездование скопы. Еще в конце прошлого века фермеры стали устанавливать для нее столбы с тележными колесами. Рыбы тогда хватало всем, и это не волновало людей, зато поселившиеся скопы гоняли со своих гнездовых участков ястребов, охраняя тем самым домашнюю птицу (Poole, Spitzer, 1983; Мищенко, 1990). Возможно, в возникновении этой традиции сыграло свою роль и то, что в Америку ехало много переселенцев из Германии, где население издавна устраивало подобные гнездовья для белого аиста. Ввиду отсутствия аистов, “святое место” заняла скопа. По крайней мере, столб с колесом — это типично “аистинное” гнездовье. Специальное привлечение значительно расширило возможности для гнездования скопы и, что не менее важно, способствовало формированию соответствующего отношения у людей. В США эта птица сейчас гнездится рядом с человеком, как у нас белый аист. Например, можно увидеть гнезда на мачте освещения стадиона или столбе в центре населенного пункта (Bub, 1994). Речь идет даже о создании городских популяций этого хищника (Poole, Spitzer, 1983).

К биотехническим мероприятиям, проводившимся в утилитарных целях, относится и истребление всевозможных “вредных” хищников. Хотя мотивировка этой деятельности была весьма различной — от чистой филантропии (спасение бедных птичек и зверюшек, истребляемых кровожадными тварями) до “научных” и даже “природоохранных” обоснований, но в основе лежал все же чисто прагматический подход — повышение численности охотничьих (а также певчих, декоративных и т. п.) видов в интересах человека.

Об истреблении хищных птиц написано уже немало. В “просвещенной” Западной Европе оно началось раньше — в XVIII–XIX вв., в “отсталой” и “патриархальной” Российской империи несколько позже — лишь в конце прошлого века и во многом как подражание Западу.

В Германии только в королевстве Ганновер с 1705 по 1800 гг. было выплачено 624 087 премий за убитых хищных птиц. В XIX в. уничтожать хищников считалось престижным. За это не только выплачивались денежные премии, но некоторые государства устанавливали и налоговые льготы тем, кто убивал за год определенное количество хищных птиц. Знаменитые охотники даже отмечали своеобразные “юбилеи” типа сотого убитого беркута. На территории Германии около 1860 г. только орланов-белохвостов уничтожалось по 400 особей за год. Эта кровавая вакханалия продолжалась до недавнего времени. Бесстрастная статистика зафиксировала, что в Норвегии с 1900 по 1966 гг. убито около полумиллиона хищных птиц. В Дании с 1942 по 1966/1967 гг. — около 300 тыс. Во Франции в 1950–1960-е гг. убивали ежегодно от 100 до 300 тыс. хищников (Génsbøl, Thiede, 1997). В США в 1920-х гг. только в юго-западных штатах было уничтожено 20 000 орлов. Позже для истребления их стали ис-

пользовать даже самолеты. Один известный пилот убил к 1955 г. 8000 беркутов (Grossman, Hamlet, 1964).

Во второй половине XIX в. лозунг “Бей их, гадов!” поднимается уже и в Российской империи. За истребление хищников принялись не только профессионалы, но и “любители”. Киевский заводчик И.И. Марр, начитавшись немецкой литературы о вреде хищных птиц, развил бурную деятельность по их избиению. В ход шли специальные капканы, уничтожались птицы на гнездах, разорялись кладки. На протяжении нескольких лет было убито до 40 орланов-белохвостов. За весну уничтожалось до десятка змеяядов (Борейко, 1992). Начавшаяся организованная кампания по борьбе с “вредными хищниками” была приостановлена революцией и гражданской войной, но затем вспыхнула с новой силой. Еще одна волна прокатилась в 1950–1960-е гг. Уничтожение хищных птиц было закреплено соответствующими положениями охотничьего законодательства и стимулировалось материально. На территории Черкасской области, по данным облсовета УООР, только с 1961 по 1969 гг. было отстреляно более 10 тыс. хищников. В лесостепи среднего Днепра ежегодно уничтожалось около 3,4 тыс. особей (Стригунов, 1986). Всего же в бывшем СССР до середины 1960-х гг. истреблялось ежегодно 100–150 тыс. хищных птиц (Галушин, 1980). Выплата премий за отстрел пернатых хищников была прекращена в Украине лишь в 1969 г.

Это хоть и отрицательный, но все же пример того, как проведение в массовых масштабах определенных биотехнических мероприятий, сопровождающееся к тому же активной пропагандистской деятельностью, может изменить психологию людей, старые традиции, навязать новые стереотипы. Как показывает анализ различных литературных сведений, у разных народов

бывшего СССР на протяжении веков отношение к большинству хищных птиц было положительным или нейтральным (Борейко, Грищенко, 1995, 1999). В настоящее же время, несмотря на все усилия природоохранной пропаганды, отстрел является одной из главных причин гибели хищных птиц на территории Украины (Грищенко и др., 1993). Подобная ситуация на Кавказе (Абуладзе, 1986) и во многих других регионах (Ortlieb, 1984; Bauer, Berthold, 1997 и др.).

В Северной Америке переселенцы вообще истребляли все подряд, что мешало нормальному, в их понимании, существованию — от койотов и бизонов до индейцев. Очень хорошо об этом сказал американский историк Д. Трефтен: “*Первобытную природу Америки не покоряли, ее в буквальном смысле слова забивали насмерть*” (цит. по: Мак-Кланг, 1974). Р. Мак-Кланг (1974) описывает грандиозные облавы в конце XVIII в., во время которых убивались сотни и тысячи животных. Трупы их затем сжигали. Человек, переселившийся из густонаселенной Европы с ее давно опустошенной и измененной природой, воспринимал непривычное богатство окружающей его фауны как стихийное бедствие и старался всеми силами вернуться к привычному положению вещей. Кроме того, это был хороший источник легкой наживы.

Гораздо менее известно то, что борьба велась и с птицами, на которых сейчас мало у кого поднимется рука. В начале нашего века одно из охотничьих объединений в Австро-Венгрии приняло решение начать отстрел белых аистов, которые “очень вредят мелким охотничьим животным”. Местные крестьяне вначале подняли протест против этого, но среди них провели “разъяснительную работу” — аисты могут нападать также на домашних утят и цыплят (Rothermundt, 1905a). За унич-

тожение мелких наземных животных выдвигались претензии и против черного аиста (Rothermundt, 1905b), но главный его “грех”, с точки зрения человека, заключался в том, что питается он в основном рыбой. Как рыбацкую птицу черного аиста истребляли во многих странах. Так, в Германии в прошлом веке за его отстрел выплачивались премии (Hogmann, Richarz, 1996). Уничтожение птиц, разорение гнезд и сбор яиц происходили и в других странах. В конечном итоге преследование человеком послужило одной из главных причин катастрофического сокращения численности этой птицы (Schröder, Burmeister, 1974; Грищенко, 1994; Brauneis, 1996; Bauer, Berthold, 1997 и др.).

Описанную выше “истребительную” деятельность, конечно, лишь с большой натяжкой можно отнести к биотехническим мероприятиям, но все же не следует забывать, что почва у нее та же, что и у отстрела волков или ворон в охотхозяйствах. Это стремление обеспечить повышение численности определенных видов или групп животных, в которых так или иначе заинтересован человек, путем уменьшения количества их естественных врагов. Просто в некоторых случаях, как, например, при освоении Американского континента, все было доведено до полного абсурда. Так или иначе, но это также один из этапов развития биотехники, о котором не стоит забывать. Умный, как известно, предпочитает учиться на чужих ошибках, а не на собственных.

Мероприятия, сродни вышеупомянутым, использовались даже в политических целях. Одной из главных причин массового истребления бизонов в США в прошлом веке было желание ослабить индейцев прерий, для которых эти животные служили основным источником существования. В данном случае в роли вида, на который в конечном итоге направлено воздействие, оказался уже сам *Homo sapiens*.

Не менее печальные последствия имели и попытки “обогащения” фауны различных регионов. Примеры этого хорошо известны — от енотовидной собаки и американской норки в бывшем СССР до эпопеи с дикими кроликами в Австралии. Больше всего от такой деятельности пострадали регионы с высокой долей примитивных и реликтовых видов, например, Новая Зеландия и океанические острова. Иногда было достаточно даже незначительного воздействия, чтобы вызвать катастрофические последствия. Так, эндемичный вид крапивника (*Xenicus lyalli*) с о-ва Стефенсона в проливе Кука был полностью истреблен в 1894 г. котом смотрителя маяка (Дорст, 1968).

По сути, утилитарный подход в биотехнии остается одним из главных и по сей день. В охране птиц существенное место занимают биотехнические мероприятия для поддержания численности охотничье-промысловых видов. Да и в мотивации чисто природоохранной деятельности по-прежнему все вертится, в основном, вокруг интересов человека.

4. Биотехнические мероприятия с эстетической или этической мотивацией. По мере того, как человек все меньше видел в окружающей его природе лишь своего извечного врага, он все больше обращал внимания на ее красоту. Люди стали привлекать птиц к своему жилью не только по каким-то утилитарным мотивам, но и из-за их мелодичной песни или красоты. В России в XVIII–XIX вв. скворечники нередко делали декоративными — в виде домиков или фигурок людей (Дементьев, 1950; Благосклонов, 1991, 2000). В конце концов этот фактор становится одним из наиболее существенных. Уже забылись первичные причины, по которым устраивались гнездовья для скворцов или белых аистов, но самих птиц привлекают по-прежнему. Сейчас более важную роль играет весенняя пес-

ня скворца и всенародная любовь к аисту.

Некоторые биотехнические мероприятия стали проводиться и с чисто этических соображений. Эту мотивацию нужно отделять от эстетической и природоохранной. Человек, повесивший искусственное гнездовье или устроивший кормушку, может даже не видеть, какие птицы гнездятся или кормятся благодаря ему, т. е. эстетическое чувство никак не затрагивается. Он просто получает моральное удовлетворение от помощи “братьям меньшим”. Не всегда такая работа соответствует и природоохранным задачам. Так, непродуманное развешивание большого количества гнездовий для серой или длиннохвостой неясытей может привести к вытеснению или истреблению ими более мелких видов сов (Schöpp, 1980; Mikkola, 1983). Чрезмерное увлечение подкормкой также может иметь негативные последствия. Проведенные в Германии эксперименты показали, что длительно подкармливаемые синицы начинали приносить птенцам семена и хлеб, отвыкнув добывать насекомых. При этом выживаемость молодняка резко снижалась (Höfig, 1983). Хорошо известны и примеры “нахлебничества” медведей в национальных парках США, нередко заканчивавшиеся вынужденным отстрелом зверей.

5. Природоохранные биотехнические мероприятия. Эта мотивация выходит на сцену одной из последних. Скворечники начали применяться в Западной Европе в природоохранных целях лишь в XVIII в. (Stresemann, 1948). Появившиеся в XIX в. природоохранные организации берут на вооружение идею проведения биотехнических мероприятий, прежде всего устройство искусственных гнездовий и подкормку птиц. Начинают выходить научные работы по методике привлечения на гнездование различных видов (Wacquant-Geozelles, 1892 и др.).

Уже в 1895 г. появились сообщения о возможности привлечения пустельги в гнездовые ящики (Piechocki, 1991). Нельзя не упомянуть и о классической книге Г. фон Берлепша, которая была переведена на многие языки (русское издание — Берлепш, 1900). В России в 1871 и 1883 гг. вышли два издания брошюры В.Э. Иверсена, в которой говорилось о привлечении мелких птиц гнездовыми ящиками (Благосклонов, 1991).

Дальнейшее развитие природоохранной биотехники было связано прежде всего с общественным движением в защиту птиц. В Российской империи этим занимались различные общества и союзы. Например, Хортицкое общество охранителей природы устроило зимнюю подкормку птиц, развешивало искусственные гнездовья (Борейко, 1995, 1997). В СССР распространению птицеохранной биотехники немало способствовало юннатское движение. Возникла даже традиция проведения весной “Дней птиц”, к которым, обычно, приурочивали массовую развеску искусственных гнездовий. Впервые такой праздник был проведен в 1924 г., а уже через несколько лет подобные мероприятия стали массовыми (Благосклонов, 1972; Борейко, 1990, 1995).

Собственно говоря, биотехнические мероприятия, проводившиеся долгие годы в СССР и многих других странах, чисто природоохранными назвать сложно, поскольку мотивировка их была так или иначе связана с утилитарными интересами человека: охрана полезных птиц, привлечение их для борьбы с вредителями и т. п. Даже первые издания классической книги К.Н. Благосклонова (1949 и др.) назывались “Охрана и привлечение птиц, полезных в сельском хозяйстве”. Интересно проследить за “эволюцией” этого названия, она отражает и изменение общего подхода к охране птиц. 4-е издание уже называлось короче — “Охра-

на и привлечение полезных птиц” (Благосклонов, 1957), и лишь в 5-м всякие “добавки” к слову “птицы” были убраны (Благосклонов, 1972).

Истинно природоохранная биотехника начинает развиваться лишь в последнее время. Главная ее отличительная черта — мероприятия проводятся в интересах самих птиц, для сохранения их видового разнообразия, независимо от утилитарных интересов человека.

Природоохранные биотехнические мероприятия проводятся сейчас в широких масштабах общественными организациями и государственными службами во многих странах мира. Например, в Финляндии в середине 1980-х гг. только для сов было более 12,5 тыс. гнездовий (Naarala, Saugola, 1986). В Швеции действует свыше 100 пунктов зимней подкормки беркутов (Tjernberg, 1990).

6. Биотехнические мероприятия в научных и познавательных целях. Со становлением научной орнитологии и охотоведения биотехнические мероприятия стали использоваться и для исследования птиц — изучения гнездовой экологии, поведения, питания, кольцевания и т. п. Гораздо удобнее привлечь определенные виды на гнездование и не тратить время на поиск их гнезд, тем более, что доступность их для различных исследований в гнездовьях гораздо больше, чем, например, в естественных дуплах. Так, в Астраханском заповеднике использовали искусственный плавучий плот для изучения поведения крачек (Звонов, 1985). В различных регионах СССР проводился отлов на прикормочных площадках крупных хищников для мечения (Абуладзе, 1990). Птицы, охотно занимающие искусственные гнездовья, — благоприятный объект и для мониторинговых наблюдений (Луговой, 1996).

Привлечение птиц на подкормку и в искусственные гнездовья широко

применяется также в различных познавательных целях — при организации экскурсий, фотографировании, съемках фильмов и т. п. В ГДР, например, было даже разработано оригинальное искусственное гнездовье для зимородка именно для того, чтобы заснять гнездовую жизнь этой птицы (Маѡну, 1983).

Литература

- Абуладзе А.В. (1986): Гибель хищных птиц на Кавказе. - Редкие и исчез. виды раст. и животн., флористич. и фаунистич. комплексы Сев. Кавказа, нужд. в охране: Тез. докл. научно-практич. конфер. Ставрополь. 81-82.
- Абуладзе А.В. (1990): Организация подкормочных площадок для крупных хищных птиц. - Методы изуч. и охраны хищных птиц. М. 240-248.
- фон Берлепш Г. (1900): Всеобщая защита птиц, ее основы и выполнение. СПб. 1-92.
- Благосклонов К.Н. (1949): Охрана и привлечение птиц, полезных в сельском хозяйстве. М. 1-224.
- Благосклонов К.Н. (1957): Охрана и привлечение полезных птиц. М. 1-285.
- Благосклонов К.Н. (1972): Охрана и привлечение птиц. М.: Просвещение. 1-240.
- Благосклонов К.Н. (1991): Гнездование и привлечение птиц в сады и парки. М.: МГУ. 1-251.
- Благосклонов К.Н. (2000): Кто изобрел скворечник? - Охрана дикой природы. 1-2: 8-10.
- Борейко В.Е. (1990): О празднике "День птиц". - Биология в школе. 2: 72.
- Борейко В.Е. (1992): Історія охорони тваринного світу на Україні. - Охрана тваринного світу. Київ: Урожай. 3-25.
- Борейко В.Е. (1995): История охраны птиц в Киевской Руси, Российской империи и Советском Союзе. X век — 1964 год. - Практичні питання охорони птахів. Чернівці. 89-133.
- Борейко В.Е. (1996): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев. 1-224.
- Борейко В.Е. (1997): История охраны природы Украины (X век — 1980 г.). Киев. 1: 299, 2: 1-188.
- Борейко В., Грищенко В. (1995): Использование народных традиций в охране хищных птиц. - Экол. образов. на базе запов. территорий. Киев-Черновцы. 150-152.
- Борейко В.Е., Грищенко В.Н. (1999): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. 2-е изд. Киев. 2: 1-172.
- Браунер А.А. (1929): По морским и песчаным заповедникам Украины. - Укр. мисливець та рибалка. 9.
- Воинственский М.А. (1960): Птицы степной полосы Европейской части СССР. Киев: АН УССР. 1-292.
- Галушин В.М. (1980): Хищные птицы леса. М.: Лесная пром-сть. 1-158.
- Грищенко В.Н. (1994): Динамика численности и ареала черного аиста в Европе. - Беркут. 3 (2): 91-95.
- Грищенко В.Н. (1995): Биотехнические мероприятия по охране редких видов птиц. - Практичні питання охорони птахів. Чернівці. 3-10.
- Грищенко В.Н. (1996а): Миграции птиц как одна из причин их сакрализации. - Мат-ли II конфер. молодых орнітологів України. Чернівці. 48-52.
- Грищенко В.М. (1996б): Білий лелека. Чернівці. 1-127.
- Грищенко В.Н. (1997): Биотехнические мероприятия по охране редких видов птиц. Черновцы. 1-143.
- Грищенко В.Н. (1998): Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев. - Беркут. 7 (1-2): 120-131.
- Грищенко В.Н. (1999): Миграции птиц и народные верования. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 23-32.
- Грищенко В.Н., Борейко В.Е., Бабко В.М., Горбань И.М., Михалевич И.В., Серебряков В.В., Стригунов В.И. (1993): Результаты проведения "Года орлана-белохвоста" на Украине в 1989 г. - Беркут. 2: 34-41.
- Дементьев Г.П. (1950): К истории скворечника. - Охрана природы. 10: 152-158.
- Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.
- Жила С.М. (1994): Причини скорочення чисельності та охорона чорного лелеки на півночі Житомирщини. - Беркут. 3 (1): 52-53.
- Звонов Б.М. (1985): Поведение речных крачек на искусственном гнездовье. - Теор. аспекты колониальности у птиц. М. 40-42.
- Ионов В.М. (1913): Орел по воззрениям якутов. - Сб. музея антропологии и этнографии Академии наук. 16: 1-13.
- Кириков С.В. (1979): Человек и природа восточноевропейской Лесостепи в X — начале XIX вв. М.: Наука. 1-184.
- Кірыкаў С.В. (1929): Справаздача аб паездцы ў Мазырскае Палесье для збору матар'ялу на фаўне на вучастку: Прыпяць (з паўначы) — дзяржаўная мяжа (з заходу) — Вальнь (з поўдня) — Вубарць (з усходу). - Матар'ялы для вывучэння флэры і фаўны Беларусі. 4: 59-79.
- Кулаков А.Е. (1997): Религии мира. М.: АСТ. 1-352.
- Лебедев И.Г., Константинов В.М. (1996): Врановые в русском фольклоре. - Экология и чис-

- ленность врановых птиц России и сопредельных государств. Казань. 14-15.
- Легейда И.С. (1996): Бортничество и особенности гнездования черного аиста в Полесском заповеднике. - Мат-ли конфер. 7-9 квітня 1995 р., м. Ніжин. Київ. 39-40.
- Луговой А.Е. (1996): Унификация мониторинговых наблюдений за птицами-дуплогнездниками. - Запов. справа в Україні. 2: 29-30.
- Мак-Кланг Р. (1974): Исчезающие животные Америки. М.: Мысль. 1-208.
- Мищенко А.Л. (1990): Привлечение пернатых хищников. Обзор проблемы. - Методы изуч. и охраны хищных птиц. М. 253-256.
- Никифорова А.Д. (1997): Орел как универсальный символ духовной традиции бурят. - Докл. и тез. Междунар. симп. "Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации, Россия — Восток — Запад в судьбе народа". Улан-Удэ. 90-92.
- Николаев Г. (1999): Райские сады на земле — были! Так считают археологи. - Наука и жизнь. 3: 82-86.
- Паклина Н.В., ван Орден К. (2000): Кианги и другие обитатели Тибета. - Природа. 1: 40-49; 2: 35-44.
- Рябцев В.В. (1999): Белоголовый орел байкальских легенд. - Беркут. 8 (2): 222-226.
- Симаков Г.Н. (1998): Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб: Петербургское Востоковедение. 1-320.
- Скворцы истребители жуков. - Природа и охота. 1884. Сентябрь: 74.
- Стригунов В.И. (1986): Хищные птицы лесостепи бассейна Днепра. - Дисс. ... канд. биол. наук. Черкассы. 1-203.
- Черкас Н.Д. (1992): Гнездование черных аистов на настилах для ульев. - Аисты: распростран., экология, охрана. Минск: Наука і техника. 202-203.
- Шарлемань Н.В. (1997): Природа и люди Киевской Руси. Киев. 1-164.
- Яремченко О.А., Шейгас И.Н. (1991): Бородатая неясыть (*Strix nebulosa*) в Полесском заповеднике. - Вестн. зоол. 5: 86.
- Archer G., Goodman E.M. (1937): The Birds of British Somaliland and the Gulf of Aden. London: Gurney and Jackson. 1: 1-285.
- Bauer H.-G., Berthold P. (1997): Die Brutvögel Mitteleuropas. Bestand und Gefährdung. Wiesbaden: AULA-Verlag. 1-715.
- Bönig K. (1977): Vögel als Schädlingsvertilger im Altertum. - Anz. Schädlingsk., Pflanz.- und Umweltschutz. 50 (7): 97-100.
- Brauneis W. (1996): Vom Schwarzstorch *Ciconia nigra* in Hessen. - Orn. Mitteilungen. 48 (7): 161-170.
- Bub H. (1994): Nistplätze des Fischadlers *Pandion haliaetus* im Südosten der USA. - Orn. Mitteilungen. 46 (8): 208-211.
- Gattiker E., Gattiker L. (1989): Die Vögel im Volksglauben. Wiesbaden: AULA-Verlag. 1-589.
- Génsbøl B., Thiede W. (1997): Greifvögel. München: BLV. 1-414.
- Grischtschenko V. (1996): Bienenstöcke auf Bäumen als Nistplätze seltener Vögel. - Orn. Mitteilungen. 48 (1): 14.
- Grossman M.L., Hamlet J. (1964): Birds of Prey of the World. London. 1-550.
- Haapala J., Saurola P. (1986): Breeding of raptors and owls in Finland in 1986. - Lintumies. 21: 258-267.
- Hancock J.A., Kushlan J.A., Kahl M.P. (1992): Storks, Ibises and Spoonbills of the World. Academic Press. 1-385.
- Hinkelmann Ch. (1995): Der Weißstorch (*Ciconia ciconia*) im ehemaligen Ostpreußen. - Blätter Naumann Museum. 15: 24-52.
- Hörig H. (1983): Frühlingsgedanken zur Winterfütterung. - Falke. 30 (4): 132-135.
- Hormann M., Richarz K. (1996): Schutzstrategien und Bestandsentwicklung des Schwarzstorchs (*Ciconia nigra*) in Hessen und Rheinland-Pfalz — Ergebnisse einer Fachtagung. - Vogel und Umwelt. 8 (6): 275-286.
- Hornberger F. (1967): Der Weißstorch. Die Neue Brehm-Bücherei. 375. Wittenberg Lutherstadt. 1-156.
- Kahl M.P. (1981): Welt der Störche. Hamburg, Berlin: Parey. 1-96.
- Maßny H. (1983): Nistkasten für Eisvögel. - Falke. 30 (4): 114-121.
- Mikkola H. (1983): Owls of Europe. Calton: F. & A.D. Poyser. 1-397.
- Ortlieb R. (1984b): Greifvögel — noch immer vogelfrei? - Naturschutzarbeit in Halle und Magdeburg. 21 (2): 11-18.
- Piechocki R. (1991): Der Turmfalke. Die Neue Brehm-Bücherei. 116. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-164.
- Poole A., Spitzer P. (1983): An Osprey revival. - Oceanus. 26 (1): 49-54.
- Rothermundt J. (1905a): Die Schädlichkeit des weissen Storches. - Aquila. 12: 342-343.
- Rothermundt J. (1905b): Der schwarze Storch. - Aquila. 12: 343.
- Schönn S. (1980a): Käuze als Feinde anderer Kauzarten und Nisthilfen für höhlenbrütende Eulen. - Falke. 27 (9): 294-299.
- Schröder P., Burmeister G. (1974): Der Schwarzstorch. Die Neue Brehm-Bücherei. 463. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag.
- Schulz H. (1988): Der Weißstorchzug. Königslutter-Lelm. 1-459.
- Stresemann E. (1948): Geschichte des Starenkastens. - Orn. Beobachter. 45 (5): 169-179.
- Tjernberg M. (1990): Kungsörnen *Aquila chrysaetos* i Sverige — utbredning, status och hot. - Vår Fågelvärld. 49 (6): 337-348.
- Wacquant-Geozelles S. von (1892): Künstliche Nistanlagen für Eisvogel, Wasserstar, Uferschwalbe. - Mitt. Orn. Vereins Wien. 16: 151-153.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ДОБРАЯ ВОЛЯ — АЛЬТЕРНАТИВА УБИЙСТВУ

А.А. Никольский

Российский университет дружбы народов

“Вышеизложенные факты убедительно свидетельствуют о пагубности применения почвенных ловушек с фиксирующими веществами в условиях особо охраняемых природных территорий, а также об их необъективности при исследовании видовой разнообразия беспозвоночных”.

М.Н. Цуриков “Почвенная ловушка нового типа”. Мат-лы научно-практич. конфер., посвящ. 70-летию Воронежского биосферного заповедника. Воронеж, 1997 г.

Я неоднократно обращал внимание на то, что заповедники и национальные парки должны быть тем местом, где *любая* жизнь имеет особый статус и царит (должен царить) дух благоговения перед жизнью. Убийство на территории заповедников противоречит их природоохранному менталитету. Однако эти мои обращения не только не находят понимания среди заповедного народа, но у его большинства вызывают бурный внутренний протест.

Обычно научные сотрудники оправдывают свои неэтичные по отношению к живому населению заповедников действия тем, что традиционно и согласно “Закону об охраняемых природных территориях”, заповедники являются научно-исследовательскими учреждениями. В их обязанности входит, в том числе, проведение зоологических исследований, неизбежно сопровождаемых массовым отловом животных. То есть, такова суровая проза жизни.

Чтобы выяснить масштабы убийства животных на территории заповедников в научных целях (по научному это называется “безвозвратные отловы”), ка-

ков научный выход в результате этих отловов и каково отношение самих ученых, работающих в заповедниках, к безвозвратным отловам, Эколого-просветительский центр “Заповедники” разослал в 1998 г. по заповедникам России анкету. В ней предлагалось ответить на вопросы, связанные с массовым убийством в научных целях позвоночных животных на территории заповедников. Руководитель Центра Наталья Романовна Данилина попросила меня подвести итоги этого опроса и кратко их прокомментировать.

Всего поступили ответы из 20 заповедников. Все ответы представляют собой коллективное мнение ученых советов заповедников. В основном научные сотрудники с пониманием и интересом отнеслись к предлагаемым вопросам, хотя некоторые из них высказались откровенно скептически в отношении проблемы в целом.

Ниже курсивом даны вопросы анкеты. В скобках после вопроса указано число заповедников, ответивших на данный вопрос. Далее, обычным шрифтом, приведены краткие итоги ответа

и в конце дан общий комментарий по результатам опроса. Часть заповедников затруднились ответить на те или иные вопросы, поэтому на каждый вопрос ответили менее 20, из приславших ответы, заповедников.

Я думаю, что ответы на вопросы анкеты должны быть интересны, прежде всего, самим научным сотрудникам заповедников, так как они позволяют им взглянуть на себя и на свою работу со стороны, под определенным углом зрения.

1. *Сколько особей наземных позвоночных животных убито в научных целях в Вашем заповеднике в 1997 г.?* (18).

В среднем на один заповедник в 1997 г. добыто: млекопитающих – 90; птиц – 7; рептилий – 0; амфибий – 16.

2. *Какой процент из убитых в 1997 г. наземных позвоночных животных попал в зоологическую коллекцию Вашего заповедника, централизованного музея?* (12).

В коллекцию музея заповедника попали 19 % из убитых животных, в коллекцию централизованного музея – только 3 %.

3. *Сколько научных статей (не тезисов), независимо от издания, опубликовал заповедник за последние 5 лет на основе материала, собранного методами безвозвратного отлова наземных позвоночных?* (19).

В среднем за последние 5 лет на один заповедник приходится 0,42 публикации, то есть, менее 0,1 в год, или одна статья за 10 лет.

4. *Достаточно ли полно используется материал, собранный методами безвозвратного отлова, в “Летописи природы” Вашего заповедника?* (15).

10 заповедников считают, что достаточно полно, 5 – нет.

5. *Считаете ли Вы оправданным на территории заповедников (не только Вашего) массовый безвозвратный отлов животных?* (15).

Оправданным массовое убийство животных считает один заповедник, 14 – неоправданным.

6. *Считаете ли Вы целесообразным отказаться от некоторых плановых тем, предусматривающих массовый безвозвратный отлов животных на территории заповедников (не только Вашего)?* (16).

11 заповедников считают целесообразным такой отказ, 5 заповедников ответили отрицательно на этот вопрос.

7. *Считаете ли Вы оправданным поиск альтернативных методов сбора и обработки зоологического материала, исключающих массовые безвозвратные отловы животных?* (17).

Все заповедники считают такой поиск оправданным.

8. *Считаете ли Вы, что каждое убитое на территории заповедника животное должно поступать в зоологическую коллекцию Вашего заповедника, централизованного музея?* (15).

8 заповедников считают, что каждое убитое животное должно поступать в музей заповедника, 4 – в централизованный музей, по мнению 3 заповедников – и в музей заповедника, и в централизованный музей.

9. *Хотели бы Вы принять участие в реализации проекта, которым предусматривается поиск и внедрение методов, альтернативных массовым безвозвратным отловам животных на территории заповедников?* (17).

13 заповедников хотели бы принять участие в реализации проекта, 4 – нет.

10. *Считаете ли Вы задаваемые в данной анкете вопросы пустым занятием?* (18).

4 заповедника считают задаваемые вопросы пустым занятием. 14 – нет.

Итак, проведенный опрос показал, что даже если, оправдываясь “производственной необходимостью”, исключить этическую сторону проблемы, то оказывается, что научные результаты

работ, основанных на массовых убийствах животных, крайне низки.

Так, в среднем, каждый заповедник добывает в год около 100 животных. В основном это мелкие млекопитающие (грызуны и насекомоядные). Неожиданно мало птиц и неожиданно много амфибий. Последнее – в основном за счет одного заповедника, который “отличился”, добыв в 1997 г. 269 экземпляров земноводных.

Усредняя полученные результаты, можно считать, что в целом по России на территории заповедников *ежегодно* добывается в научных целях около 10 тыс. позвоночных животных (на момент передачи материала в редакцию в России официально числилось 99 заповедников). Должен заметить, что это меньше, чем я ожидал, хотя тоже немало, если учитывать то, как используются добытые животные, о чем речь пойдет ниже.

Из общего числа убитых животных лишь около 20 % попадает в научные коллекции музеев, причем, только 3 % – в крупные, централизованные хранилища, доступные любому специалисту. Все остальное, видимо, выбрасывается, что противоречит принятым в зоологической практике традициям и *профессиональной этике*.

Крайне невелико число публикаций, в которых используется материал, собранный на территории заповедников методом безвозвратных отловов. В год сотрудники заповедников публикуют не более 0,1 статьи на заповедник, или одну статью за 10 лет, что, конечно же, очень мало. Все остальное попадает на страницы научной печати в виде тезисов или фигурирует в отчетах, не оставляя практически никаких следов в науке – известно, что тезисы, особенно ведомственные, никто не читает. Кстати, отчеты вообще стали излюбленным жанром большинства из тех, кто называет себя “ученым”. Более того, 30 % заповедников считают, что этот материал недостаточно полно используется и в “Летописи природы”.

Вероятно, критически воспринимая то, как используется в заповедниках научный материал, почти все заповедники ответили, что массовый безвозвратный отлов животных на территории заповедников *не оправдан*.

Понимая ограниченный научный выход от своей работы, сотрудники многих заповедников считают целесообразным отказаться от некоторых плановых тем, предусматривающих массовое убийство животных.

подавляющее большинство заповедников считают оправданным поиск альтернативных методов сбора и обработки зоологического материала.

Правда, 3 заповедника высказались примерно в том духе, что, дескать, “говорить легче, чем делать” и рекомендуют встать на их место. По-своему, они, конечно, правы.

Все заповедники, ответившие на вопросы анкеты, считают, что каждое убитое животное должно поступать в зоологическую коллекцию. Но большинство из них не хотят расставаться со своим материалом и передавать его в централизованные хранилища. Такая позиция опять же противоречит не только мировой зоологической практике, но и здравому смыслу по нескольким причинам: 1) крупнейшие хранилища зоологических коллекций России, такие, например, как Зоологический музей МГУ, ЗИН РАН, СО РАН (г. Новосибирск) предоставляют свои фонды для работы *всем* специалистам, в том числе, и сотрудникам заповедников, многие из которых состоялись как ученые именно на этих коллекциях; 2) в крупных музеях коллекции большинства видов животных представлены большими *сериями*, что, как известно любому зоологу, имеет принципиальное значения для оценивания изменчивости и 3) в большинстве заповедников по *объективным* причинам отсутствуют условия для надежного хранения зоологических коллекций, они очень быстро приходят в негодность и

их приходится выбрасывать. Нередко при этом уничтожаются уникальные экзemplяры и целые серии, имеющие выдающуюся научную ценность.

Большинство заповедников положительно восприняли идею реализации проекта, которым предусматривается поиск и внедрение методов, альтернативных массовому убийству животных, и не считают задаваемые в анкете вопросы пустым занятием. Хотя, следует отметить, что и противоположной точке зрения придерживаются довольно многие, практически, каждый четвертый заповедник.

Таким образом, в целом на территории заповедников ученые убивают меньше животных, чем ожидалось, но используется этот материал очень плохо: лишь незначительная его часть попадает в коллекции самих заповедников и почти ничего не передается в центральные музеи, ничтожно мало публикаций и далеко не весь материал попадает в "Летопись природы". Большинство сотрудников заповедников сомневаются в целесообразности массовых плановых отловов животных, а многие из них хотели бы приобщиться к новым, альтернативным методам исследования.

И, наконец, все сказанное подводит нас к интересному и неожиданно выводу: в заповедниках в большей степени нарушается *профессиональная*

этика, чем этика благоговения перед жизнью.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Но не все плохо в Заповедном королевстве. Возвращаясь к эпиграфу, я хотел бы обратить внимание на то, что есть в наших заповедниках светлые души и профессионалы экстра класса, для которых этика благоговения перед жизнью стала неотъемлемой частью профессиональной этики. Михаил Николаевич Цуриков, научный сотрудник заповедника "Галичья гора", кандидат биологических наук — один из немногих, для кого любая жизнь на заповедной территории, даже жизнь насекомого, имеет особый статус.

Вот уже на протяжении 20 лет (*двадцати*) он разрабатывает и успешно применяет специальные ловушки для беспозвоночных, с помощью которых удается *в десятки раз улучшить избирательность отлова*, исключая таким образом напрасные жертвы многих тысяч (таковы специфические масштабы работы с беспозвоночными) экзemplяров животных.

Дерзание Михаила Николаевича подтверждает: *высокий профессионализм и добрая воля — единственная альтернатива массовому убийству в заповедниках.*

ЛОВИТЬ ИЛЬ НЕ ЛОВИТЬ? ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС...

Б.Н. Кашеваров

Костомукшский заповедник

Проблема безвозвратного отлова животных на территориях заповедников, затронутая А.А.Никольским, зна-

Опубликовано в журнале "Охрана дикой природы", 1999, № 4, с. 16-17.

чительно сложнее и многограннее как с морально-этической, так и с чисто прагматической точек зрения, чем может показаться на первый взгляд. Проведенное Экоцентром "Заповедники" в 1997 г. анкетирование может и долж-

но рассматриваться только как приглашение к дискуссии, а не как путь решения проблемы. Меня не удивляет, что в анкетировании приняли участие только 20 заповедников.

Полностью согласен, что такая проблема есть, ее надо решать и отказываться от умерщвления животных для научных целей в заповедниках, переходя постепенно на щадящие методы изучения (живоотлов, мечение и т. п.), хотя многие необходимые данные в настоящее время пока еще невозможно получать щадящими методами. Но здесь возникает ряд вопросов, без ответа на которые сама постановка проблемы становится двусмысленной.

Вопрос первый. В большинстве, если не во всех заповедниках узаконены так называемые хозяйственные зоны, в которых в числе прочего разрешена рыбалка. Чем же так провинились перед заповедной системой рыбы, что при обсуждении проблемы изъятия позвоночных животных их таковыми не считают? И лов рыбы производится не в научных, обратите внимание, целях, а в совершенно утилитарных. Или, если отловленных полевок и бурозубок использовать в пищу (как поступал в свое время известный ученый и писатель Фарли Моуэт с леммингами), проблема бы не стояла? И если еще как-то можно смириться с отловом рыбы во время длительного пребывания сотрудников на полевых работах, то как оправдать выдачу разрешений на рыбалку в заповеднике посторонним лицам или даже своим сотрудникам, специально едущим в заповедник для этих целей? При обсуждении поставленной проблемы “тяжелые экономические условия” брать в расчет, наверное, все-таки не нужно. И никто в большинстве заповедников не отчитывается не только о том, какие виды рыб и в каком количестве отловлены, если нет отдельной темы (какие уж там промеры!), но даже и о выловленных килограммах. Не говоря уже о передаче вылов-

ленной рыбы или хотя бы ее чешуи в научные учреждения.

Здесь мы подходим ко второму вопросу — о коллекциях и коллекционировании. Прежде чем начинает создаваться какая-либо коллекция, определяют в какой-то степени ее цель и задачи. Невозможно себе представить, чтобы сохраняли (коллекционировали) весь собранный материал. Если говорить о мелких млекопитающих, то сохранять надо не только черепной материал, что наиболее принято, но и шкурки, а лучше еще и образцы тканей для химических анализов, органы для морфологического изучения и сравнения. Нетрудно себе представить эти горы (или бочки?) законсервированных до лучших (когда же они наступят?) времен грызунов, бурозубок и др. Для хранения их хоть в заповедниках, хоть в научных центрах нужны хранилища. Прежде чем собранный материал будет в них помещен, он должен быть хотя бы минимально обработан, а для этого нужны кадры.

И здесь мы переходим к третьему вопросу, возникающему в связи с затронутой проблемой. В конце 1996 г. в 13 % заповедников России научных отделов не было вообще, в 38 % заповедников численность научных отделов, включая их руководителя, была меньше 6 человек, причем в 24 % численность научных отделов была 3 человека и меньше (“Информационный бюллетень”, 1997). Как при таких силах полностью обработать собранный материал? Или как перейти на альтернативные методики с “возвратным” отловом, всегда более трудоемким и дорогостоящим? По своей специализации я энтомолог, провожу мониторинг напочвенных жуков. В почвенные ловушки кроме интересующих меня объектов попадают также другие беспозвоночные и, увы, позвоночные животные: землеройки и полевки, земноводные, а по весне и несколько ящериц-живородок. Чтобы не губить их, я приноровился

первые 2 недели, когда вероятность их попадания в ловушки очень высока, а температура еще достаточно низка (беспозвоночные не уничтожают друг друга в ловушках), экспонировать ловушки без фиксирующей жидкости. И я очень рад, что один из двух сотрудников нашего научного отдела — териолог, чрезвычайно увлеченный мелкими млекопитающими. Зверьки из почвенных ловушек дают ему дополнительный интересный материал. А вот герпетолога нет, и этот материал полностью пропадает, так же как и по тем группам беспозвоночных, для определения которых нужен отдельный специалист.

Финансирование заповедников, и научных исследований в них в особенности, — это уже четвертый вопрос.

Переход на новые методики, новые типы ловушек потребует соответствующих затрат. А какое-то время нужны и параллельные учеты обоими методами для преемственности и сравнения...

Это только некоторые вопросы, они лежат на поверхности. Но есть и много других, на рассмотрении которых я не остановился. Может быть, стоит в первую очередь приступить к “реализации проекта, которым предусматривались бы поиск и внедрение” во всех заповедниках режима, в полном объеме соответствующего действующему законодательству об ООПТ (1995) и типовому Положению о заповедниках, а уж во вторую — поднимать проблему массового отлова некоторых групп животных в научных целях.

ЭТИКА БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ И ГЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В.В. Дежкин

Международный независимый эколого-политологический университет

Мог ли когда-либо предположить один из самых крупных и искренних гуманистов современности Альберт Швейцер, что его творения, воспринятые буквально и примитивно, послужат поводом для вынесения величайшим гениям человечества — Пушкину, Тургеневу, Л. Толстому, Хемингуэю — обвинения в принадлежности к числу “эстетствующих убийц”? Именно это, лавируя и оправдываясь, прибегая ко всяческим оговоркам, сделал профессор А.А. Никольский в статье “Этика благоговения перед жизнью и эстетика убийства”, помещенной в 1 номере “Гуманитарного экологического журнала”...

Узнав о предстоящем рождении нового издания, я подумал: прекрасный журнал, но и удобнейшая трибуна для высказывания антиохотничьих взгля-

дов. Не дай Бог кто-либо воспользуется этой возможностью и начнет атаку на охоту. Мне не раз приходилось сталкиваться с этой проблемой, я знаю, как она опасна, как затягивает участников битвы, “победа” в которой невозможна. Нужны величайший такт и глубочайшее знание проблемы и психологии человека, когда пускаешься в антиохотничье море. И вот, как на грех, уже в самом начале пути журнала “это” случилось...

Не буду вступать в прямую дискуссию с автором обвинений, обычно это непродуктивно. Попробую показать сложнейшую сущность проблемы и возможные (но не исключительные!) пути ее решения на примере жизни и творчества еще одного великого писателя, счастливо избежавшего навешивания критиками позорящего ярлыка. Речь

пойдет о Джоне Голсуорси — творце великой “Саги о Форсайтах”, авторе “Островов фарисеев”, “Усадьбы”, “Патриция” и других произведений, выдвинувших писателя в число крупнейших романистов Англии.

Тема охоты занимает видное место в произведениях Голсуорси. В известных у нас кратких жизнеописаниях романиста об его отношении к охоте ничего не говорится. Но если молчат биографы, то следует обратиться к творчеству писателя.

Однажды я читал небольшой рассказ Голсуорси “Воспоминание”. В нем повествуется о спаниэле, хозяин которого решил не заниматься больше охотой, описываются “переживания” собаки, лишенной любимого занятия. Рассказ захватывающий, как почти все, созданное этим великолепным писателем. Один абзац особо привлек мое внимание. Я перечитал его. *“Но, конечно, был бы он рядом, настороженный, весь дрожащий от охотничьего азарта, с серьезной сосредоточенной мордой, это придавало бы еще большую радость тем бодрящим утренним часам, когда ожидание шелеста крыльев навстречу твоему ружью, как ничто другое, обостряет в душе охотника почти чувственную любовь к природе, будит неистовый восторг от мягкого блеска листвы, белизны березовых стволов, тончайшего сплетения ветвей в голубом небе, запаха лесных трав, смолы и вереска; когда всем существом своим ловишь малейший шорох, и этот непостижимый трепет передается и папортнику у тебя под ногами, и стволу дерева, к которому ты прислонился”.* (“Воспоминания”, т. XII, стр. 76).

“Ожидание шелеста крыльев навстречу твоему ружью...” Писатель может и должен уметь воспроизводить чувства любых своих персонажей, — вспомните знаменитые перевоплощения Бальзака и Флобера. Но эта способность имеет и свои пределы. Как бы

ты не скрывал свои чувства, я узнаю тебя по твоим творениям, даже твои умолчания расскажут мне о тебе, — любил повторять замечательный американский поэт Уот Уитмэн. Об “ожидании шелеста крыльев...” мог написать только охотник, причем страстный, восторженный, в душе которого воедино слились любовь к природе и любовь к охоте.

Я начал перелистывать произведения Голсуорси уже сознательно, выискивая в них все, имеющее отношение к охоте. И был вознагражден. Трофеи оказались впечатляющими. Десятки раз писатель возвращается к этой теме. И особенно полно раскрыта она в явно автобиографической повести, которая так и названа — “Охота”. Пересказать текст Голсуорси нельзя, да и нет надобности. Предоставим слово автору.

“Сколько раз, бывало, стоял я на просеке в каком-нибудь шотландском лесу и, сжимая ружье, переводил взгляд справа налево и слева направо. Все напряженные нервы, все фибры моего тела откликались на малейшее движение, на еле слышный звук, на самый слабый запах. Пряный аромат увлажненных туманом елей, укусы бесчисленной мошкары, ощущения влажной путаницы мохнатого вереска под ногами, желто-серый лесной сумрак, нерушимое безмолвие — каким неповторимым, чудесным все это было! И вот где-то в самой глубине лесного безмолвия начинал нарастать шум, производимый загонщиками. Сперва негромкий и размеренный, напоминающий не начало симфонии, а ее финал, он становился все громче, громче и неожиданно замирал. И в этой внезапной тишине по ветке вдруг пробежала белка, замирала на мгновение, глядя вниз, и вновь скрывалась, или поперек просеки на мягких бесшумных крыльях пролетала сова.

Затем далеким пронзительным “Бе-е-ей!” опять вступал хор загонщиков, на мгновение заглушаемый

треском выстрелов, и нарастал, нарастал — размеренный, неумолимо движущийся... Вдруг из вереска и папортников появлялся кролик; не подзвывая, что опасность не позади, а рядом, он доверчиво выбежал на просеку, где так часто нежился на солнце. Выстрел — и он, перекувырнувшись, замирал или все-таки успевал добраться до норы...

Иногда мы не трогали такую мелочь, поджидая косуль. Эти светлокоричневые обитательницы леса были исполнены робости, прятались в самой чаще, скользили неслышно, невидимые, словно духи, и всегда старались вырваться из кольца облавы. Порой, высоко взбрасывая задние ноги, какая-нибудь из них выскакивала прямо на цепь загонщиков, и тогда, заглушая обычные крики и грохот палок, поднимался яростный вопль — ведь от выстрела ускользала такая прекрасная “дичь”!

Когда охота кончалась, зверей и птиц, свершивших сужденный им путь, собирали в одну кучу. Полуприкрытые папортником или густым вереском, на земле лежали тельца, отмеченные особой расслабленностью смерти. Мы стояли, глядя на них сквозь туманную дымку, напоенную едким ароматом елей, и каждого из нас охватывало неясное томление, жажда снова стоять на просеке, слушая крики загонщиков и зная, что жертва подходит все ближе и ближе под наши выстрелы”. (“Охота,” т. XI, стр. 193).

Да, это сам молодой Джон стоял на просеке и с трепетом поджидал дичь. И это он глядел на трофеи с двойственным чувством удовлетворения и жалости. В будущем эта трещинка в восприятии автора-охотника станет шире и поставит его перед выбором: “или-или”. Но все это далеко впереди. А пока...

У Голсуорси есть еще одно произведение, в котором за ощущениями героини, участвующей в преследовании

лисицы, можно легко увидеть былой охотничий азарт самого автора. Невозможно создать такую динамичную сцену “со стороны”, с чужих слов, не пережив все это самому.

Джип, главное действующее лицо романа “Сильнее смерти”, едет со своим отцом, лордом Уинтоном: “Приглушенный возглас Уинтона заставил ее повернуть голову. За ближайшими кустами прокрадывалась лисица! Глаза Джип встретились с глазами отца. Его лицо стало твердым, как сталь. Ни звука, ни шороха — словно лошадь и человек превратились в металл... — Но вот уже с лаем вынеслись по следу первые гончие — одна, другая, третья, — только пыль столбом!..”

“Ее гнедой слишком стремительно взял первую изгородь, и Уинтон, обернувшись, крикнул: “Спокойнее, Джип! Сдерживай!” Но она не могла, да и не к чему! Луг, три луга, лисица — чудо, идет, как по нитке! Каждый раз, когда гнедой поднимался в прыжке, она успевала подумать: “Чудесно! О, как мне хорошо! Нет на свете другого такого ощущения! А тут еще вожаком отец, гончие идут ровно, добрым ходом, лугам нет конца. Что там танцы! Это даже лучше — да, лучше! — чем слушать музыку! Всю бы жизнь нестись так, перелетая через изгородь!..”

“И вдруг она увидела лису на дальнем конце луга, отчаянно несущуюся, с вытянутым хвостом, и молнией ее обожгла мысль:”О! Не давайся им в руки! Беги, лиса, беги! Уходи! Неужели все мы на одного загнанного рыжего зверя? Сто великанов, лошадей, мужчин, женщин, собак — все на одну маленькую лисицу?” Перед ней выросла еще одна изгородь, тут же другая, и в экстазе полета через них она забыла о стыде и жалости, только что охвативших ее. Минутой позже лиса растянулась на земле в сотне ярдов от передовь собаки — и Джип радовалась этому! Она не раз видела затрав-

ленных лисиц — ужасное зрелище! Но зато была чудесная скачка...” (“Сильнее смерти,” т. VIII, стр. 337-338).

Но кто же они, охотники Англии? Герои других романов и повестей Голсуорси? Их немало.

Вот лорд Вэллис: “...Любитель скачек, которого после политики больше всего занимали лошади, недавно получивший титул Почетного охотника”.

Затем священник Уорстед Скайнес: “Он прекрасно играл в крокет, еще лучше ловил рыбу, был отличный охотник, хотя говорил, что у него нет времени на эту забаву”.

Здесь и важный, чванливый лорд Саксенден, один из героев романа “Путь святого”. И мистер Пендайс: “...охотник старой закваски, все еще державший пойнтеров, хотя и не охотившийся с ними в виду модных веяний. Он был решительным противником охоты с двумя ружьями”.

Есть и “безгрешный Фоксли”: “С непревзойденным искусством он убивал все, что попадало под выстрел. Это имело свой смысл, ибо у Фоксли не было ни титулов, ни угодий, ни финансового положения, ни духовного сана”.

Колоритны и представляют большой специальный интерес сцены английских охот конца XIX — начала XX веков.

“Динни [действующее лицо романа “Путь святого”. — В.Д.] перелезла через изгородь и подошла к лорду Саксендену. Он беспокойно бродил по отведенному ему уголку поля. У высокого шеста, к которому была прикреплена белая карточка с номером, стоял молодой егеря с двумя ружьями в руках, у ног его лежала, высунув язык, гончая. Дальше вдоль дорожки круто поднималось сжатое поле, и Динни — она знала толк в охоте — поняла, что поднятая со стерни дичь пронесется над ними высоко и быстро...”

— Начался гон, милорд, — послышался голос молодого егеря... Лорд

Саксенден схватил ружье, егеря держал наготове второе...

— Три птицы прямо на вас, милорд.

Бах!..Бах!..Одна из птиц дернулась, сжалась в комок, перевернулась и упала ярдах в четырех за спиной у Динни. У нее перехватило горло. Только что такая живая, а теперь — такая мертвая!” (“Путь святого”, т. IX, стр. 358).

Или вот не менее яркая, выразительная сцена охоты у мистера Пендайса, который всегда предусмотрительно приговаривал:

“Дичь у меня поменьше страуса (мистер Пендайс не подкармливал фазанов, чтобы проворней взлетали), и устраивать бойню в моем поместье — на это не очень-то рассчитывайте”.

“Церемония охоты была тщательно продумана во всех деталях. В шляпу поместили записочки с фамилиями, которые мистер Пендайс собственноручно вынимал одну за другой, определяя номер охотника. Затем был произведен осмотр загонцов, проходивших мимо мистера Пендайса с бесстрастными лицами и палками в руках. Пять минут наставлений старшему егерю, и охотники двинулись в путь, каждый захватив ружье и запас дрови на первый гон, как полагалось по обычаю доброго старого времени...”

В охоте по лесной дичи принимал участие Джордж, сын сквайра Пендайса. Он “...шел последним, глубоко засунув руки в карманы, наслаждаясь тихой прелестью дня, нежным щебетанием птиц, этой чистой и приветливой песней природы. Пахло лесом, и он радостно подумал: “Какой денек для охоты!”

Джордж нашел ногой упор, сдул пылинку с одного из стволов, и запах ружейного масла вызвал у него дрожь. Он забыл все, даже Элис Белью.

Но вот тишину нарушил отдаленный шум; из золотисто-зеленых зарослей вынырнул фазан, летя низко-низко: блеснув на солнце атласным опе-

рением, он свернул вправо и исчез в траве. Высоко в небе пролетели голуби. Забухали палки по деревьям, и вдруг прямо на Джорджа с шумом стремительно метнулся еще один фазан. Джордж вскинул ружье и дернул спуск. Птица на секунду повисла в воздухе, судорожно трепыхнулась и с глухим стуком упала на зеленый мох. Мертвая птица лежала, залитая солнечным светом, и губы Джорджа расплылись в блаженной улыбке. Он упивался радостью бытия”. (“Усадьба”, т. IV, с. 22-24).

У охоты есть одна интересная и важная особенность. Она благородна и прекрасна, когда ею занимаются люди, подобные Джип или Джорджу. Но стоит взяться за ружье человеку низменному, пошлому — и куда девалась красота этого древнего занятия? Среди английских охотников, конечно, было немало людей, чьи человеческие качества вызывали очень большие сомнения, и Голсуорси писал о них. Вспомним о “джентльмене по имени Мэбби” из романа “Остров фарисеев”:

“...он принадлежал к числу тех, кто, прихватив с собой лакея и пару охотничьих ружей, бродит по всей стране с двенадцатого августа до конца января, а потом, очевидно, убывает в Монте-Карло или спит без просыпу до двенадцатого августа следующего года”. (“Остров фарисеев,” т. V, с. 355).

Или совсем отвратительная личность — безымянный лондонский чиновник из очерка “Факты”. Он влачит однообразное существование, видит в жизни одни только факты, ни о чем не думает, не размышляет, ничего не подвергает сомнению. Его “убеждения”: “...в ванну прямо из постели, не расстачивая тепла”; “...я верю в гимнастические булавы”; “...ходить на службу пешком необходимо, потому что это стимулирует работу печени” и т. п.

И вот этот человек-автомат, образ

жизни которого Голсуорси считал “типичным для страны, в которой он живет”, “...за два дня до наступления двенадцатого августа ... брал свои ружья и отправлялся в Шотландию, где каждый год арендовал небольшой участок, на котором водились шотландские куропатки.

Приехав, он прежде всего принимал ванну, а потом вместе с егерем выходил из дому, прихватив с собой охотничьего хорька, или шел просто “взглянуть” на свои охотничьи угодья, причем первое, что он говорил, было: “Ну, Мак-Нэб, как дела? Боюсь, я что-то немного не в форме!..”

И каждый день, возвращаясь с охоты, он приказывал, чтобы все эти первые факты, лежавшие в корзинке, притороченной к седлу пони, раскладывали перед ним рядами так, чтобы он мог пересчитать их, потрогать для верности кончиком стека; чем больше их было, тем большее удовольствие он испытывал.

Вернувшись в Лондон, он говорил: “Год выдался превосходный — пятьсот пар.” Или качал головой, приговаривая: “Двести тридцать пар — скверный нынче год!”

Особенно замечательный экземпляр, подстреленный им, он отдавал чучельщику, чтобы увековечить этот факт” (“Факты”, т. XI, с. 220).

Голсуорси глубоко любил природу и животных. Тема природы буквально пронизывает все его творчество. Он не был сторонником тех, кто видит между человеком и зверями глубокую пропасть и совершенно отрицает наличие у наших четвероногих соседей зачатков мыслей и чувств. В романе “Пустыня в цвету” он писал: “Что чувствуют собаки? Они, несомненно, что-то соображают; любят или не любят, страдают, тоскуют, обижаются и радуются, как люди; но они знают так мало слов, у них так мало мыслей!”

Может ли человек присвоить себе право без крайней нужды, просто так,

ради своего удовольствия, участвовать в убийстве многих разумных, чувствующих, но лишенных дара речи живых тварей? Видимо, вопрос этот все чаще возникал в душе писателя. Мучения животных, раненных охотниками, все сильнее тревожили его чуткую совесть.

Охота у мистера Пендайса закончилась.

”Высоко над лесом еще кружились вспугнутые голуби, а кругом покой, только луч солнца скользнет между ветвей, играя на глянцевитой поверхности листьев, и кажется тогда, что лес наполнен волшебным трепетом.

Из этого сказочного леса выполз подраненный кролик. Его задние лапки вытянулись, передние были подняты, как руки молящегося ребенка. Он лежал недвижимо, будто дыхание уже отлетело от крохотного тельца — жили только черные влажные глаза. Покорно, не жалуясь, не понимая, что случилось, поводя страдающими влажными глазами, он возвращался в лоно своей матери-земли”. (”Усадьба,” т. IV, с. 24).

Тема жалости и сострадания к жертвам охоты звучит у Голсуорси все сильнее и сильнее и наконец неизбежное для него свершается:

”Оттого ли, что часто невольно поступаешь наперекор самому себе ... меня вдруг охватило неодолимое отвращение — я не мог убивать этих птиц и зверюшек...

Исподволь создает Судьба для каждого из нас святыню, которая прячется в сокровенных глубинах наших нервов, мы не можем шутить этим, да и не осмеливаемся!.. Пусть убивают те, кто не ведал этих удивительных наслаждений природой, — для меня это уже невозможно. Если б я мог, я, вероятно, познал бы их снова, но если радость жизни в образе этих крылатых и пушистых созданий постукала хоть раз вам в душу, сама мысль о том, что, нажав стальной крючок,

ты вырвешь из них, живых, эту радость, станет тебе невыносима. Называйте это эстетством, слонтейством, дешевой сентиментальностью, называйте, как угодно, все равно, это сильнее нас!” (”Воспоминания”, т. XII, с. 77).

Вы думаете, что Джон Голсуорси, перестав быть охотником, предал анафеме свою былую страсть? Ничего подобного. Знатор человеческих душ, он был лишен одномерного восприятия перемен в человеческом поведении. Никаких проклятий своему прошлому, никакого осуждения людей, остающихся охотниками.

”Но как можно осуждать другого за чувства, некогда целиком владевшие тобой?!” — восклицает писатель.

Как можно осуждать страсть, — добавим мы, — которая тобой никогда не владела, о которой ты знаешь лишь понаслышке? Не проще ли довериться интуиции и жизненному опыту великих людей? “Эстетствующие убийцы!” Как далеко это от нашего восприятия Пушкина, Тургенева, Толстого, Хэмингуэя. И раскаявшегося грешника (но в определенный период жизни страстного охотника!) Джона Голсуорси, можем сказать мы теперь. “...Святыня, которая прячется в сокровенных глубинах наших нервов.” Путь она определяет важные поступки людей, не будем пытаться легкомысленно подменить ее... И пусть каждый, сам для себя, определяет свое отношение к охоте, не пытаясь навязать его другим.

Редакция “Гуманитарного экологического журнала” поздравляет известного российского ученого, доктора биологических наук Вадима Васильевича Демкина с 70-летием и желает здоровья и новых успехов на природоохранном поприще.

Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

V.E. Boreiko. Radical View on Preservation. Nonmaterial Values of Specially Protected Natural Areas. Wildernesses are lots of free nature, which were not disturbed by human economical activity where nature is naturally reproduced and is affected by human as by biological being only. Wilderness is the self-willed land. For wilderness protection special wild nature ethic is intended, which originated from American and Russian philosophers and preservationists. Wilderness ethic is the radical sort of environmental ethic, directed on conservation of as much wilderness lots as possible for their own sake. Wilderness ethic is deeply religious. One of its basic claims is that wilderness lots are sacred space. Wilderness ethic is closely related with the wilderness idea. The latest consists in mythological, figurative expression of moral natural conservation views through physical nature, emphasized attention to non-material (ethical, aesthetic, religious, etc) and intrinsic values of natural areas undisturbed by human. At the present time ideology of protected natural areas management throughout the world is anthropocentric. The author thinks that this is deeply erroneous. Wilderness is not a resource; it is valuable for its own sake.

Orientation of nature reserves and national parks for economical values is self-destroying for preservation. Human interests are not final criteria of values of protected natural areas. The main priority of activity of nature reserves and other strictly protected natural areas (categories 1-A; 1-B) is the striving for absolute protection. The aim is fulfillment of wilderness right for existence in the condition of maximum freedom. And it is not the final result which is important (for it is not sufficient), but the constant striving for it. Management of protected natural areas needs new support of meaning. From anthropocentric it has to become ecocentric. Such support of meaning can be given to preservation by emerging wilderness ethic. Wilderness ethic obliges us to refuse from compulsory or otherwise imposing of our will on wild protected nature, teaches to experience awe before it and sense it as sacred space. It requires respect to wilderness autonomy and ability of wild species to determine the course of their own lives by the selves.

The author believes that there must be created principally new kind of protected natural areas, where wilderness must be completely left for itself. In these new objects, not only all kinds of economical use of nature should be prohibited, but even scientific investigations and environmental tourism. As for existing reserves and national parks, scientific investigations and tourism in them should be minimized. The author considers as a notional shame and profanation of preservation modern practice of catching out in nature reserves animal and plant species for scientific investigations, as well as hunting and fishing for pleasure of visitors in natural parks of certain countries. The author concludes with the list of new non-material values of protected natural areas which are rarely or not at all mentioned in world literature on protected natural areas: symbolic value, anti-totalitarian value, political value, natural "wildness" value, intrinsic value, freedom value, unconscious value.

**Культ дикой природы как важное
условие организации поддержки
заповедного дела и создания
этики дикой природы**

*... низких истин нам дороже
нас возвышающий обман.*

А.С. Пушкин

Идея дикой природы – великая панкультурная идея, к которой рано или поздно при-

дут все народы. Пусть в какой-либо культуре пока нет еще концепции дикой природы – она не является выдумкой. Возможно, что культура, которая ее не имеет, пока не смогла ее открыть, принять, или еще не нуж-

Опубликовано: Борейко В.Е. Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ. (Дискуссионный материал). М.: Эколого-просветительский центр "Заповедники", 1999. 22 с. Печатается с сокращениями.

дается в ней. Как политическая идея, как культурный идеал понятие “дикая природа” моложе, нежели относительно новое понятие “права человека”. Вопрос дикой природы, этой особой “сверхприроды”, “элиты” природы – более философский, нежели биологический. Достаточно знать, что дикая природа существует, гарантирована в этом мире, видеть ее не обязательно. Особенно в наше время, когда будущее защищено больше, чем прошлое. Дикая природа – постоянная и важная часть цивилизации. Но она не ресурс, дикая природа – это начало, первопричина всего.

Человечество должно вновь открыть для себя мифологическое, сказочное, поэтическое измерения дикой природы.

Дикая природа, как святилище подлинности и оригинальности, как убежище чистоты, нынче становится широко используемым символом заботы о природе.

Под дикой природой подразумеваются участки свободной природы, не нарушенные хозяйственной деятельностью человека, на которые человек влияет лишь как биологическое существо или только опосредованно через глобальные изменения мира.

Существенная характеристика участка дикой природы – его величина. Американцы подразумевают под участком дикой природы территорию такой величины, чтобы ее невозможно было пересечь без наличия каких-либо технических средств передвижения за один день. Олдо Леопольд имел свой стандарт – способность региона дикой природы “поглотить” двухнедельное путешествие (до 2 тыс. км²).

Можно сказать так: место, где постоянно живет цивилизованный человек, является территорией, где нет дикой природы, и наоборот. Символами дикой природы становятся крупные хищники – львы, тигры, медведи, орлы. Как правило, “окультуривания” дикой природы они не выдерживают. Важной характеристикой дикой природы является также ее отдаленность. Под такие определения могут попасть альпийские и субальпийские гористые области, пустыни, тундра, арктические области, подводные участки, пещеры. С некоторой натяжкой –

древние (старовозрастные) леса, заросшие дельты крупных рек, речные каньоны, участки чистого свободного воздуха. Даже утренний туман может образовать “кусочек” дикой природы. Понятие “дикая природа” сродни понятию “тишины”. Как таковой абсолютно дикой природы не существует, как нет и полной тишины. Но как заметил американский писатель Уоллес Стегнер, – “лучше раненая дикая природа, чем вообще никакая”. Участок дикой природы – это такое место, где никто не знает, где начинаются горы и где кончается небо. Дикая природа – это место природного хода жизненных сил. Дикая природа – это более символ, идеал, модельная схема, имеющая независимую от человека ценность. Она означает некую символическую “непохожесть”, а не абсолютную форму. Она жива вне человека, в саду или на опустошенных землях – мертва. Девственная природа не лжет. Она всегда искренна.

К сожалению, в современной западной культуре имеется очень мало моделей и традиций, которые ценят дикие местности, или говорят о том, что дикость может позитивно влиять на людей. Долгое время в истории человечества термин “дикая природа” имел негативный смысл. Так, в Библии он встречается около 300 раз и все его значения являются отрицательными. Это словосочетание обычно относится к засушливым землям, где обитают дьяволы и демоны.

Взгляд о том, что дикая природа имеет особую ценность как противовес цивилизации, возник с европейским романтизмом во второй половине XVIII ст. Это была идея “величественного в природе” Бурка и Канта. Ее поддержала в Северной Америке группа писателей Восточного побережья в начале XIX ст. Символическое положительное значение термина “дикая природа” начало возрастать, когда американские патриоты стали пропагандировать дикость американской природы как особенно ценную характеристику национального наследия, а также как что-то отличительное и уникальное по сравнению с европейскими культурными памятниками. “Трансценденталисты” XIX ст. Эмерсон и Торо, а ближе

к концу века – Мюир продвинули эту идею еще дальше, и настоящий “культ дикой природы” в США зародился в начале XX в. “Общество дикой природы” было учреждено там в 1935 г., а Акт об областях дикой природы принят в 1964 г.

На другой части земного шара, где также сохранилось много дикой природы – в России, возникновению культа дикой природы в XIX – начале XX вв. способствовало литературное творчество Карамзина, Аксакова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, некоторых русских художников, побывавших в Сибири и на Русском Севере. Эту идею развивали классики отечественного заповедного дела Г.А. Кожевников, А.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.И. Талиев, И.П. Бородин, этнограф В.П. Налимов. Однако, после 1917 г., идея дикой природы в России, а позднее в СССР, уже не могла развиваться. Лишь с начала 1990-х гг. о ней опять заговорили в России, Украине и некоторых других странах СНГ. Продвижению культа дикой природы способствует деятельность эколога-просветительского центра “Заповедники” (Москва), Центра охраны дикой природы (Москва), Киевского эколога-культурного центра и других организаций.

Дикую природу можно рассматривать как качество, определяемое в контексте личных ощущений, чувств и выгодных преимуществ. Дикая природа – не только физическое состояние. Это – состояние ума, это – идея. Чувства к дикой природе, как правило, рождаются там, где ее нет – в крупных городах, университетских центрах. Сельские жители, живущие на границе с ней, чаще всего ее не ценят и не понимают.

Дикая природа не является вещью, а скорее морально значимым существом. В своем обсуждении диалектики чистого практического разума Кант утверждает, что вера в идею Бога является необходимым условием моральной жизни. Он утверждал, что идея Бога является существенно важной для моральных законов. По аналогии с этим дикую природу можно рассматривать как трансцендентальную сущность, когда вера в идею дикой природы также становится необходимым условием суще-

ствования морали. Тогда дикая природа стала бы для людей священным местом, где человеческие существа могли бы выйти за пределы ограниченной повседневной жизни и обновиться благодаря контакту с созидательной силой.

Учиться почитать дикую природу – значит учиться помнить и признавать моральные принципы справедливости, благожелательности, рациональности и автономии. Они определяют наше моральное поведение по отношению к дикой природе. Принцип справедливости требует, чтобы мы действовали справедливо, отстаивая интересы всех ее частей. Принцип благожелательности предлагает признавать и увеличивать общую ценность в природе.

Дикая природа сейчас считается в США одним из центральных символов американской национальности. К примеру, обратим внимание на телевизионную рекламу, что показывают у нас. Практически вся она снята на фоне дикой природы. Марк Сагофф, американский философ и юрист, писал, что американцы имеют право на сохранение дикой природы как части их истории и культуры. По его мнению, сохранение таких институтов, как суд присяжных и народное образование.

Убрав дикую природу, можно лишить американцев права быть американцами. Сохранение дикой природы, полагает писатель, является обязательным для американской культурной традиции, для американских национальных ценностей, для американской истории. Уоллес Стегнер заявил, что американцы многого лишатся как нация, если дадут умереть дикой природе.

Зачем же нужно создавать культ дикой природы? Эта красивая, эмоциональная идея может значительно продвинуть у нас (и пример тому – США) решение многих природоохранных проблем. Она действует не только на разум, но и на сердце, на многие подсознательные чувства. Возможно, интерес к сохранению первозданной природы будет стимулироваться у нас реакцией людей на утрату общественных идеалов гармоничного мира, на поиски “потерянного рая”.

Создание культа дикой природы может заключать в себе формирование моды на защиту флоры и фауны, осознание населением священности участков дикой природы, рекламу “живых символов” страны и ее регионов, пропаганду соответствующих стереотипов поведения.

Кульм дикой природы напрямую связан с усилением поддержки заповедников и других ОПТ. Ибо заповедники, заказники, национальные парки являются инструментами сохранения участков дикой природы.

И наконец, создание культа дикой природы невозможно без развития этики дикой природы, особого, наиболее радикального направления в экологической этике.

И последнее. В начале 1999 г. Киевским эколого-культурным центром было проведено анкетирование 400 жителей городов Киева, Львова, Киевской и Львовской областей. Опрашиваемым был предложен список из десяти различных ценностей дикой природы: хозяйственной, научной, рекреационной, эстетической и т. д., и предлагалось выбрать наиболее, по их мнению, значимые для охраны дикой природы ценности. Первые места заняли ценности этические, религиозные и эстетические. Все остальные, в том числе научная и хозяйственная, оказались на последних местах.

В одной из своих работ о необходимости государственной и общественной поддержки заповедного дела Г.А. Кожевников писал: “А то, что чуждо народу, никогда не будет иметь настоящего успеха” (Борейко, 1998). К сожалению, эта мысль до сих пор не понята многими деятелями заповедного дела.

ООПТ как священные пространства

Любовь, уважение к дикой природе является формой религии и, следовательно, имеет нерациональный аспект. Практически все пионеры заповедания всегда говорили, что основным толчком к такой идее была забота об уголках первозданной природы, понимаемых ими как священные.

Эти люди были часто необычайно верующие. Но не в церкви они находили свои храмы, а в дикой природе. Они относились к природе как к божеству. Пионер американского заповедного дела Джон Мюир был уверен, что все, что он делал, спасало священные места. Он говорил о диких горах и лугах как о местах исцеления, обновления и молитвы. Он понимал уважение дикой природы как религиозный опыт. А когда долину Хетч-Хетчи в Йосемитском национальном парке собирались залить водой, он провозгласил принцип священности этого места. “Вид старого дерева, живописной скалы или бурного моря восхищает меня более, чем икона”, – говорит Ф.Р. Штильмарк. Религиозное чувство природы – это особое торжественное содрогание, какое мы испытываем у дикой речки или в осеннем лесу желтых кленов. Оно порождается эстетикой возвышенного и мыслью о присутствии сверхъестественного. Не важно, кто ты – христианин, мусульманин, буддист или язычник, но взглянув на вековое дерево или попав в горное ущелье, ощущаешь близость божества. Не в церкви, а в диких местах человек ближе всего находится к Богу.

Американский путешественник Эствик Эванс один из первых, еще в 1818 г., связал почитание дикой природы с религией: “Каким величественным является безмолвие вечно активных энергий природы! Существует нечто в самом имени дикой природы, которое очаровывает ухо и успокаивает дух человека. В нем содержится религия”. Спустя полтора столетия руководитель Сьерра-Клуба Дэвид Броуер высказался так:

“Мы имеем своего рода религию, этику в отношении земли, и эта религия является, я полагаю, наиболее близкой к буддистской”.

Существует несколько концепций священных мест. Американские индейцы считали священной всю землю. Многие языческие религии ограничивали священную территорию до размера дикой рощи, горы, острова, ключа, дерева. Христианство сузило размер священной территории до хра-

мов. Я полагаю, что природоохранники могут предложить свой миф, свою концепцию священного места, основанной на собственной религии природоохраны, объявив священную территорией все сохранившиеся участки дикой природы.

Дикая природа является совершенно другой, радикально и полностью отличной. По отношению к ней человек ощущает свое полнейшее “ничтожество”, чувствует, что является “не более, чем живым существом”, или, если говорить словами Авраама, с которыми он обратился к Господу: “Я прах и пепел.” Именно это “другое, радикально и полностью отличное”, по мнению выдающегося философа XX в. и историка религии Мирчи Элиаде, и является священным (Грэбер, 1999). Таким образом, участки дикой природы можно назвать священными участками, заповедники – священными объектами. Как писал Ж.Ж. Руссо – “святость лежит в неукрашенной природе”.

М. Элиаде ввел термин “иерофания”, означающий “проявление святого”.

“Иерофания” проявляется в объектах, имеющих нечто из “Совершенно Иного”. Так, священные камни, деревья, родники почитаются не ради самих себя, а ради этого “Совершенно Иного”, в качестве “иерофаний”. Такой святой объект продолжает оставаться самим собой, но, проявляя святое, он становится и чем-то еще (Грэбер, 1999). Поклоняются не самой дикой природе, но власти, проявляющейся в ней. Везде горы почитаются как места власти “Совершенно Иного”. Дикая природа нигде не является просто дикой природой. Это божественное творение, наполненное религиозной ценностью.

Вся же остальная территория Земли является светской, “несвященной”, “профанной”, “вульгарной”. Запрещается как пространственное, так и временное смешивание этих двух миров. Присутствие Бога является важнейшей характеристикой дикости природы. Это священное величественное является делом Бога, которое выходит за пределы истории и останется нетронутым и неизменным стрелой време-

ни. Дикая заповедная природа – это метафора беспредельной возможности, находящейся за пределами человеческого сознания. Дикая природа – это часть веры.

Кстати, проведенные Киевским эколого-культурным центром на Украине в 1999 г. социологические исследования показали, что более 70 % опрошенных согласны с утверждением, что участки дикой природы являются священной территорией.

Этика дикой природы, имеющая сильный религиозный подтекст, не конкурирует ни с одной религией, скорее она предлагает новую религию, откровением которой является постижение огромного космоса и конечной цели и ценности жизни. Бессмысленное повреждение веточки, камня, случайное убийство животного – все это представляет осквернение храма. Религия природоохраны выступает символом качеств, находящихся за пределами структуры рутинной жизни. Мы находимся на пороге нового откровения, нового пробуждения.

ООПТ как красавицы сами по себе

Об эстетической ценности ООПТ я подробно рассказал в своей книге “Введение в природоохранную эстетику” (Борейко, 1999а). Однако, к сожалению, в дискуссиях, вызванных этой книгой, обнаружилось, что многие специалисты заповедного дела смотрят на красоту природы исключительно как на утилитарную, инструментальную ценность. Другими словами, эстетическая ценность дикой природы практически всегда по-прежнему рассматривается как средство для удовлетворения потребностей человека: получения удовольствия, отдыха, рекреации, чувства благоговения или чуда. В таком случае жажда удовольствий мотивирует эстетическое оценивание: мы выискиваем красивые пейзажи не потому, что они ценны сами по себе, а затем, что они способствуют удовлетворению нашего удовольствия. Другими словами, получается, что красота природы измеряется количеством различных удовольствий (или неудо-

вольствий), а сама природная эстетика сводится к удовольствию чувств, к утилитарной полезности для человека. Такой подход не морален и порочен. Он вносит в заповедное дело элементы торгашества, мешает углубленной оценке и вниманию к идеальному, нематериальным природным ценностям. Если мы хотим продвижения в деле спасения дикой природы, нам нужно перестать ценить ее лишь как средство к получению удовольствия. Красота дикой заповедной природы – это не экономический ресурс, ее надо научиться воспринимать с романтической стороны.

Английский экофилософ Эмили Брэди полагает, что кантовская концепция “незаинтересованности” может стать основой нового эстетического оценивания красот природы, когда природный объект ценен ради своих эстетических качеств, а не как орудие к достижению каких-либо целей (Борейко, 1999б). Незаинтересованность можно отождествлять с моральностью. Ибо моральный поступок мотивируется чувством расположения или любви к чему-то ради него самого, и он является противоположным желанию иметь этот объект в качестве орудия для достижения своей цели или удовольствия. По его мнению, эстетическая ценность дикой природы более моральна, нежели научная, ибо последняя заключается в удивлении и любопытстве и нацелена на приобретение знаний, тогда как эстетическое оценивание заключается в восприятии эстетических качеств, и при этом у него нет выраженной цели; оно не служит ни приобретению знания, ни чувственному удовлетворению. Незаинтересованность как основа эстетического оценивания способствует определению позиции, которая эстетический интерес и мысли об использовании природы отводит на задний план, на первое же место ставит эстетические качества, ценные сами по себе, независимо от любых целей. Незаинтересованность (беспристрастность, отчуждение, объективность) не означает равнодушие, а лишь указывает на то, что уголок дикой природы оценивается независимо от выго-

ды или интереса, который он может потенциально содержать. Это что-то сродни независимой работе присяжных в суде. Или можно вспомнить буддийского монаха, который не ищет в эстетике природы для себя вдохновения, удовольствия, а просто ценит красоту горного леса саму по себе. Как считал Кант, по-настоящему красивым может быть только то, что не имеет пользы.

Эмили Брэди приводит пример с бабочкой, которой она любит, восхищается изяществом ее полета. Ее реагирование “незаинтересованное”, потому что она ценит бабочку за изящество и красоту, а вовсе не за то, что она украсит ее энтомологическую коллекцию.

Как писал известный русский философ Н.О. Лосский (1998): *“Красота не есть только служебная ценность, т. е. ценность лишь средство для достижения какой-либо цели, она есть самоценность также, как нравственное добро, истина, свобода и т. д.”*. Отсюда эстетическая ценность дикой природы должна сохраняться потому, что она высшая, идеальная ценность, а не только из-за ее полезности для человека.

Мне кажется, что философская теория “незаинтересованности” может разрешить многие природоохранные споры, в том числе и о посещении туристами эстетических участков в ОПТ.

Если ценить красоту природы ради нее самой, то наиболее эстетически ценные природные объекты требуют строгого заповедания с максимальным ограничением доступа к ним туристов.

Что же касается национальных парков с их концепцией предоставления природных красот для блага нации, то она должна быть пересмотрена в сторону ужесточения заповедного режима. Кстати, английские специалисты заповедного дела проводят различие между охраной того, что называют “Областями выдающейся природной красоты” и охраной эстетически ценных частей природы для пользования и доступа всеми. Из теории “незаинтересованного” взгляда на красоту природы следует два важных этических правила. Во-первых, мы

должны защищать не только ту природную красоту, которую видим, но и ту, которую не видим, но знаем, что она существует. Так, многие у нас никогда не видели и не увидят красоту сокровищ Микеланджело, но знают, что она существует, и готовы многим пожертвовать, что бы ее защитить. Точно так недоступная для посещения туристами красота природы заповедников должна охраняться именно по этой причине. Во-вторых, мы должны защищать не только ту красоту, которую видим, или знаем, что она есть, но и ту, которую мы пока разглядеть не можем, не знаем, существует ли она, но предполагаем, надеемся или верим, что она есть. Это второе правило позволяет взять под защиту природные территории или виды, красоту которых человек еще не в состоянии оценить.

ООПТ и внутренняя ценность дикой природы

Под внутренней (подлинной, врожденной) ценностью дикой природы понимается такая ценность, когда обладающий ей природный объект ценен сам по себе, безотносительно от пользы для человека. Понятие внутренней ценности ввел еще И. Кант (Борейко, 1999б). Он полагал, что все, что имеет внутреннюю ценность, должно рассматриваться как цель, а не как средство. Поэтому того, кто или что обладает внутренней ценностью, нельзя, не нарушая морали, использовать как средство, ради интересов других.

Дикая природа также, как виды фауны и флоры, имеет свою внутреннюю ценность, свою “душу”. Это одно из базовых утверждений экологической этики и этики дикой природы. Участки дикой природы самоценны, они не являются “ресурсами”. Принятие философской идеи внутренней ценности дикой природы позволяет решить многие споры в заповедном деле: проводить ли в заповедниках “регулируемые” мероприятия, туризм и т. д. Наличие в дикой природе внутренней ценности запрещает

нам использовать ее для своих целей как ресурс.

ООПТ как места откровения

В участки дикой природы не имеет права идти каждый. Это не стадионы, бани и кинотеатры.

Еще Ральф Эмерсон (1986) писал, что у врат дикой природы изумленный человек света вынужден оставить свои городские оценки большого и маленького, мудрого и глупого. Ноша обычаев падает с его спины с первым шагом, который он делает в эти пределы. Дикая природа представляет собой место, где мы встречаем явление из другого, вечного мира, который нарушает течение времени в нас самих.

Разве не в пустыне, не на лоне дикой природы Моисей, Будда, Иисус и другие великие пророки и учителя нашли свое просветление, видение и озарение?

Дикая заповедная природа – это то место, где противоположности сходятся и внутренний конфликт излечивается единством. “Прежде” и “после” становятся единым, и кажется бессмысленным ценить что-либо, кроме мгновений. От дикой заповедной природы веет истиной, она – дар Провидения.

ООПТ связывают прошлое с будущим через настоящее. Временная перспектива, сокрытая в них, не менее важна, чем перспектива зрительная. Они – часть “географии надежды” и способствуют появлению мечты.

Вильям Вордсворт верил в моральный импульс, излучаемый дикой природой, самый короткий путь во Вселенную – через дикую природу. А счастье, полагаю, это дикая, никем не управляемая заповедная природа.

А посему заповедники должны оставаться на века-вечные, как неприкосновенная чаща, по которой бродят святые животные, как жилище старых идолов, как пристанище отшельников, великое дыхание земли и живая песня вечности. Такие за-

поведники есть ничьи – ни мои, ни твои, ни наши – только Бога, святые.

ООПТ как островки свободы

Лишь в свободе прекрасное и лишь в красоте свобода.

Генри Торо

Однажды Джон Мюир случайно набрел в канадском болоте на дикие орхидеи. Они вызвали у него слезы, ибо он знал, что эти орхидеи росли совершенно свободно, независимо от людей. Они были чем-то вне нас.

Может ли существовать дикая природа без свободы? Может ли вообще являться природа дикой без свободы? Свобода проясняет себя как позволение быть тому, что существует. Ф. Шиллер призывал охранять свободу других. В традициях современного либерализма отстаивать свободу меньшинств. В данном случае дикая природа является меньшинством, угнетаемым человеком, и имеет свое право на свободу. Это право может быть осуществлено только в наиболее строго охраняемых природных территориях. Абсолютная заповедность – это идеальное условие существования наиболее дикой природы в современном мире. Ее цель – осуществление права дикой природы на существование в условиях максимальной свободы. Абсолютная заповедность – это когда дикой природе дозволено все. Свобода – это условие существования дикого. А заповедники – это святыни свободы. Холмс Ролсон III предложил принять “Декларацию свободы для сохранившейся дикой природы” (что-то наподобие воззвания об освобождении черных рабов, подписанном президентом США А. Линкольном в 1863 г.). Это должен быть призыв к людям уважать полноту жизни (бывшую когда-то столь обширной и быстро исчезающую теперь), окружающую нас в мире дикой природы, и начать освобождение дикой природы. Пятьдесят процентов территории Земли, согласно этой декларации, должно быть предоставлено свободной природе.

Дикая природа не является средством для достижения целей человека, она сама по себе цель, ибо свободна и самоценна. Свобода – это предельная ценность дикой природы.

Свобода дикой природы прежде всего нужна для ее творчества. Это основная ее физическая характеристика. Понятие “дикого” несет в себе подтекст беспорядка и нарушение законов. Ибо порядок лишает права на свободу.

В романе Дж. Оруэлла “1984” правители полицейского государства запретили дикую природу, поскольку она поддерживает свободу мыслей и действий. Этот факт получил историческое подтверждение в СССР в 1951 г., когда Сталин лично подписал постановление о закрытии почти ста заповедников. Вполне возможно, что он понимал, что участки дикой заповедной природы являлись островами свободы – последним убежищем от авторитарного режима, политического принуждения, что они были последними бастионами протеста против тоталитаризма.

Возможно пришла пора создавать особые охраняемые территории, на манер современных заповедников, где дикой природе будет предоставлена полная свобода, и ради этого там не будут вестись даже научные исследования. Ибо наука, в конце концов, сосредоточена на интересах человека.

ООПТ как научные лаборатории

Дикая заповедная природа – ресурс для изысканий, полевая лаборатория как для базовых, так и для прикладных исследований. Место, где видимое нам открывает пределы невидимого. Дикая природа имеет ответы на многие вопросы, которые человек еще не сформулировал. В квадратных метрах любого заповедника содержится больше информации высшего порядка сложности и комплексности, чем во всех библиотеках человечества.

Тем не менее я не могу согласиться с принятым у нас утверждением, что одной из главных задач заповедника является изуче-

ние дикой природы. Эта задача может быть главной для какого-нибудь биологического научного института. Задачей же любого заповедника, единой и главной, является предоставление свободы дикой природе. Все остальные направления деятельности заповедника – научная работа, пропагандистско-проветительская работа, охрана территории – это лишь методы решения этой главной задачи.

Если мы внимательно посмотрим на истоки истории российских заповедников, то обнаружим, что вначале создавались специальные научные станции (Старобельская и др.), при которых имелись небольшие заповедные эталонные участки. Но в этих случаях целью заповедания действительно являлись научные исследования.

Позже, с созданием настоящих государственных заповедников, акценты несколько сместились: целью заповедников стала охрана свободной природы, а все остальное – лишь сопутствующим моментом.

ООПТ как историко-культурные музеи

“...Свободная природа во всех своих нетронутых человеком участках есть великий синтетический музей, необходимый для нашего дальнейшего просвещения и умственного развития, – музей, который, в случае его разрушения, не может быть воссоздан руками человека”, – писал пионер охраны природы А.П. Семенов-Тянь-Шанский (1999). ООПТ, кроме природной ценности, сохраняют еще следы культуры времен и народов. В них царит дух благочестия перед древностями. Следы древних городищ, культовые захоронения, народные лесные промыслы, сказания, легенды, связанные с конкретным местом и отражающие какие-то грани жизни человека прошлого – имеют необыкновенную культурную ценность.

В 1997-1998 гг. молодым московским исследователем И.Е. Матюшкиным по инициативе Эколога-просветительского центра “Заповедники” было проведено анкети-

рование заповедников России с целью выяснения наличия на их территории культурно-исторических памятников. Материалы были получены по 61 заповеднику. Оказалось, что практически на территории каждого из них имеются уникальные объекты, созданные человеком прошлого – храмы, курганы, места молений и т. п. (Матюшкин, 1998). Однако, к сожалению, не везде эти объекты изучены и охраняются.

Следует также отметить, что часть территорий некоторых заповедников сама по себе является историческим раритетом. В заповеднике “Денежкин Камень” пролегают исторические маршруты первых землепроходцев через Урал и Сибирь, в Кавказском располагалась великокняжеская “Кубанская охота”, в Кроноцком с 1882 г. существовал казенный соболиный заказник, в Мордовском находятся леса, отведенные еще в 1578 г. под Тульскую засеку и т.п. (Матюшкин, 1998).

Культурная ценность ООПТ – важный аргумент в их охране

Возраст (древность) культурных элементов значительно повышает ценность природных объектов. А их утрата должна восприниматься не только как коллективная, но и персональная утрата.

Однако историческую ценность имеет и сам по себе участок дикой природы – будь то древний лес, степная целина или пустыня. Они – своего рода исторический документ, исток информации о человеческом прошлом.

Таким образом, участки дикой природы, охраняемые в заповедниках, имеют историко-культурную ценность двух видов: культурную и природную.

ООПТ как школы

В ненарушенной заповедной природе скрыт большой образовательный ресурс. Причем эта образовательная ценность дикой природы как класса, как учебного пособия имеет более высокую ценность там, где природа не тронута настолько это возможно.

Заповедные объекты привязывают нацию к религии, культуре, истории, традиции, памятникам, красоте природы, всему тому, что воспитывает патриотизм. На мощное воспитательное влияние дикой природы указывал еще великий русский педагог К.Д. Ушинский. Воспитательная ценность дикой природы заключается также в условиях для выработки характера. Она учит человека заботиться о своем физическом состоянии, дает возможность обрести смирение и чувство соразмерности.

ООПТ как гордость и достояние нации

Если раньше, в начале XX в., к заповедникам и другим ООПТ относились чаще всего как к “чужакам”, то теперь все больше наций и стран осознает, что ООПТ есть бесценное достояние, национальный символ, один из атрибутов современного государства, двигатель культуры, что процент заповедности отражает степень цивилизованности страны, что заповедники – такой же символ суверенитета, как флаг, паспорт или парламент.

Возникновение общественного интереса к дикой природе, к заповедникам и национальным паркам – важнейшая черта современного стандарта жизни.

Жизнь любой группы людей, любого народа полна символов. Символ облегчает усвоение сложного путем замещения сравнительно простыми, запоминающимися знаками. В данном случае ООПТ становятся патриотическими, этическими, экологическими, культурными символами данного региона, данного государства.

Так, для многих американцев национальные парки сохраняют память целой эры американской истории, и являются такими же монументами, подтверждающими национальное самосознание, как Статуя Свободы или купол вашингтонского Капитолия. Они обладают таким высшим качеством, как “уверенность в постоянстве”. Любые нападки на национальные парки воспринимаются не просто как оскорбле-

ние природоохраны, но и американского общества в целом.

Национальные парки стали в Америке не только местом религиозного искупления, но и национального обновления, критически важного для создания нации, памятником американскому прошлому и страховым полисом для защиты будущего. Защищать дикую природу вполне реально стало означать в США защищать миф о происхождении нации. Созданный в Америке культ дикой природы и национальных парков способствует развитию американского заповедного дела, защищает от хозяйственников ООПТ США.

Подобное культовое отношение к национальным паркам и в Канаде. В 1993-1994 гг. там провели опрос, что является символом этого государства. Национальные парки заняли третье место после флага и гимна Канады, обогнав даже известный во всем мире канадский хоккей.

Один из деятелей заповедного дела Е. Милс хорошо сказал по этому поводу еще в 1924 г.: *“Заповедники предотвращают нарушение законов лучше, чем полиция, лечат с большим успехом, чем врачи, дают больше идей, чем доклады на моральную тему, образуют больше, чем школа... Наибольшее богатство народа есть то, что дает ему крепость и вдохновение вести себя достойно. А этим самым и есть первичная красота и дикая величественность земли, на которой мы живем”* (Борейко, 1998, 1999а).

Нужно стремиться к тому, чтобы люди, живущие возле заповедников и национальных парков, гордились своим соседством, а живущие вдали – завидовали этим счастливым. К сожалению, сейчас, как показывают проводимые в различных местах анкетирования, местные жители являются как раз наименее заинтересованной в ООПТ группой населения.

ООПТ как защита Совершенно Иного

Дикая природа – Совершенно Иное, отличное от человека. Это – лучшая часть

Земли, ибо она – Совершенно Иная, свободная от человека и его “произведений”. В ней скрыт не только хаос, но порядок и совершенство. Помимо физического порядка в дикой заповедной природе имеется и порядок моральный. Как считает американский географ и экофилософ Линда Грэбер (1999): “области дикой природы – это земные вершины порядка и совершенства”. Первозданная природа – это то место, где мы осознаем наше начало и нашу принадлежность, где мы учимся понимать, уважать, любить и помнить. Дикая природа обладает созидательной дикостью снаружи, в отличие от дикости внутри, которую имеет человек, обреченный на саморазрушительное поведение.

Американский экофилософ Холмс Ролстон III пишет: *“Нам нравится природное смешение последовательности и свободы: где слово “дикий” созвучно слову “свободный”, где свободой может быть дикая река или ястреб в небе. Своим великолепием, непокорностью и загадочностью, само слово “дикий” является одним из наших важнейших слов, определяющих ценность. Попросту говоря, в диких объектах мы находим смысл... Дикая природа – это странное место, где наши условные ценности идут вразрез с действительностью... Дикой природе неизвестна моя шкала культурных норм. В дикой природе нет времени дня: здесь нет 10 часов пополудни, нет вторника или июля. Здесь нет метров, миль, широты, долготы и высоты. Здесь нет английского, немецкого, литературы или культурных бесед. Здесь нет места словам и числам и даже мы их здесь считаем чем-то лишним... В дикой природе нет капитализма и социализма, демократии и монархии, науки и религии. Здесь нет честности, справедливости, жалости и долга. Здесь нет человеческих ресурсов, ведь ими никто не интересуется. Мы даже называем дикую природу не иначе, как с отрицательным оттенком, ибо это место, где нас нет... Здесь порядок пропорционален хаосу, здесь нестабильность управляет стабильностью, тепло череду-*

ется с холодом, здесь есть величие и борьба, и одинокому путешественнику здесь будут открыты ценности, которые культура не может дать” (Rolston III, 1992).

Дикой природой нельзя обладать. Когда мы начинаем ею обладать, она исчезает. Важность ООПТ как раз и проявляется в том, что они мешают человеку обладать дикой природой.

Высшую ценность Совершенно Иного имеют именно те ООПТ (наиболее свободные от человека), где ввиду высшего подъема творческой теургической энергии свободно совершается акт творения. Именно такие территории становятся центром Вселенной, и от их благополучия зависит благополучие мира.

ООПТ и права дикой природы

Идея права равенства на жизнь должна распространяться не только независимо от расовой, классовой, религиозной, половой, но теперь и биологической принадлежности. Виды, сообщества, участки дикой природы должны сохраняться потому, что они существуют, потому, что их существование само по себе представляет лишь часть древнейшего и величественного исторического процесса. Они имеют право на жизнь и существование независимо от пользы для человека. Не следует верить, что человеческое существование является наивысшим благом. Напротив, определенное благо есть в существовании любого участка дикой природы. Существование участков дикой природы, их защита путем заповедания хороши сами по себе, создание заповедников есть добро, и мы должны стремиться не уменьшать, а увеличивать количество добра в мире.

Обладание правами на жизнь и существование предполагает судебную защиту. Точно так, как мы создаем “искусственные лица” (например, корпорации), и предоставляем им правовой статус, позволяя реальным физическим лицам представлять их интересы в суде, точно так же мы можем сделать это по отношению к участку дикой

природы, даже еще не имеющему статуса ООПТ. Это будет не более чем расширение существующей правовой практики.

Право дикой природы на существование – старое и одновременно новое понятие. Его выдвинул в начале XX в. Г.А. Кожевников (1999), а затем, особенно после 1917 г., об этом в отечественной литературе по ООПТ не упоминалось. Следует подчеркнуть, что само право дикой природы на существование уже достаточное основание для заповедания. Должны создаваться охраняемые территории, где эта этическая ценность дикой природы будет считаться определяющей.

Другие нематериальные ценности ООПТ

Естественно, приведенный мной список не исчерпывает весь перечень нематериальных ценностей ООПТ. Наше восприятие природы определяется цивилизацией, и ценности дикой заповедной природы развиваются вместе с культурой. Некоторые ценности являются дискуссионными, они пока не приняты большинством специалистов заповедного дела.

Символическая ценность. Дикая природа, отдельные виды флоры и фауны являются символами разных времен и народов.

Духовная ценность. Дикая заповедная природа ценна как место, позволяющее восстановить контакт с творческой силой природы, врожденными ценностями Земли, обрести экологическую мудрость, спокойствие и духовность. К сожалению, европейские языки, в отличие от языков туземцев, уже менее способны объяснить смысл духовной ценности дикой природы.

Антитоталитарная ценность. Впервые в издаваемой у нас литературе эту ценность подчеркнул американский историк Дуглас Уинер. Дикую природу можно рассматривать как необходимое условие свободы, личностного поведения и выбора. Она спасает человеческое общество от тоталитарного преследования. Изгоняя и ограждая себя от дикой природы, человек тем

самым поработает и приручает самого себя.

Политическая ценность. Заповедные объекты, их количество и высокий социальный статус свидетельствуют о силе и мощи государства, об авторитете правительства, влиянии культурных и демократических институтов, благодаря которым направляется большее количество средств на сохранение дикой природы. Это индикатор культурной зрелости и политической ответственности руководителей страны.

Ценность наследия. Дикая природа – наше родовое, наиболее древнее наследие. Наследие, которое досталось нам по праву рождения, и мы обязаны передать его в сохраненном виде будущему.

Ценность “дикости” природы. “Дикость” – это свойство, способность ненарушенной природы оставаться в диком состоянии. Высшей ценностью обладают участки ООПТ с высшей “дикостью” (абсолютной заповедностью), так как именно там свободно совершается акт творения.

Чем лучше охраняется заповедник, чем он старше, чем больше его территория, чем дальше находится он от человека, тем большей ценностью “дикости” он обладает. Мы должны научиться любить и уважать свободную природу не только за ее нравственность и красоту, но и за ее дикость, вызов и противодействие.

Ценность дикой жизни. В свободной природе сосредоточено наибольшее разнообразие различных форм жизни. Любая ее форма является уникальной и заслуживает уважение вне зависимости от ее полезности для человека. Дикая заповедная природа становится тем местом, где “любая жизнь имеет особый статус и где царит (должен царить) дух благоговения перед жизнью”, – справедливо отмечает А.А. Никольский (1999). К сожалению, “дух благоговения перед жизнью” не чувствуется даже в наших российских заповедниках, где по подсчетам А. А. Никольского, ежегодно добывается в научных целях около 10 тысяч только высших позвоночных животных.

Неосознанные нематериальные ценно-

сти. Еще очень много в мире находится вне человеческого опыта, и ценность этого не всегда можно измерить. Такие ценности в настоящее время не могут быть выявлены и идентифицированы из-за известной неполноты, фрагментарности и поверхностности наших знаний о природе. Поэтому экономические подсчеты ценности дикой заповедной природы всегда будут неточными, ибо еще невозможно даже назвать эти неосознанные нематериальные ценности. По мнению известного американского экофилософа Холмса Ролстона III (Rolston III, 1992) дикая природа обладает еще такими ценностями, как ценность разнообразия и единства, сакраментальная ценность, ценность стабильности и спонтанности, диалектическая и отрицательная ценности.

Этика дикой природы как идеология для заповедного дела

Идеология – форма общественного сознания. Она подчинена религии и философии, тесно взаимодействует с культурой. Идеологию отличает особая активность, наступательность, она борется за то, чтобы ввести в определенное русло общественную практику. Идеология мотивирует образ действий. Ее элементами являются мораль, ценности, приоритеты, разделение власти и собственности.

Когда у нас говорят о заповедниках, национальных парках и других ООПТ, то разумеют их прежде всего как эталоны для научной работы, или базы для туризма, или сундук ресурсов для будущих поколений, или что-то в этом роде. И всегда при этом преподносится нечто полезное, некое средство для достижения одной цели – удовлетворения человеческих нужд. Но такая исключительно утилитарная оценка заповедников столь же несовместима с чистой их идеей, ибо разрушает само существо того, что зовется заповедник. К сожалению, идеальному понятию “заповедник” нет места в умах большинства деятелей заповедного дела, оно чуждо им психологически и враждебно метафизически.

Однако в заповедном деле теоретическое и практическое первенство принадлежит не утилитарным, а внутренним, идеальным ценностям, ибо заповедник – это защита в конечном итоге внутренних, подлинных ценностей, воплощенных в дикой природе. По большому счету, заповедники не принадлежат нации и государству, а только дикой природе. Дикой природе, которая имеет не только ценность полезности, но и свою подлинную ценность, независимую от ее полезности для людей. Дикой природе, которая не является ресурсом, ибо ценна сама по себе.

К сожалению, с этической точки зрения заповедное дело остается у нас антропоцентрическим, настоящим на материалистических догматах, согласно которым человеческие интересы являются конечными арбитрами ценности. Заявление, что область дикой природы должна быть сохранена потому, что будущие поколения будут наслаждаться ею, является саморазрушающим. На самом деле участки дикой природы должны заповедываться потому, что внутренняя ценность дикой природы важнее других ценностей, полезных человеку. Ибо природные ценности включают в себя гораздо большее, чем упрощенное удовлетворение человеческих интересов. То есть интересы людей при заповедании должны уступать интересам дикой природы. Обществу требуется уяснить, что создавать заповедники – добро. Как писал Генри Торо: “Я люблю дикое не меньше, чем доброе”. Всячески ущемлять в заповедниках дикую природу – зло.

О приоритетах. Главный приоритет деятельности заповедников (да и многих других ООПТ) – стремление к абсолютной заповедности. Цель – осуществление права дикой природы на существование в условиях максимальной свободы. И здесь не важен конечный результат (ибо он недостижим), а постоянное стремление к нему.

Заповедному делу нужна новая смысловая опора. Из антропоцентричного оно должно стать экоцентричным. Такую смысловую опору может дать заповедному делу

зарождающаяся этика дикой природы. Этика дикой природы обязывает нас отказаться от навязывания своей воли дикой заповедной природе, учит благоговеть перед ней и ощущать как святое пространство. Она требует уважения автономии дикой природы и способности диких видов самим определять ход их собственных жизней.

Литература

- Борейко В.Е. (1998): Святые места дикой природы. Киев. 1-112.
 Борейко В.Е. (1999а): Введение в природоохранный эстетический подход. Киев. 1-123.
 Борейко В.Е. (1999б): Прорыв в экологическую этику. Киев. 1-120.
 Грэбер Л. (1999): Дикая природа как священное пространство. Киев. 1-50.
 Кожевников Г.А. (1999): О необходимости устройства заповедных участков для охраны рус-

ской природы. - Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. 2-е изд. Киев. 75-83.

- Лосский Н.О. (1998): Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция. 1-416.
 Матюшкин И.Е. (1998): Памятники историко-культурного наследия на территории государственных природных заповедников (краткий обзор). М. 1-41.
 Никольский А.А. (1999): Этика благоговения перед жизнью — против эстетики убийства. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 7-10.
 Семенов-Тянь-Шанский А.П. (1999): Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения. - Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. 2-е изд. Киев. 52-64.
 Эмерсон Р. (1986): Эссе. - Эмерсон Р. Эссе. Торо Г. Уолден или жизнь в лесу. М.: Худ. лит.
 Rolston III H. (1992): Philosophy gone wild. Buffalo, New York. 1-269.

Православные комментарии к радикальному взгляду на заповедное дело

К. Сельвицкий

Православный теолог, г. Москва

О Боже, расшири в нас чувство товарищества со всеми живыми существами, с нашими меньшими братьями, которым Ты дал эту землю, как общий дом с нами. Да уразумеем, что они живут не для нас только, но для себя самих и для Тебя, что они наслаждаются радостью жизни так же, как и мы, и служат Тебе на своем месте лучше, чем мы на своем.

Св. Василий Великий

Вступая в разговор по теме, предложенной В. Борейко для дискуссии, испытываешь искушение придумывать все новые и новые заголовки и подзаголовки к своему тексту:

... Не сотвори себе кумира...

... Природоохранная благодать...

... Блеск и нищета дикой природы...

и ловишь себя на том, что незаметно вступил в словесную игру, предложенную уважаемым автором.

От статьи В. Борейко пышет жаром искреннего желания охранить, уберечь, оградить, заповедать.

Взгляд его радикален, цели благородны и для их достижения прописаны весьма сильные средства, и отнюдь не в гомеопатических дозах.

Отдав должное писателям и естествоиспытателям всех веков и народов испытывавших благоговение перед дикой природой, В. Борейко видит в этом недоста-

точно формализованное, но очевидное религиозное чувство и прямо призывает нас (или во всяком случае деятелей охраны природы) к созданию культа дикой природы, видя в том немалую пользу для заповедного дела.

Из идеи культа непременно должна родиться специальная этика дикой природы, мораль дикой природы и прочие идеологические последствия новой религии.

В связи с тем, что В. Борейко для обоснования своей позиции широко использует высказывания не только литераторов и ученых, но также и обращается к имеющемуся религиозному опыту различных конфессий, то представляется интересным разобратся, как вопрос благоговейных чувств перед дикой природы решается в рамках православных традиций и могут ли служить эти чувства основанием для нового культа.

Душевное и духовное отношение к природе

Нечасто, но приходится встречать людей, которые утверждают, что равнодушны к таинствам и обрядам любых религий, так как нашли “божественное” в природе, и соприкосновение с ней достаточно для их духовной жизни.

Общение с дикой природой вдохновляет их в творчестве, обеспечивает необходимую релаксацию, восстанавливает физические силы. В то же время, является ли для них природа истинным религиозным культом, и не происходит ли смешения понятий душевного и духовного – необходимо различать в православной традиции.

Душевное – это то наше человеческое, что воспитано семьей, обществом, культурным окружением и, в частности, природой. Музыка, живопись, архитектура, отношения с людьми, этика поведения в обществе – это категории душевного, создающие необходимую базу для развития духовной надстройки, но сами по себе недостаточные для ее созидания.

Душевное и духовное соотносятся, если

подыскивать аналогии, как физика Ньютона и теория относительности. Первое дано нам в повседневных ощущениях и требует рационального осмысления и действий, второе – принятия некоторых иррациональных догматов, с трудом постигаемо логическим мышлением и дано в откровении. В то же время, как и любая теория, религия может быть проверена и постоянно проверяется духовной практикой верующих и ими свидетельствуется ее истинность.

В отношении к природе также можно выделить душевную и духовную составляющие. И для верующего и для неверующего, – природа – неисчерпаемый кладезь эстетических и научных впечатлений, но не только – В. Борейко абсолютно верно подчеркивает, что, созерцая картины дикой природы, душевно восприимчивый человек испытывает и более сложное чувство – “Совершенно Иного”, “близости Бога”. К этому чувству “страха и восторга”, по выражению Д. Гранина, порой примешивается легкая горькая нотка тоски.

Неверующий, пытаясь проанализировать эти сложные эмоции, приходит к выводу, что он столкнулся с чем-то, выходящим за рамки его обычных переживаний, что он находится перед лицом Вселенной, Мирового духа (названий не перечесать). Для верующего существуют более четкие названия для этих чувств. Созерцая картины дикой природы, он, прежде всего, испытывает восхищение созидательной мощью и мудростью Творца, благоговейный страх Божий (следует отличать от страха земного) и тоску по Раю, утерянному человеком в результате грехопадения. Согласно православной традиции, дикая природа, прекрасная и величественная, это только образ райского сада, но никак не сам райский сад, творение Господа, но никак не сам Господь.

И когда Авраам говорил Господу “Я прах и пепел”, то “прах и пепел” был он перед Богом, а не перед окружающей его природой, сколь бы дика она не была. И “ничтожества” по отношению к ней верующий человек чувствовать не может, – он, Человек, создан по образу и подобию Бо-

тию и поставлен царем над природой. Именно христианская религия постулировала первенство человека среди природы, инициировала процесс ее научного познания, воспитывает в человеке чувство рачительного хозяина окружающей его среды.

Поэтому для православного неприемлемо обожествление природы, к которому призывает В. Борейко.

Но, может быть, православное чувство природы недостаточно для заповедного дела, имеет в себе какой-то изъян, который должен быть дополнен создаваемым культом?

Охрана природы и традиции православия

В своей работе В. Борейко приводит следующие высказывание: *“Не только в традиции поэтов, но и русских монахов, уходивших в “пустыню” было почитание дикой, нетронутой природы”*. С этим можно согласиться только частично. Действительно, монастыри и пустыни создавались в отдалении от людей, но делалось это не ради почитания дикой природы, а в бегстве от людских страстей, в стремлении к уединению. Такая цель могла быть достигнута и уходом в пещерные кельи, и просто затворничеством. Безусловно, дикая природа, как явленное воплощение мудрости Господа, помогала молитвенному сосредоточению, служила средством приближения к Богу, но она так же была и средством пропитания братии, позволяла прожить физическим трудом, в большей степени, чем другие виды деятельности свободным от страстей.

А если монашествующим выпадал досуг от трудов и молитвы, то они умели находить утешение и источник поучительных размышлений в самом ничтожном явлении природы.

“Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?.. Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и

Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы” (Ев. от Матфея), – так говорил Господь ученикам своим, определяя и место в мироздании для различных тварей и указывая на бесконечное искусство сотворенья.

Философское осмысление явлений природы, стремление “в одном мгновении видеть вечность”, близко православным.

Однажды в Оптиной Пустыни, уже в период ее восстановления, группа ландшафтных архитекторов из самых искренних побуждений предложила украсить ее территорию современными миксбордерами и газонами, заменив существующие пестрые и бессистемные цветники, где колокольчик соседствовал с крапивой и сныть с розами. Выслушав предложения и поблагодарив за добрые побуждения, наместник решительно отказался, объяснив, что для монашествующих, практически всю жизнь проводящих в стенах монастыря, гораздо важнее иметь возможность выбрать взглядом из травяного “биоразнообразия” то, что в наибольшей степени соответствует настрою мысли, а это может быть сегодня одуванчик, а завтра – роза, а в другой день совсем неприметная манжетка. И если для утешения кто-то из монахов хочет поставить в своей келье цветок, то он испытывает меньшее смущение, срывая его с такой разнородной “грядки”, где это не разрушает никакой искусственной композиции.

Природа действительно может служить храмом, но становится им только тогда, когда в ней творится молитва. Молитва первична по отношению к природному окружению, и поэтому, в отличие от язычества, сакральными становятся места, у которых молились, а не на которые молились. В Сарове предметом особого почитания является сосна, у которой по преданию молился преп. Серафим Саровский, камень, на котором он молился, источники, освященные им. Непонятно, почему В. Борейко ограничивает количество священных христи-

анских мест только “до нескольких храмов в Иерусалиме”.

В то же время, лес, поля и воды, окружавшие монастырь, были и источниками дохода и материальной базой. Только отношение к использованию природных ресурсов в корне отличалось от современного. Для монаха, полагавшего свою земную жизнь лишь приуготовлением к жизни вечной, было бы немислимым, погубляющим несчастьем и грехом, оставить после своего ухода разоренную природу вокруг монастыря, лишит братию пропитания. Поэтому, даже при интенсивном хозяйстве, свято соблюдались принципы того, что мы сейчас называем неистощительным использованием.

Интересный пример в этом плане дает Саровская Пустынь, лесная дача которой, состоящая из старовозрастных сосняков, насчитывала более 20 тыс. га. Эти леса служили постоянным и основным источником дохода обитатели и эксплуатировались достаточно интенсивно, — для сплава древесины расчищались русла речек, с помощью плотин создавался необходимый подпор воды, для переработки древесины были устроены пильные заводы. Но при этом братия тщательно следила за возобновлением леса и, по воспоминаниям старожилов, монастырь даже заключал своеобразные договоры с крестьянскими детьми — *“Вот тебе под наблюдение саженец сосны, ухаживай за ним, а если вынычшишь, то получишь вознаграждение...”*.

Несколько раз саровские леса подвергались опустошительным пожарам, но каждый раз огонь приходил из соседних, частных лесных дач. На монастырской территории в пожароопасный период начинала действовать эффективная сеть из двух десятков “стражнических домов” (кордонов), оборудованных возможным для того времени противопожарным снаряжением, а по широким дорогам-просекам, сохранившимися до сих пор, разъезжала конная стража с лопатами, топорами и запасом воды.

Лесное хозяйство Саровской Пустыни считалось настолько образцовым, что в цар-

ствование Императора Николая II, когда многие монастырские леса были переданы в государственное управление, Саровскую лесную дачу оставили братии.

В тридцатые годы на территории лесной дачи расположился ядерный центр, режим которого предполагал сохранение насаждений вокруг научных и производственных комплексов, и этим, не без промысла Божия, как полагают православные, леса Сарова были спасены от разорения.

Для христианского мировоззрения органично уважение к любой жизни, но исходит оно не из культового отношения к природе, не из чувства, что это что-то высшее, а из ощущения силы человеческой и требования смиренного и разумного применения этой силы. Это как бы отражение отношений Бога и человека, человек живет по милости Божией, и находится в руках его, уповая на его милосердие, так и к “братьям меньшим” он должен проявлять заботу и милосердие без всякой гордыни.

Силен ведь тот, кто милует. Проходя по тропе, вы можете отклонить свой шаг от спешащего на работу муравья и именно в этом проявляется ваша истинная сила. В то же время, верующему не будет поставлено в грех, если, спасая свою жизнь или жизнь ближних, он воспользуется съедобными растениями или добудет для пропитания какую-либо живность, даже в самых заповедных местах.

Но помимо разумного пользования природой, христианский долг состоит и в возможном познании ее. Каждый шаг в понимании устройства земли и жизни, это шаг в понимании замысла Творца, он приближает душу к Богу, увеличивает разумность в использовании ресурсов, дарованных свыше.

Сознание неисчерпаемости этого замысла дает серьезнейшие основания для заповедания как можно большего числа как можно более разнообразных территорий для будущих поколений, из тех же соображений, по которым саровские монахи стремились сохранить для будущих насельников леса. Мы обязаны передать потомкам

свидетельства славы Божьей – участки первозданной природы для научного и эстетического познания.

Но кроме заповедных участков следует иметь и природоохранные территории, выполняющие другие функции, например, национальные парки, предназначенные для общения с природой не только горстки избранных, но и для любого паломника.

На этих территориях могут сосуществовать и заповедные участки, и монастырские леса и деревни, и священные места для молитвы и рекреационные участки.

Может быть, национальные парки со своей гибкой структурой землепользования, самые подходящие территории для эталонного комплексного ландшафтного обустройства, эстетического, научного, хозяйственного и духовного, где органично сольются быт городов и поселков с лесными и озерными пейзажами, жизнь людей с непотревоженным существованием животного мира.

Российские бескрайние леса и равнины когда-то были объединены золотой сетью куполов церквей – с колокольни каждого из храмов, можно было увидеть в ясный день соседние, услышать далекий, но радостный звон.

Восстановить эту сеть – значит не только объединить землю, но и объединить души.

Православное отношение к природе, в том числе и дикой, совершенно соответствует задачам охраны природы, сохранения биоразнообразия и не имеет ущерба, который следовало бы дополнять новым культом.

Опасный путь

“... числа весеннего месяца нисана, под крытую колоннаду храма Дикой Природы, в зеленом плаще с кровавым подбоем, вышел Верховный Рейнджер Особо Охраняемых Территорий...”, – легко пародировать и известные тексты, и внешнюю сторону обрядности, легко и неблагодарно, но иногда доведение идеи до абсурда помогает выявить ее слабые места еще на том этапе,

когда незамеченный поворот от “низких истин” к “возвышающему обману” выложен блестящими плитами благих намерений.

Благодать их очевидна, но куда приведет дорога создания нового культа? Сколь соблазнительна и искусительна мысль создать из профессионалов заповедного дела нечто вроде “ордена меченосцев”, связав их новой идеологией и формируя новые этические категории, объединяя или отвергая людей по “экологическому” признаку. Крестовые походы “зеленых”, иерархия инспекторов, гимны в виде птичьего клекота...

Давайте учтем исторический опыт. Организация служения любому культу имела всегда оборотную сторону, когда созданные структуры начинали работать сами на себя, идеологические цели размывались, право владения “истиной” узурпировалось узкой группой лиц и служило источником дохода. Эти драматические изменения не миновали и христианские церкви, и только мужество святых подвижников и Божья помощь помогали и помогают им бороться против обмирщения. Впадая в различного рода искушения и неустойства, Церковь имела в основе своей нечто большее, чем человеческая придумка, – Священное писание, таинства и предание, обращение к которым каждый раз помогали ее оздоровлению.

Но что и как поможет новому культу? Он ведь создается даже не “из”, а “для”, то есть по природе своей представляет что-то вроде коммунистической идеи, тоже выросшей в свое время из благих человеческих помыслов.

Наверное, не только в православии, но и в буддизме, и во многих других религиях можно найти мировоззренческие обоснования и для заповедного дела и для охраны дикой природы. Речь здесь идет совсем не о том, чтобы противопоставить одну религию другой или привести к вере провозвестников нового “культа”.

Хотелось показать, что для целей сохранения красоты и жизни природы не требуется создание новых существей, тем более

таких опасных, как искусственно созданный культ, а следует идти может быть менее возвышающим, но более истинным путем использования имеющихся духовных, этических, культурных и научных ценностей человечества.

В экологическом просвещении, в становлении отношения общества к заповед-

ному делу, в воспитании школьников не удастся “перепрыгнуть” через этап долгой повседневной работы. Более того, само экологическое сознание не может быть оторвано от общественного сознания человека, оно есть часть мировоззрения, и развиваться оно может только вместе с ним.

И никакой романтики...

Экоцентрические замечания к православным комментариям

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

*В таких зеленых дворцах царили первые короли.
Спали в их тени и развлекали ангелов.
Советами таких старейшин они пользовались.
И, посещая священные рощи, они становились мудрее.
Здесь им не мешали свет и шум.*

Поллер

*Алтари их разрушите,
Столбы их сокрушите,
Вырубите священные рощи их.*

Исход. 34: 13

Мой уважаемый оппонент Константин Сельвицкий откровенно и прямо заявил, что “...помимо разумного пользования природой, христианский долг состоит и в возможном познании ее. (...) Мы обязаны передать потомкам свидетельство славы Божьей – участки первозданной природы для научного и эстетического познания”. И ни слова об охране природы ради самой природы. И иначе не мог. Ибо христианство является одной из мировых религий, наиболее активно пропагандирующих антропоцентризм. Недаром известный американский историк и философ Линн Уайт полагает, что экологический кризис является следствием “ортодоксального христианского высокомерия в отношении природы”¹. Поэтому К. Сельвицкий нигде не обмолвился о необходимости охраны природы ис-

ключительно из этических соображений. Но ведь дикая природа имеет свою внутреннюю ценность, и человек обязан дать природе возможность проявлять свою волю.

Именно в методологическом подходе к дикой природе коренятся наши главные разногласия с моим уважаемым оппонентом. Он, опираясь на ортодоксальное православие, заявляет, что человек поставлен царем над природой. Я же подхожу к дикой природе с экоцентрических позиций. Дикая природа – это нечто “Совершенно Иное”, своя, особая цивилизация, со своими ценностями, которые прежде всего нужно научиться уважать. Человек – не царь природы, а ее кровная частичка, вышел из природы и должен уметь жить в согласии с ее законами.

Конечно, когда формировалась теоретическая база христианства, об экологии никто и не думал. А дикая природа была для человека олицетворением черных сил. Но прошли века, и наш взгляд на дикую природу изменился. И я вслед за Петраркой, Ж.-Ж. Руссо, Гете, Байроном, Вордсвортом, Лермонтовым, Дж. Рескинсом, Д. Мюиром, О. Леопольдом заявляю, что дикая природа – это самая совершенная, самая чистая, самая нравственная, самая святая, самая красивая часть нашей планеты Земля.

К. Сельвицкий пишет: “Для православного неприемлемо обожествление природы, к которому призывает В. Борейко”. Не могу с ним согласиться. Как я уже отмечал в своей работе “Радикальный взгляд на заповедное дело”, более 70 % опрошенных жителей Киевской и Львовской областей (а это православные христиане), считают дикую природу священной. Многие мои знакомые природоохранники, посещающие православные храмы, также обожествляют природу. Хотя, конечно, имеется масса православных, придерживающихся иного мнения.

В теоретической базе моего оппонента есть одна очень опасная тенденция. Это – упор на православие. Но ведь Россия – многонациональная страна, и ее народы исповедуют различные религии – ислам, буддизм, язычество. Поэтому “российские бескрайние леса и равнины” невозможно объединить “золотой сетью куполов церквей” православия. Это чревато многими бедами.

Лично мне, как защитнику дикой природы, ближе позиция язычников или поборников восточных религий, почитающих дикую природу как божество. Вместе с тем я согласен со многими западными экофилософами, заявляющими о необходимости создания особой новой религии – религии природоохраны.

Теперь по поводу взаимосвязи духовного и душевного. Я опять не соглашусь с моим оппонентом. И музыка, и живопись – это категории не только душевного, но и духовного. Например, специальная духовная музыка. Да и живопись может вызывать у человека иррациональные переживания.

Известный историк, философ и психоаналитик Мирча Элиаде писал: “... думая о божественном, не надо сводить его только к божественным фигурам. Священное не подразумевает веру в Бога, в богов или в духов. Оно, повторяю, есть опыт некой реальности и источник осознания бытия (...). Священное ... и влечет, и устрашает”.²

К. Сельвицкий несколько неудачно пытается упростить и острить, рисуя картину выхода “Верховного Рейнджера Особо Охраняемых территорий под ... колоннаду храма Дикой природы”. Совсем не смешно.

Дело в том, что многие люди, и не только природоохранники, встречаются с священным, с его чарующим побуждением в сильных эмоциях и ритмах именно в дикой природе. Конечно, невосприимчивому светскому, а то и верующему в определенную монотеистическую религию человеку святое в дикой природе очень часто почти или совсем не является очевидным. Святое не передается, а только пробуждается в душе. И его действие схоже по своей колдовской психологии с воздействием на человека прекрасной музыки или красоты “возвышенного” пейзажа.

Что касается культа дикой природы. Мой оппонент полагает, что в охране природы нужно идти “путем использования имеющихся духовных, этических, культурных и научных ценностей человечества”, а не создавать новый культ – культ природы. Но здесь, по-видимому, он не совсем знаком с историей природоохраны, например, США, Канады или Австралии. Там много сделано для охраны дикой природы. Это потому, что в этих странах культ дикой природы существует уже давно. Взять хотя бы результаты социологических опросов в Канаде, согласно которым национальные парки считаются третьим символом страны после канадского флага и гимна. Это – во-первых. И во-вторых, культурные, этические, религиозные, научные ценности человечества постоянно расширяются. Так, этика долгое время рассматривала только отношения человека с себе подобными и с об-

ществом. А Олдо Леопольд предложил экологическую этику, суть которой – отношения человека с природой.³ Создание культуры дикой природы, разработка радикальной этики дикой природы – всего лишь расширение экологической этики в сторону защиты дикой природы. И я не вижу здесь ничего плохого.

Теперь по поводу “служителей культуры дикой природы”, могущих работать на собственный карман. Злоупотребление не отменяет применение. Нечестные на руку люди существуют везде. В том числе и в православной церкви. И защищает от них отнюдь не Священное писание, таинство и предание. А благородная идея, лежащая в основе Библии, Талмуда, Корана, буддист-

ских священных текстов, а также религии природоохраны. Идея последней уже в ближайшем времени овладеет, я верю, миллионами людей. В том числе при помощи романтики.

Примечания

1. Уайт Л. мл. Исторические корни нашего экологического кризиса. - Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 188-202.
2. Eliade M. The sacred and the profane: the nature of religion. New York: Harper torch book, 1961. 220 p.
3. Леопольд О. Календарь песчаного графства. М.: Мир, 1980. 216 с.

Литература о священных природных объектах и священности в природе

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М.: Современник, 1983. 463 с.
2. Борейко В.Е. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Т. 1. Издание второе, дополненное. Киев. Киевский эколого-культурный центр. 1998. 224 с.
3. Борейко В.Е. Святые места дикой природы. Киев. Киевский эколого-культурный центр. 1998. 112 с.
4. Борейко В.Е., Грищенко В.Н. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Т. 2. Издание второе, дополненное. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1999. 172 с.
5. Борейко В.Е. Священные горы. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1999. 56 с.
6. Вейденбаум Е. Священные рощи и деревья у кавказских народов. Изв. Кавказ. Отд. Русск. Геогр. общ-ва. 1878, т. 5, № 3, с. 153-179.
7. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: «Удмуртия», 1994. 384 с.
8. Горичева Т. Святые животные. Киев. Киевский эколого-культурный центр. 1999. 56 с.
9. Грищенко В.Н. Миграции птиц как одна из причин их сакрализации. Мат-ли II конф. молодых орнитологов України. Чернівці, 1996. С. 48-52.
10. Грэбер Л. Дикая природа как священное пространство. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1999. 56 с.
11. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
12. Зеленин Д.К. Тотемический культ деревьев у русских и белорусов. Изв. АН СССР, 1933, № 8, с. 591-629.
13. Ионов В.М. Орел в воззрениях якутов. – Сб. Музея антропологии и этнографии Академии наук, 1913, № 16, с. 1-13.
14. Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных. СПб, 1912. 326 с.
15. Козлов П.К. Монгольский заповедник Богдо-ула. Известия Русского Географ. общ-ва. 1924, т. 56, № 1, с. 169-173.
16. Крылов А.Б. Абхазское святилище Дыдрыш: прошлое, настоящее и устная традиция. Этнографическое обозрение, 1998, № 6, с. 16-28.

17. Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов. Советская этнография, 1982, № 2, с. 83-92.
18. Максимов С.В. Крестная сила, нечистая сила, неведомая сила. Кемерово: Кемеровск. книжн. изд-во, 1991. 350 с.
19. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1991, т. 1-2.
20. Морохин Н.В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1997. 225 с.
21. Налимов В.П. Священные рощи удмуртов и мари. Охрана природы, 1928, № 4, с. 6-8.
22. Попов К.П. Священная роща Хетага. Владивосток: Ир, 1995. 71 с.
23. Потапов Л.П. Культ гор на Алтае. Советская этнография, 1946, № 2, с. 145-161.
24. Рыжиков А.И. Заповедное и его восприятие человеком. Вопр. психологии, 1993, № 5, с. 66-74.
25. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 215 с.
26. Сумцов Н. Культурные переживания. Киевская старина, 1889, № 4, с. 124-131.
27. Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во ППУ, 1993. 220 с.
28. Токарев С.А. Религиозные верования восточно-славянских народов XIX начала XX века. М.: АН СССР, 1957. 160 с.
29. Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии. Сов. этнография, 1982, № 3, с. 107-113.
30. Троицкая А.Л. Заповедники – Курук Кокандского хана Хадаяра. Сб. Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, 1955. В. 3, с. 122-156.
31. Фрэзер Д. Фольклор в Ветхом Завете. М.-Л.: Госсозиздат, 1931. 436 с.
32. Фрэзер Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 832 с.
33. Шеппинг Д.О. Значение некоторых зверей, птиц и других животных по суевериям русского народа. Филологические записки, 1895, вып. 3-4, с. 2-36.
34. Шмидт Р.В. К вопросу о возникновении культа дерева. Докл. АН СССР, 1928, № 6, сер. В, с. 121-123.
35. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 571 с.
36. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1992. 159 с.
37. Altman N. Sacred trees. Sierra Club Books, 1994. 120 p.
38. Bernbaum E. Sacred mountains of the world. University of California press, Berkeley-Los Angeles-London, 1998. 291 p.
39. Candrakanth M.G., Romm J. Sacred forest, secular forest, policies and people's actions. Natural resources journal, 1991, v. 31, p. 741-756.
40. Eliade M. The sacred and the profane: the nature of religion. New York: Harpet torch book, 1961. 220 p.
41. Ethics, religion and biodiversity. Ed. L. Hamilton. Cambridge: the White Horse Press, 1993. 125 p.
42. Evans-Wentz W. Y. Cuchama and sacred mountains. Ed. Frank Waters, Charles L. Adams. Chicago Swallow Press, Athens, Ohio, Ohio University press, 1981.
43. Hughis J.D., Swan J. How much of the earth is sacred space? Environmental ethics. Ed. Louis P. Pojman. Boston-London: Jones and Bartlett Publishers, 1994. P. 172-180.
44. Lane Belden C. Landscape of the sacred. Mahwah N.J. Paulist Press, 1988.
45. Lehrman F. The sacred Landscapes. Berkeley: Celestial Arts, 1988. 120 p.
46. Otto R. The idea of the holy. Oxford and New York: Oxford University press, 1950. 115 p.
47. Porteus A. Forest folklore, mythology and romance. New York, 1928. 320 p.
48. Philpot J.H. The sacred tree: the tree in religion and myth. London, 1897. 220 p.
49. Gaisseau Pierre-Dominique. The sacred forest. London: Weidenfeld-Nicolson, 1954.
50. Sen Gupta Sankar. Sacred trees across cultures and nations. Calcutta: Indian Publication, 1980.
51. Snelling J. The sacred mountain. London and the Hague, East West Publication, 1983.
52. Waterbury Florance. Bird deities in China. Ascona, Artibus Asiae, 1952.

Составитель В.Е. Борейко

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАШЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Линн Уайт-младший

ЗАПАДНЫЕ ТРАДИЦИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Пусть простят мне повторение банальной истины, но и современная техника, и современная наука явно порождены именно Западом. Раньше наша техника вбирала в себя элементы отовсюду – примечательно, что даже и из Китая. Но сегодня любая эффективная техника – западного происхождения, где бы Вы ее ни встретили, будь то в Японии или в Нигерии. Наши естественные науки унаследовали знание всех наук прошлого, где особенно выделяются достижения великих мусульманских ученых Средних веков, часто превосходивших древних греков в мастерстве и проницательности: к примеру, аль-Рази в медицине, или ибн-аль-Хайтам в оптике, или же Омар Хайям в математике. Оказалось, что немало работ этих гениев было утрачено в своих оригиналах на арабском языке, но сохранилось в средневековых латинских переводах, и это помогло заложить фундамент для дальнейшего развития на Западе. В наше время все значительное в науке всего мира является западным по стилю и методу независимо от цвета кожи или языка ученого.

Есть факты и другого рода, которые еще не получили широкого признания, потому что они – результат недавних исторических исследований. Научное и техническое лидерство Запада возникло намного раньше так называемой научной революции XVII века и так называемой промышленной революции XVIII века. Оба эти термина уже утратили свое значение и лишь затемняют

подлинную суть того, что с их помощью пытались описать, а именно: важные этапы двух длительных процессов развития, происходивших независимо друг от друга. Не позднее 1000 года н. э., а с некоторой вероятностью и на 200 лет раньше, Запад стал применять энергию воды в производственных процессах – для перемалывания зерна и других целей. Энергию ветра стали использовать к концу XII века. С самого начала Запад удивительно настойчиво пошел по пути быстрого наращивания своих возможностей и мастерства в развитии энергетики, технических средств, берегающих труд, и автоматики. Если кто в этом сомневается, пусть обратит внимание на самое впечатляющее достижение в истории автоматических устройств – на создание механических часов с гириями, которые появились в начале XIV века в двух вариантах. В позднее Средневековье лагинский Запад далеко опередил Византию и страны Ислама не в мастерстве, а в многообразии своих основных технических возможностей, несмотря на то, что культуры-сестры этих двух регионов отличались глубоким опытом, изощренностью и эстетическим величием. В 1444 году крупный греческий церковный деятель Виссарион посетил Италию. В письме на родину он изумился превосходству западных кораблей, вооружений, тканей, стекла. Больше всего его поразили водяные колеса, с помощью которых распиливалась древесина и работали кузнечные мехи. Ничего подобного он, очевидно, не встречал на Ближнем Востоке.

К концу XV века техническое превосходство Европы стало настолько убедительным, что ее небольшие и враждебные друг другу нации смогли заполнить весь остальной мир, покоряя его, колонизируя и ограбляя. Одно из самых слабых государств Запада – Португалия – стало символом тех-

---

Опубликовано в сборнике «Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 188-202. Печатается с сокращениями. Пер. Л. Василенко.

нического покорения, когда она добилась и около столетия удерживала господствующее положение во всем восточно-индийском регионе. Следует напомнить здесь, что Васко да Гама и Альбукерке использовали технику, которая взяла удивительно мало от естественных наук и опиралась на чисто эмпирические знания.

Принято считать ныне, что современная наука берет свое начало в 1543 году, когда Коперник и Везалий опубликовали свои великие труды. Мы не принизим их достижений, если тем не менее укажем и на то, что такие системы, как “О строении человеческого тела” или “Об обращениях небесных сфер”, не могли появиться за одну ночь. Существование собственно западной научной традиции прослеживается еще с конца XI века, когда развернулось широкое движение за перевод на латинский язык арабских и греческих научных работ. Некоторые замечательные книги, например, Теофраста, ускользнули от внимания тех, кто возжаждал на Западе новой науки, но не более как за 200 лет в основном весь корпус греческих и мусульманских научных трудов уже имелся и на латинском языке, и их живо читали и критиковали в новых европейских университетах. Из критики возникли новые способы наблюдения и аргументации, а затем усилилось недоверие к античным авторитетам. К концу XIII века Европа захватила ведущие позиции в мировой науке, отобрав инициативу из дрогнувших рук Ислама. Было бы абсурдом отрицать глубокую оригинальность Ньютона, Галилея, Коперника, но не меньшего внимания заслуживают ученые-схоласты XIV века – такие, как Буридан или Орезм, на чьи труды первые и опирались. Прежде XI столетия, а уж тем более в древнеримские времена естественные науки едва ли существовали. С XI же столетия и далее научный сектор в западной культуре неуклонно возрастал, усиливая свое значение.

Итак, развитие нашей техники и естественных наук началось, обрело самостоятельный характер и достигло мирового преобладания еще в Средние века. Поэтому мы

считаем, что невозможно по-настоящему понять их природу и нынешнее влияние на экологическую ситуацию, если не проанализировать основные категории средневекового мышления и следствия из них.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДУ

До недавнего времени сельское хозяйство было основным делом даже для так называемых “передовых” обществ, поэтому важное значение имеет любое изменение в способах обработки земли. Самые первые плуги, в которые запрягались по два вола, обычно не переворачивали почву, а только разрывали ее поверхность. Это требовало повторной пахоты поперек предыдущей, и в результате поля покрывались сетью продольно-поперечных борозд. На сравнительно легких почвах и в условиях полусухого климата Ближнего Востока и Средиземноморья такой способ обработки почв оправдывал себя. Но для влажного климата и вязких почв северной Европы он не годился. Во второй половине VII века после рождения Христова северные крестьяне вслед за неведомым инициатором все чаще стали использовать совершенно новый вид плуга, оснащенного вертикальным лезвием для прорезания линии борозды, горизонтальным лемехом для отрезания почвы на ее глубине и отвалом, чтобы ее переворачивать.

Трение такого плуга о почву было столь велико, что для нормальной работы нужны были уже не два, а восемь волов. Поперечная вспашка уже была не нужна, и поля покрывались длинными бороздами.

Используя прежний плуг, крестьяне распределили между собой землю так, чтобы каждая семья получила поле, достаточное для ее обеспечения. Это и было предпосылкой производства. Но никто из крестьян не располагал восемью волами, и крестьяне стали объединять своих волов в большие упряжки, получая на долю каждого такое число вспаханных полос, которое соответствовало его вкладу. В итоге распределение

земли основывалось уже не на нуждах каждой семьи, а скорее на силовых возможностях техники обработки земли. Отношение человека к почве основательно изменилось. Прежде он был частью природы, а теперь он стал ее эксплуататором. Нигде в мире подобная сельскохозяйственная техника тогда не внедрялась. И разве случайно совпадение с тем, что и современная техника со всей ее безжалостностью к природе была столь во многом создана именно наследниками тех крестьян Северной Европы?

То же самое отношение эксплуатации проявилось в западных иллюстрированных календарях незадолго до 830 года. В ранее существовавших календарях месяцы изображались в виде пассивных персонификаций. Новые французские календари стали совершенно другими: в них показаны образцы обуздания человеком природы в разных видах деятельности – как люди пахут, собирают урожай, рубят деревья, забивают свиней. Подобные календари определили стиль Средних веков в целом, в них человек и природа – вещи разные, и человек господствует.

Эти новшества вполне согласуются со стереотипами мышления более широкого характера. То, как люди обращаются со своим окружением, зависит от того, что они думают о самих себе и о своих связях с вещами вокруг себя. Экологические отношения человека глубоко обусловлены его верованиями относительно своей природы и судьбы, то есть религией. Для западного человека это становится совершенно очевидным, как только он оказывается, например, в Индии или на Цейлоне. Столь же верно это в отношении как нас самих, так и наших средневековых предшественников.

Победа христианства над язычеством явилась величайшей революцией сознания в истории нашей культуры. Ныне же мы все уже живем – независимо от того, хорошо это или плохо, – в “постхристианскую эпоху”. Конечно, формы нашего мышления и языка в значительной мере перестали быть христианскими, но, на мой взгляд, их суть часто остается удивительно сходной с той,

какая им была свойственна в прошлом. Так, например, привычные для нас образцы каждодневной деятельности определяются неявной верой в неуклонный прогресс, о котором ничего не знали как в греко-римской античности, так и на Востоке. Эта вера укоренена в иудейско-христианской телеологии, и невозможно доказать, что у нее независимый источник. Тот факт, что коммунисты разделяют веру в прогресс, помогает увидеть то, что легко показать, исходя и из многих других соображений: марксизм, подобно Исламу, является иудейско-христианской ересью. Мы и сегодня продолжаем жить, как и прежде жили около 1700 лет, – очень во многом в контексте христианских догм.

Что же христианство говорит людям об их отношении с окружением?

Многие из мифов народов мира дают описания истории творения. Греко-римская же мифология в этом плане совершенно иная. Мыслители древнего Запада отрицали, как и Аристотель, что видимый мир когда-то имел начало. Просто невозможно ввести начало в их схему циклического понимания времени. Резкий контраст этому дает Христианство, которое унаследовало от Иудаизма не только представление о времени как линейном и неповторяющемся, но и удивительную в своем роде историю творения. Всемогущий и любящий Бог шаг за шагом создавал свет и тьму, небесные тела, землю со всеми ее растениями, животными, птицами и рыбами. И в завершение Бог сотворил Адама, а после некоторых раздумий – Еву, чтобы мужчина не был одинок. Человек дал имена всем животным, установив таким способом над ними свое господство. Бог предусмотрел и спланировал все это исключительно для пользы человека и чтобы он управлял миром: всякая природная тварь не имеет никакого иного предназначения, кроме как служить целям человека. И хотя тело человека создано из праха земного, он не просто часть природы – он создан по образу Божию.

Христианство, особенно в своей западной форме, – наиболее антропоцентрическое

кая из всех мировых религий. Уже во II веке н.э. и Тертуллиан, и св. Ириной Лионский настаивали, что, когда Бог создавал Адама, в нем уже содержалось предзнаменование образа воплощенного Христа – второго Адама. Отношение человека к природе определяется во многом тем, что он, как и Бог, трансцендентен по отношению к миру. Полностью и непримиримо противостоя древнему язычеству и азиатским религиям, за исключением, возможно, зороастризма, христианство не только установило дуализм человека и природы, но и настояло на том, что воля Божия именно такова, чтобы человек эксплуатировал природу ради своих целей.

Для обычного человека все это обернулось интересными последствиями. В эпоху античности каждое дерево, каждый ручей, каждый водный поток, каждый холм имели своего *genius loci*, своего духа-защитника. Эти духи были доступны человеку, хотя и очень не похожи на него: кентавры, фавны, сирены, наяды – все они являли собой двойственный облик. Прежде чем срубить дерево, вырыть шахту, перекрыть речку, важно было расположить в свою пользу того духа, который владел определенной ситуацией, и позаботиться о том, чтобы и впредь не лишиться его милости. Разрушив языческий анимизм, Христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов.

Часто говорят, что Церковь заменила анимизм культом святых. Но святой вовсе не пребывает в естественных объектах; у него может быть место почитания на земле, но его гражданство – на небесах. Более того, святой – во всем человек, и к нему можно обращаться человеческим образом. Конечно, помимо святых, в Христианстве есть еще ангелы и демоны, унаследованные им из Иудаизма и, возможно, из Зороастризма. Но все эти существа столь же мобильны, как и святые. Духи, жившие в самих естественных объектах и ранее защищавшие природу от человека, теперь исчезли. Была утверждена действенная моно-

полия человека над духовностью в нашем мире, а старые запреты на эксплуатацию природы были разрушены.

Высказываясь в подобном уничтожающем духе, нужно сделать определенные оговорки. Христианство – это сложная вера, и ее последствия различны в разных контекстах. Сказанное мною можно успешно применить к средневековому Западу, где техника действительно добилась впечатляющих успехов. Этого нельзя сказать о греческом Востоке – высокоцивилизованном мире с весьма сильно выраженной христианской самоотдачей в вере; здесь не видно, чтобы были осуществлены какие-либо значимые технические нововведения после конца VII века, когда был изобретен греческий огонь. Чтобы понять, в чем здесь разница, нужно увидеть отличия в тональности благочестия и мышления, хорошо раскрытые исследователями, сравнившими теологии греко-византийской и западной церквей. Греки верили, что грех – это слепота разума и что спасение следует искать во внутреннем просвещении и в ортодоксии, то есть в сфере чистого мышления. Лагиняне иначе решали вопрос – они понимали, что грех – это нравственное зло, поэтому спасение искали в правильном поведении. Восточная теология была интеллектуалистична, западная – волюнтаристична. Греческий святой созерцал, западный действовал. Втягивание Христианства в покорение природы должно было легче проявиться в западной атмосфере.

Христианский догмат о творении, который можно найти в начале всех символов веры, имеет особый смысл для нашего понимания современного экологического кризиса. Бог дал людям через откровение Библию, книгу Священного Писания. Но поскольку Бог сотворил природу, она тоже должна нести в себе проявления божественной ментальности. Религиозное исследование природы в целях лучшего понимания Бога известно как натуральная теология. В ранней церкви, а особенно на греческом Востоке, природа постигалась прежде всего как символическая система, через которую Бог обращается к людям и говорит:

жизнь муравья – это поучение бездельнику о трудолюбии, поднимающееся пламя – символ стремления души ввысь. По сути своей – это художественное, а не научное видение природы. Хотя в Византии сохраняли и переписывали много древнегреческих научных текстов, но наука, как мы ее знаем, едва ли могла процветать в таком окружении.

На латинском Западе с начала XIII века натуральная теология стала развивать совершенно иное: отказавшись расшифровывать смысл природных символов, данных Богом для общения с человеком, она пыталась понять премудрость Божию путем раскрытия того, как устроено и как действует его творение. Радуга перестала быть символом надежды, когда-то данной Ною после потопа, религиозное понимание переориентировалось на другие задачи, решая которые, Роберт Гроссетест, Роджер Бэкон и Теодорик из Фрейберга осуществили удивительно тонкую работу по исследованию оптических свойств радуги. С XIII века и далее любой крупный ученый, включая Ньютона и Лейбница, объяснял мотивы своей работы в религиозных терминах. Поистине, если бы Галилей не претендовал на роль эксперта в теологических вопросах, где он не мог быть иначе как любителем, его беды были бы намного меньшими: теологи-профессионалы просто отразили его вторжение в свою область. И Ньютон, как выяснилось теперь, считал себя больше теологом, чем ученым-естественником. Вплоть до конца XVIII века гипотеза о Боге для многих ученых вовсе не была ненужной.

Историку часто трудно судить, что именно – реальные мотивы или же общепринятые в данной культуре соображения – приводят люди, чтобы объяснить, почему они действуют так, а не иначе. В течение долгих веков формирования западной науки ученые настойчиво и последовательно утверждали, что дело их жизни и награда за труд – суметь “вслед за Богом мыслить Его мыслями”. Сама настойчивость подобных заявлений убеждает в том, что именно эти слова и выражают действительные мотивы

труда этих ученых. Если так, то современные западные естественные науки просто являются отпечатком с матрицы христианской теологии. Иудейско-христианский догмат о творении сформировал настолько действенную религиозную веру, что она смогла дать сильный внутренний импульс развитию естественных наук.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД

Итак, получается, что мы пришли к выводам, неприятным для многих христиан. “Наука” и “техника” – это уважаемые слова в нашем словаре, поэтому некоторые могут быть удовлетворены, узнав, во-первых, что с исторической точки зрения современные естественные науки – это экстраполяция натуральной теологии и, во-вторых, что современную технику можно хотя бы отчасти объяснить как западную волюнтаристскую реализацию христианского догмата о трансцендентности человека по отношению к природе и о его полном правом господстве над ней. Мы увидели и то, как около столетия назад наука и техника, будучи прежде совершенно независимыми видами деятельности, соединились, чтобы дать человеку силы, вышедшие теперь из-под его контроля, если судить по множеству негативных экологических последствий. Если так, то христианство несет на себе огромное бремя исторической вины.

Лично я сомневаюсь, что можно избежать ужасного экологического ответного удара, если просто применить к решению наших проблем больше науки и техники. Последние выросли из христианского отношения человека к природе, и это признают почти все – не только христиане и нехристиане, но также и те, кто неразумно считает себя постхристианами. Вопреки Копернику для нас весь космос все еще вращается вокруг нашего маленького земного мира. Вопреки Дарвину мы в глубине сердца все не считаем себя частью природных процессов. Мы возвысились над природой, несокомерны по отношению к ней, хотим ее использовать для удовлетворения своих са-

мых низких прихотей. Недавно избранный губернатор Калифорнии, будучи, как и я, церковным человеком, хотя и менее обеспокоенным всеми этими проблемами, высказался в пользу христианской традиции, когда заявил (как утверждают), что “если Вы увидели хоть одно красное дерево, то Вы увидели их все”. Для христианина дерево – это не более чем природный акт. Самое представление о священной роще чуждо христианству и всему этосу Запада. Около двух тысячелетий христианские миссионеры вырубали священные рощи, где практиковалось идолопоклонство, так как считали, что эти рощи населены демонами.

То, что мы делаем с окружением, зависит от нашего понимания взаимоотношений человека с природой. Если ввести в дело больше науки и больше техники, это не выведет нас из нынешнего экологического кризиса до тех пор, пока мы не найдем новую религию или не переосмыслим старую. Самые далеко идущие революционеры нашего времени – битники – свидетельствуют о своем глубоком духовном родстве с дзэн-буддизмом, в котором отношение человека с природой предстает почти во всем противоположным христианскому пониманию. Дзэн, однако, глубоко обусловлен историей Азии, как и Христианство – историческим опытом Запада, и я сомневаюсь, что Дзэн обретет среди нас свою вторую родину.

Скорее всего мы должны теперь по-настоящему оценить роль величайшего радикала в христианской истории после Христа – св. Франциска Ассизского. Первым его чудом является тот факт, что он не кончил костром, как это случилось со многими из его последователей левого крыла. Он был столь явным еретиком, что настоятель францисканского ордена св. Бонавентура – сам великий и вдумчивый христианин – пошел на то, чтобы начать подавлять ряд ранних установок францисканства. Чтобы понять Франциска, нужно увидеть его веру в добродетель смирения – не просто личного смирения отдельного человека, а человечества как вида. Франциск попытался свести человека с трона его монархического гос-

подства над тварью и установить демократию в отношениях всех Божиих тварей. С приходом Франциска муравей перестал быть только поводом для проповеди лентяю, а огонь – только символом жажды души в ее стремлении соединиться с Богом. Теперь это – Брат-Муравей и Брат-Пламя, способные сами воздать хвалу Творцу вместе с Братом-Человеком, делающим то же самое по-своему.

Поздние комментаторы говорили, что Франциск проповедовал птицам и делал это в упрек людям, не захотевшим его слушать. Но в записях его времени этого не вычитаешь – он призывал малых птиц хвалить Бога, и те в духовном экстазе хлопали своими крыльями и радостно щебетали. Легенды о святых – а особенно это относится к ирландским святым – многое говорили об их отношениях с животными, но я уверен, что всегда здесь была цель – показать их человеческое господство над тварью. Франциск же совершенно иной. Район вокруг Губбио в Апеннинах разорял страшный волк. Как говорит легенда, св. Франциск поговорил с волком и разъяснил ему ошибку в его действиях. Волк покался, умер в ореоле святости и был похоронен в освященной земле.

Сэр Стивен Рьюисмен упоминал “францисканское учение о душе животных”, но оно было быстро искоренено. Вполне возможно, что это учение было отчасти инспирировано – сознательно или нет – верой в реинкарнацию, которой придерживались еретики катары, группировавшиеся в те времена в Италии и Южной Франции; эту веру они, как предполагается, заимствовали из Индии. Важно то, что примерно в то же время – около 1200 года – следы учения о метемпсихозе обнаруживаются также и в западном иудаизме, в провансальской Каббале. Но Франциск не учил ни трансмиграции душ, ни пантеизму. Его видение природы и человека основывалось на его своеобразном понимании панпсихизма как присутствующего всем вещам – и одушевленным, и неодушевленным. Все они созданы для прославления трансцендентного Творца, который в акте глубокого космического смире-

ния и самоуменьшения воплотился на Земле, лег беспомощным младенцем в ясли и в конце земных дней умер повисшим на древе.

Я не думаю, что многие современные американцы, озабоченные экологическим кризисом, смогут или захотят советоваться с волками или же увещевать птиц. Нынешний рост разрушения природы до глобальных масштабов – это результат работы динамичной техники и науки, начало которым и положило западное Средневековье, против которого и восстал св. Франциск столь оригинальным способом. Экспансию науки и техники невозможно понять исторически, если оставить без внимания специфику отношения к природе, глубоко укорененного в христианской догматике. Тот факт, что многие вовсе не считают это отношение христианским, не имеет никакого значения. В нашем обществе не была принята никакая другая система основополагающих ценностей, чтобы заменить ею прежние христианские ценности. Следовательно, мы и дальше будем идти по пути углубления экологического кризиса, пока не отвергнем христианскую догму, согласно которой у природы нет никакого другого предназначения, кроме как служить человеку.

Величайший революционер духа в западной истории св. Франциск выдвинул альтернативный христианский взгляд на природу и на место человека в ней, попытавшись заменить идею безграничного господства человека над тварью другой идеей равенства всех тварей, включая и человека. Он потерпел неудачу. Современная наука и техника столь пропитаны ортодоксальным христианским высокомерием в отношении к природе, что не следует ждать разрешения экологического кризиса только от них одних. Корни наших бед столь основательно религиозны, что и средство избавления тоже должно стать религиозным по своей сути, как бы мы его ни называли. Мы должны заново осмыслить и глубоко пережить в душе, в чем же состоит наше подлинное предназначение и какова наша природа. Первоначальное францисканство обладало глубоко религиозным, хотя

и еретическим пониманием духовной самоценности всего, что есть в природе, и это помогает нам найти направление к выходу. Я – за Франциска как святого покровителя для экологов.

Комментарий редакции

Публикуемая статья известного американского экофилософа и историка относится к золотому фонду западной экологической мысли. Опубликованная еще в 1967 г. в журнале “Science”, она сразу вызвала яростную дискуссию между христианскими священниками и природоохранниками и во многом способствовала привлечению внимания западных христианских церквей к экологии. У нас она переведена на русский язык и опубликована лишь почти четверть века спустя в специализированном философском издании с небольшим тиражом и, к сожалению, прошла мимо внимания отечественных деятелей охраны природы.

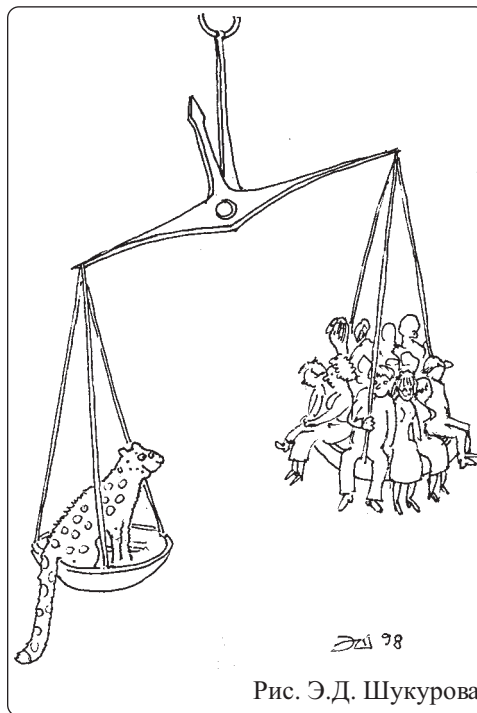

Рис. Э.Д. Шукурова

ПЛАТФОРМА ГЛУБИННОЙ ЭКОЛОГИИ

Арне Наэсс, Джордж Сессинс

1. Благо и процветание человеческой и иных форм жизни на земле имеют ценность в самих себе (синонимы: подлинная ценность, подлинное достоинство, присущая ценность). Эти ценности не зависят от пользы нечеловеческих форм жизни для людей.

2. Богатство и разнообразие жизненных форм вносят свою лепту в реализацию этих ценностей, и они сами по себе являются ценностями.

3. Люди не имеют права уменьшать это богатство и разнообразие, если это не касается удовлетворения жизненных потребностей.

4. Нынешнее вмешательство в нечеловеческий мир чрезмерно, и ситуация быстрыми темпами ухудшается.

5. Процветание человеческой жизни и культуры зависит от значительного уменьшения населения. Процветание других жизненных форм зависит от такого уменьшения.

6. Следует изменить политику. Перемены в политике воздействуют на базовые экономические, технологические и идеологические структуры. В результате положение вещей будет глубоко отличаться от нынешнего состояния.

7. Идеологическая перемена главным образом заключается в оценивании качества жизни (задерживаясь на ситуациях подлинного достоинства), а не в приверженности к высокому уровню жизни. Возникает глубокое пони-

вание различия между большим и великим.

8. Те, кто согласен с вышеуказанными пунктами, обязаны прямыми или косвенно принимать участие в попытках осуществления необходимых перемен.

Комментарий редакции

Глубинная экология — широко известный на Западе концептуальный подход в природоохране, разработанный в начале 1970-х гг. норвежским экофилософом Арне Наэссом. Свои взгляды он сконцентрировал в платформе из 8 пунктов, которую мы публикуем.

Ученый полагает, что основные проблемы экологии невозможно решить в социалистическом или капиталистическом обществе, где во главу угла ставится потребление материальных благ и антропоцентризм. По его мнению, индустриальное общество стало причиной экологического кризиса.

Сердцевиной глубинной экологии является убеждение в том, что в сознательности людей должны произойти глубинные изменения по отношению к природе, для чего требуется перейти на платформу эоцентризма, означающую, что люди не обладают статусом превосходства в природе. Все другие виды жизни имеют право на существование.

Опубликовано: Clearcut. The tragedy of industrial forestry. Ed. B. Devall. San Francisco, Sierra club books and Earth Island Press, 1993.

Введение

Как самые высокие и наиболее драматичные черты природного ландшафта, горы обладают чрезвычайной способностью обращаться к священному. Эфемерное возникновение хребта

в дымке, блеск лунного света на ледяной поверхности, вспышки золотого на отдаленном пике – такие виды трансцендентальной красоты могут раскрыть наш мир как место невообразимой красоты и роскоши. В ожесточенной игре природных стихий, которые кружатся вокруг их вершин, – грома, молнии, ветра и облаков – горы также воплощают могучие силы, находящиеся вне нашего контроля, физические воплощения внушающей благоговение реальности, которая может ошеломить нас чувствами изумления и страха.

Люди традиционно почитали горы как места священной силы и духовного достижения. Синай и Сион на Среднем Востоке, Олимп в Греции, Кайлас на Тибете, Тянь Шань в Китае, Фудзи в Японии, пики Сан Франциско в Аризоне – все приобрели особый статус как природные объекты религиозного почитания. Говоря о духовном характере этих гор, об их способности вызывать спонтанные чувства почтения и благоговения, Лама Анагарика Говинда, западный практик тибетского буддизма, писал:

“Власть такой горы так велика и в то же время так тонка, что без принуждения людей тянет к ней из близка и из далека, как бы силой какого-то невидимого магнита; и они согласны подвергнуться

Главы из книги: Bernbaum E. Sacred mountains of the world. Univ. of California Press, 1998. 285 p. Пер. А. Елагина и В. Борейко. Печатается с сокращениями.

Эдвин Бернбаум – американский альпинист и культуролог, является активным членом Всемирной комиссии по охраняемым территориям МСОП.

ГОРЫ И СВЯТАЯ ВЛАСТЬ

Эдвин Бернбаум

несказанным трудностям и лишениям в своем необъяснимом стремлении подойти к центру этой священной силы и поклониться ему. Никто не придавал титула

священности такой горе, и все же каждый признает его; никто не должен защищать ее право,

*потому что никто не сомневается в нем; никто не должен организовывать поклонения ему, потому что люди ошеломлены простым присутствием такой горы и не могут выразить своих чувств по другому чем почитанием”.*¹

По всему миру люди традиционных религиозных культур смотрели на горы как на символы своих высочайших духовных целей. Отражая такой взгляд на высоты, японский рассказ девятого века описывает попытку буддийского монаха по имени Шодо подняться на Нантайзан, священный пик, ранее известный как Фудараку:

*“В той же самой провинции находится гора под названием Фудараку, пики которой поднимаются до Млечного Пути, покрытая снегом вершина которой касается изумрудных стен неба. Нося в своем лоне ревущий гром, который отмечает проходящие часы, это жилище Феникса, скрученное как рог овцы. Здесь редко бывают демоны и нет следов человеческих шагов... Господин закона [Шодо]... устремлял свою волю вперед... “Если я не достигну вершины этой горы, я никогда не смогу достигнуть пробуждения!” После того как он произнес этот обет, он прошел через сверкающие снега и по молодым листьям, сияющим, подобно драгоценностям; когда он преодолел половину пути наверх, его тело было истощено, сила покинула его. Он отдохнул два дня и наконец пришел и увидел вершину: его восторг был подобен мечте, он чувствовал себя как при Пробуждении”.*²

Для Шодо и для других, кто последовал за ним, вершина священной горы была местом достижения вдохновляющего взгляда

просветления, конечной целью буддийского пути.

Даже сегодня, в светском, современном мире горы рассматриваются как воплощение высочайших идеалов и ожиданий человечества. Экспедиции на гору Эверест и другие высокие пики выступают символами высочайших усилий, попыток мужчин и женщин преодолеть свои ограничения и достичь трансцендентальных целей. Понимают они это или нет, многие, кто занимается походами и восхождениями ради спорта и рекреации, стремятся к опыту духовного пробуждения сродни тому, к которому стремились люди традиционных культур. Морис Эрцог, лидер французской экспедиции 1950 года, который совершил первое восхождение на Аннапурну – первый из высочайших гималайских пиков, на которые совершались восхождения – описывает драматический пример такого опыта, когда он приближался к непокоренной вершине:

“Я чувствовал себя как если бы погрузился в нечто новое и довольно необычное. У меня были самые странные и самые живые впечатления, такие, каких я никогда ранее в горах не испытывал. Было нечто неестественное в том, как я видел Лаиенала [спутника Эрцога] и все вокруг нас. Я улыбнулся себе по поводу ничтожности наших усилий, потому что я мог стоять в стороне и наблюдать за тем, как я делаю эти усилия. Но все чувство напряжения ушло, как будто более не существовало силы притяжения. Этот прозрачный ландшафт, эта квинтэссенция чистоты – это были не те горы, которые я знал: это были горы моей мечты...

Изумительное счастье поднялось во мне, но я не мог определить его. Все было таким новым, таким крайне беспрецедентным. Это ни в малейшей степени не было похоже на что-то, что я знал в Альпах, где чувствуешь себя определяемым присутствием других – людьми, наличие которых едва осознаешь, или даже жилищами, которые можно видеть на далеком расстоянии.

Здесь было совсем по другому. Между

*мною и миром лежала огромная пропасть. Это была другая вселенная – высохшая, пустынная, безжизненная; фантастическая вселенная, где присутствие человека было непредвиденным, возможно нежелательным. Мы пренебрегали запретом, переступая границу, и все же у нас не было страха, когда мы продолжали движение вверх. Я думал о знаменитой лестнице Св. Терезы из Авилы. Что-то стиснуло мое сердце”.*³

Два этих объяснения – традиционное восточное и современное западное – иллюстрируют то, как люди постигают священное в горах и в культурах по всему миру. Во многих из этих видов опыта мы находим описания встречи с чем-то полностью отличающимся от мира, который мы знаем – то, что немецкий исследователь религий Рудольф Отто назвал “совершенно иным” – непостижимую истину, которая привлекает и отталкивает нас сильными чувствами изумления и благоговения. Этот источник очарования или страха может показаться божественным или демоническим, принимающая форму бога или очертания демона. Раскрывает ли он видение небес или ада, встреча с прекрасным переносит нас в глубины нашего бытия чтобы раскрыть сферу существования, находящуюся за пределами описательной способности слов.⁴

Паря над облаками, материализуясь из дымки, горы кажутся принадлежащими к миру, полностью отличающемуся от того, который мы знаем вдохновляя в нас опыт священного как совершенно иного. Их темные леса, зубчатые утесы и извивающиеся ледники вызывают впечатление странной и чуждой вселенной. Их вершины голые и безжизненные, часто блестящие от снега являются суровыми и запретными местами, наделенными невероятной красотой, где могут выжить только те, кто обладает экстраординарными силами или умениями. Описание Альп в сумерках итальянским альпинистом Гидо Реем раскрывают внушающее благоговение впечатление, которое горы могут произвести как проявления Совершенно Иного:

“...пики казались сверкающими в одиночестве в бесцветных сводах и висящими, как бы не касаясь земли; они были похожи на нереальные формы, созданные из ничего, подобно фантомам, которые живут по ночам в ужасающих высотах неба и только время от времени приходят к спящим в их снах.

Я не узнавал прекрасных форм, которые я видел днем, они неизмеримо увеличились, они изменили свой внешний вид, они более не принадлежали к нашему виду, они были тенями других неизвестных гор, которые необъяснимый феномен отбрасывал на наше небо от какой-то отдаленной звезды.

На меня напала непереносимая дрожь...”⁵

Из всех характеристик ландшафта, горы наиболее драматично внушают чувство благоговения, убеждают в присутствии сил, способных уничтожить нас в одно мгновение. Подобно ковчегу завета и другим святыням божества, к ним следует приближаться с осторожностью и уважением. Те, кто беспечен на вершинах, не живут долго: легкая ошибка, пренебрежение погодой – и можно упасть или замерзнуть до смерти. Соответственно люди традиционных культур совместно рассматривали горы как опасные жилища богов и демонов. Китайское стихотворение, написанное в четвертом столетии до н. э., передает живое чувство святого ужаса, который может вызвать опыт восхождения на гору:

Поднимайся выше и смотри вдаль,
Твое сердце охватит страх.
Цирки пропастей окружены пиками,
Вокруг повсюду хмурые утесы;
Шатающиеся камни, которые склонились
над пропастью,
Эскарпы, которые нависли друг
над другом ...
Цепляясь, подобно карабкающемуся медведю,
Ты остаешься неподвижным на месте,
Пот капает к твоим ногам.
Ты чувствуешь себя потерянным,
испытываешь головокружение,
Пронизанным болью, вне себя;
И твой дух, потрясенный погружается в ужас
без причины.⁶

Горы могут так ошеломлять нас своим размером и величиим, что мы чувствуем себя подобно насекомым, ползущим по ним. Гастон Ребуффат, один из спутников Эрцога на Аннапурну, писал:

“И высоко на горе мы начали наши муравьиные труды. Что такое человек в ледяном мире высоко в небе? На этой высоте он не более чем воля, напрягающаяся в изношенной машине”.⁷

Более случайные путешественники часто отмечают, какими незначительными они чувствуют себя в присутствии высоких и впечатляющих пиков. Горы возвышаются над окружающей местностью в неоспоримом величии, суверенами долин, равнин и более низких холмов под ними; они обычно описываются как величественные и могучие. В отличие от царствования человеческих королей, их царствование кажется вечным и нетленным, подобно царствованию высших богов, которые сидят на троне над своими величественными вершинами.

Величественная власть священного отражается в силах, которые формируют сами горы. Вулканы, в частности, извергаются с пламенным гневом, который пожирает все на своем пути. Мы не можем ничего сделать, чтобы остановить эту энергию – мы можем только уйти с ее пути. То же самое верно в отношении ледяной ярости лавины или гневного потока снега. Такие события часто интерпретируются традиционными народами как выражения божественного недовольства. Даже личность, которая не верит в сверхъестественные сущности, будет движима естественными силами гор – и задержится на мгновение, чтобы задуматься, полностью ли он или она понимает это.

Власть священного может принять форму всеохватывающей любви, также как и всепоглощающего гнева. Фактически мистики часто говорят о своем опыте божественной любви как обжигающем тепле, который они едва ли могли переносить. Известный отрывок французского философа Блеза Паскаля описывает такой опыт:

*“С около половины одиннадцатого вечера до почти половины первого – ОГОНЬ. Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не Бог философов и ученых. Надежность, уверенность. Чувство. Радость. Мир”.*⁸

Священное не просто представляет себя нашему взгляду: оно выходит, чтобы схватить нас своим обжигающим захватом.

Подобно виду горного пика, отрывающегося от земли, чтобы прыгнуть к открытому небу, опыт священного может отправить наш дух парить к величественным вершинам блаженства и восхищения, возвышая нас видениями красоты и добра, выходящими за пределы наших самых диких грез. Священное может также дать нам чувство умиротворяющего спокойствия и свершения. Очарование, которое оно внушает, ведет к чувствам любви и преданности, таким сильным, что мы бы отдали все, что угодно, даже свои жизни, чтобы оставаться в его присутствии. Горы в особенности имеют власть возбуждать такие чувства ошеломляющей преданности.

Несмотря на трудности и страх, которые встречаются на высотах, люди возвращаются снова и снова, стремясь к чему-то, чего они не могут выразить словами. Религиозные паломники стремятся к силе или присутствию, которые они ощущают на пике; туристы приходят, чтобы посмотреть на чудесные виды; путешественники возвращаются, чтобы побродить в области, отдаленной от повседневного мира. Очарование гор придает особую силу альпинистам, которые сознательно рискуют своими жизнями ради чувства ликования, которое они испытывают при восхождении на высокую и опасную гору – или просто при нахождении там, на высотах. Один хорошо известный британский альпинист, Френк Смит, по сообщениям истосковался и умер от разбитого сердца, когда ему отказали в разрешении подняться на Кангчеджангу, гималайский пик, на восхождение на который он настроился.⁹

Отражая чувства многих своих собратьев-альпинистов, австралийская альпинистка Фреда Дю Фаур так выражала рели-

гиозную природу очарования, которое горы имели для нее:

*“С того момента, как мои глаза остановились на покрытых снегом Альпах [Новой Зеландии], я поклонялась их красоте и было наполнена страстным стремлением прикоснуться к этим сияющим снегам, подняться к их высотам безмолвия и уединения и почувствовать себя единой с могучими силами вокруг меня”.*¹⁰

Одним вечером на закате, когда я поднимался высоко в Гималаи, я задержался снаружи своей палатки, чтобы понаблюдать за легкой дымкой над окружающими пиками. За группой темных облаков самые высокие вершины пылали легким сиянием, которое казалось согревающим мое тело, как будто я стоял перед огнем. Легкое пламя на их снегах постепенно остыло до розового, затем постепенно исчезло, и пики, казалось, превратились в серые курганы пепла. В этот момент, именно тогда, когда я ожидал, что они примут холодный враждебный вид, бледно-зеленое сияние, отливающее зеленым возле горизонта, поднялось в небе к северу, над Тибетом, и я почувствовал, как дружеское присутствие окружает меня, как если бы сами горы предлагали мне свое приветствие.

Не каждый испытывает священное как совершенно иное. Многие находят чувство тайны, которое оно вызывает прямо здесь в середине мира, который, как мы думаем, мы знаем, даже в том, что лежит ближе всего к нам – в нас самих. Мы живем с самими собой каждый момент нашей жизни, но мы едва ли знаем себя такими, какими мы есть на самом деле. Знать самих себя, согласно философии индуизма, означает достичь высшей реализации нашей собственной идентификации с таинственной сущностью самой вселенной. Свести тайну священного к совершенно иному означало бы обречь каждую личность оставаться полностью отчужденным от его или ее подлинного я. Понимая свои близкие отношения с Богом, иудейские мистики стремились к святости в каждое мгновение своих жизней, для того чтобы осознать божественную

искру во всех вещах и живых существах. Народы навахо и хопи американского Юго-Запада почитают каждую скалу и характеристику ландшафта, в котором живут люди.

Священное является глубоко таинственным, не просто как совершенно иное, но как воплощение неизвестного самого себя. Нас привлекает именно аура тайны, чего-то за пределами нашего кругозора. Мы тянемся к священному именно потому, что оно является непознаваемым – что-то, что остается таинственным, даже если мы находимся в его присутствии. Мы находим это очарование, отраженным в приступах разочарования, когда восходим на непокоренный пик. Нечто в пике, что придавало ему особое качество, исчезает, и он становится в каком-то смысле обыкновенным, подобным всему остальному миру, вне зависимости от того, насколько он отдален и экзотичен. Есть глубокая привлекательность в самом факте того, что пик является неисследованным или непокоренным. Подобным образом, священное по самой своей природе избегает всех наших попыток определить и понять его. Без какого-то внутреннего содержания непостижимой тайны оно прекращает быть священным.

Горы обладают особой способностью вызывать священное как неизвестное. Их более глубокие долины и высокие пики скрывают то, что лежит спрятанным внутри них и за ними, соблазняют нас отправиться еще глубже в область манящей тайны. Горы, кажется, подзывают нас, предлагая обещание чего-то на невыразимом краю осознания. Там, сразу за полем нашего зрения, за следующим хребтом, позади вершины лежит тайная, наполовину забытая сущность наших детских грез. Редьярд Киплинг уловил этот аспект тайны гор в следующих хорошо известных строках:

Что-то спрятано. Пойди и найди его.

Пойди и посмотри за цепями гор.

Что-то потеряно за цепями гор.

Потеряно и ждет тебя. Иди!¹¹

Это что-то, потерянное за цепями гор может быть материальным сокровищем, какой-то частью нас самих или высочайшей

духовной истины – что-то, что содержит ответ на наши глубочайшие стремления.

Неизвестное также обладает более темной, более опасной стороной; вместо нашего спасения, оно может содержать наше проклятие. Человек, который отправляется в неисследованную местность или пытается взойти на непокоренный пик, всегда таит определенный страх, что вместо того, что он ищет, он найдет смерть или несчастье. Даже турист, который отправляется в горы, которые другие знают очень хорошо, может вполне чувствовать оттенок мрачного предчувствия. То, что он находит там в неизвестном, может разрушить его иллюзии и удобный мир, который они поддерживали, выводимый за пределы физической выносливости, он может открыть вещи о самом себе – слабости и страхи – которые он предпочел бы не знать.

Хотя это может угрожать всему, что нам дорого, опыт священного открывает новое видение реальности, которая может освободить нас от удушающих ограничений мира, за который мы цепляемся. Мы находим этот аспект священного в сжатой форме в видах, которые открываются вокруг нас, когда мы поднимаемся на вершину горы. Новые и ранее неизвестные панорамы разворачиваются вокруг нас, когда мы появляемся на солнце из темных глубин узкой долины. Горизонт отходит на расстояние, открывая хребет за хребтом горных цепей без конца. Когда мы достигаем высокого мыса или величественной вершины, мы можем сделать глубокий вдох и чувствуем себя так, как будто можем взлететь и воспарить.

На более глубоком уровне опыт священного как неизвестного открывает нас для конечной тайны самой реальности. Именно тогда, когда мы думаем, что ухватили природу вещей, каковы они есть, появляются какие-то новые аспекты, запутывая наши знания и понимание. Когда мы восходим на гору, вне зависимости от того, как далеко может простираться наш взгляд, что-то всегда лежит спрятанным за следующим горизонтом. Во встрече со священ-

ным мы внезапно интуитивно понимаем реальность, которая распространяется за пределы того, что мы знаем или когда-либо сможем понять.

Священное – это не просто неизвестное, но неизвестное, которое мы считаем конечной реальностью. Как историк религий Мирча Элиаде написал: *“священное эквивалентно силе и в конечном анализе – реальности”*.¹² То, что мы подлинно почитаем имеет качество, которое отделяет его от всего остального, делает его кажущимся таким же твердым и реальным, как гора, сделанная из гранита. Это качество гор вносит вклад в ауру священности, которая имеет тенденцию основываться на их вершинах. Библия описывает их как *“вечные холмы”*, подразумевая, что они имеют более долговечную реальность, чем равнины вокруг них.

Как проявление конечной реальности, священное часто отличается от обыденного, которое кажется в сравнении летучим и нереальным. Мы можем жить большую часть своей жизни в мире обыденного опыта, но временами, в особенности, когда мы находимся в горах, наши обычные занятия могут показаться несущественными. Теплое, шершавое прикосновение скалы к пальцам при восхождении, спокойствие сумерек под высокими пиками, холод и невзгоды попадания в грозу могут поразить нас как более конкретно реальные, чем заботы и занятия наших повседневных жизней. Большинство из нас в какой-то момент разделяло чувства автора Экклезиаста, который писал: *“Я видел все труды, которые делаются под солнцем; и созерцаем все, что является тщеславием и погоней за ветром”*.¹⁴ Хинду Упанишад выражают подобное неудовлетворение миром повседневного существования:

Из нереального веди меня к реальному.

Из тьмы веди меня к свету.

От смерти веди меня к бессмертию.¹⁵

Горы могут предложить видение чего-то чистого и вечного, за пределами искажения времени. Точно также как традиционные культуры часто отделяют священное

от мирского, также они ограничивают определенные горы правилами и ритуалами. Только те, кто имеет духовную силу и чистоту, могут отваживаться подниматься в эти горы, не боясь вызвать гнев богов или злобу демонов. В Северной Америке, например, многие коренные американцы верили, что только люди с надлежащей ритуальной подготовкой могли подниматься к вершинам священных пиков без того чтобы духи сбили их вниз. В Библии только Моисей рассматривался как достаточно святой чтобы ступить на священную землю горы Синай и взойти на гору, чтобы побеседовать с Богом.

Тем не менее, священное может ворваться без предупреждения в обыденный мир материального существования. Мы можем идти вдоль тропы, когда что-то – камень или дерево – привлекает наше внимание. Когда мы смотрим на него, просвечивающая красота, превосходящая все, что мы когда-либо себе представляли, сияет сквозь него, придавая ему возвышенную реальность, и мы чувствуем себя находящимися в присутствии священного. Парадигма такого опыта имеет место в библейском эпизоде горящего куста, который, что немаловажно, происходит на горе. Там Моисей созерцает куст, который горит, но не сгорает, таким образом раскрывая присутствие Бога. Подобным образом наш камень сбоку от тропы принимает неземное сияние, но все же остается при всем этом камнем, частью этого мира. Место, где кто-то получает такой опыт, часто становится местом поклонения паломников, священным для других. Из-за своей способности внушать благоговение, горы являются первыми местами для такого рода встречи со священным. Прекрасный пример имеется в описании Эрцгома разительного изменения в восприятии, которое он испытал возле вершины Аннапурны:

“Снег, покрывающий каждую скалу и сверкающий на солнце, обладал лучезарной красотой, которая тронула меня до самого сердца. Я никогда не видел такой полной прозрачности и я жил в хрустальном

мире. Звуки были неотчетливыми, атмосфера – похожей на вату”¹⁶.

Как выражение конечной силы и реальности, то, что мы рассматриваем как священное, обладает конечной ценностью и значением. Оно воплощает то, что нам дорого во всем остальном, все, что вызывает наши глубочайшие чувства и пробуждает наши высочайшие ожидания. Это будет отличаться от культуры к культуре: для христианина это может быть бескорыстная любовь, для буддиста – конечное просвещение, для даоиста – гармония с лежащим в основе путем природы. Многие рассматривают священное как абсолютное воплощение красивого и величественного. Как бы там ни было, конечная ценность, выраженная в священном, обеспечивает значение, направление и цель в жизни. Оно дает нам чувство места и вдохновляет наши величайшие усилия. Здесь лежит одна из величайших привлекательных сторон альпинизма: восхождение к вершине предлагает вдохновляющую модель пути, ведущего к возвышенной цели, пути, по которому мы могли бы пожелать следовать через запутанный лабиринт повседневной жизни.

Из-за своей способности пробуждать ошеломляющее чувство величественного, горы воплощают и отражают высочайшие и наиболее центральные ценности религий по всему миру. Гора Синай занимает особое место, как внушающая благоговение местность, где Бог появился в облаке и громе, чтобы дать Моисею Тору, закон и учение, которые формируют сердцевину иудейской религии. Изящный конус горы Фудзи представляет для многих символ красоты и духа японской нации. Отдаленный пик горы Кайлас, возвышающийся в стороне над Тибетским плато, направляет сердца и умы миллионов в Индии и Тибете к царству высших богов и предельных достижений духовной медитации. Взгляд хопи и навахо на пики Сан-Франциско в Аризоне как на божественный источник воды, от которой зависят их жизни и сообщества. Для многих в современном мире гора Эверест символизирует высочайшую цель, к дости-

жению которой они могут стремиться, будь это стремление материальным или духовным.

Подобно священным ценностям, которые они выражают, горы, почитаемые культурами во всем мире, кажутся бесконечными по количеству и виду. Они находятся в спектре от высочайших пиков на земле до холмов, которые едва поднимаются над окружающим ландшафтом. Они традиционно рассматриваются как места откровения, центры вселенной, источники жизни, пути к небу, обители мертвых, храмы богов, выражения конечной реальности в своих многочисленных проявлениях.

Горы, дикая природа и повседневная жизнь

Для большинства из нас священные горы отдалены от нашего опыта повседневной жизни. Они лежат далеко в пространстве и во времени, почитаемые отдаленными культурами, многие из которых давным-давно исчезли. Даже те пики, на которые нам удалось подняться и посетить, лежат на границах наших жизней, отдаленные от городов и равнин, где живет большинство из нас. Какова в таком случае ценность того, чтобы думать о них? Это очень просто: созерцание священных гор с их особой способностью пробудить еще один, более глубокий способ познания реальности открывает чувство священного в наших собственных домах и сообществах – чувство, которое нам необходимо культивировать для того, чтобы жить в гармонии со своей окружающей средой и друг с другом. Глядя на высоты и размышляя о мире вокруг них, мы открываем внутри самих себя что-то, что позволяет нам вести более глубокий и значительный образ жизни.

Мощный образ священного высоко в горах может перевернуть старые концепции и пробудить новое осознание людей и вещей у себя дома. Мир, которого мы никогда не замечали или который принимали как данное, может неожиданно появиться свежим и ярким перед нашими глазами. Опи-

сывая долговременные эффекты своего опыта на Аннапурне, Морис Эрцог ссылается на именно такой сдвиг в перспективе, сдвиг, который распространяется гораздо далее горы, трансформируя его восприятия всего остального, включая его самого:

“Перешагивая свои ограничения, прикасаясь к крайним границам человеческого мира, мы пришли к познанию чего-то из его подлинной роскоши. В свои самые худшие моменты страданий я, казалось, открыл глубокое значение существования, о котором до того не знал. Я видел, что лучше быть честным, чем быть сильным. Отметки испытания очевидны на моем теле. Я был спасен и я выиграл свою свободу. Эта свобода, которую я никогда не потеряю, дала мне уверенность и спокойствие человека, который самореализовался. Она дала мне редкое удовольствие любить то, что я обычно презирал. Новая и великолепная жизнь открылась передо мной”.¹

В менее драматической манере открытость для традиционных взглядов на священные горы может со временем изменить то, как мы видим мир и привести нас к более глубокому пониманию способов познания реальности другими людьми. Бен Хафффорд, юрист, который представлял хопи и навахо в их усилиях заблокировать застройку на пиках Сан-Франциско в Аризоне, сказал мне, что многие белые, посещающие юридические слушания, пришли к пониманию отношений коренных американцев к священным местам, после того как старейшины и шаманы сравнили горы с церковью. Этот взгляд на пики Сан-Франциско помог им понять, что характеристики природного ландшафта могут в такой же степени быть местами поклонения, как и созданные человеком строения, такие как церкви, осквернение которых широкая общественность никогда не стала бы обсуждать. Они могли понять более ясно, как хопи и навахо могли познать священное в природе – и были способны получить более глубокую оценку их верований и практик. К сожалению, решения Верховного Суда Со-

единенных Штатов по пикам Сан-Франциско и другим религиозным местам коренных американцев не продемонстрировали сравнимого уважения к этому взгляду на реальность. Можно надеяться, что со временем это произойдет.

Горы и дикая природа

Когда мы думаем о горном пике, мы обычно представляем себе его как парадигму дикой природы в ее самой дикой и самой чистой форме – духовно возвышающую область лесов, потоков, скал и снегов, неиспорченных трудами человека. Хотя деревья могут кучковаться у их подножий, вершины высочайших пиков лежат за пределами досягаемости человеческого использования – и злоупотребления – слишком крутые и высокие для постоянного проживания. В отличие от джунглей и пустынь, двух других характеристик природного ландшафта, которые воплощают мощные образы дикой природы, высоты гор нельзя вырубить или заставить цвести, преобразовать в города или земли ферм. Немногочисленные хижины, помещенные высоко на их склонах для использования альпинистами, кажутся стоящими там как крохотные пришельцы, полностью отданные на милость окружающей среды, легко стираемые с поверхности камнепадом или лавиной, если гора так решит. Силы неприрученной природы – ветер, облака, шторм и холод – находят свое наиболее сильное выражение на вершинах гор, наделяя высоты аурой дикой природы в ее наиболее экстремальном и нерушимом состоянии.

Во времена средневековья этот дикий и девственный образ гор, который делает горы такими привлекательными для нас сегодня, вызывал ужас у европейцев. Они рассматривали такие горные цепи как Альпы и горы Гарц как области обитания ведьм, драконов и других демонических существ. Здесь в нерегулярных формах пиков и хребтов лежит мир хаотических сил, находящихся за пределами человеческого контроля, сил, противостоящих воле Бога.

С позитивным взглядом на дикую природу, который возник в конце Просвещения, отношения к горам изменились. Как очень ясно демонстрирует поэзия романтического периода, сама дикость природы, которая вызывала отвращение средневековья, стала рассматриваться как проявление божественной реальности, наполняющей мир и разрешающей его противоречия. Суровый ландшафт гор обеспечивал идеальную обстановку для пробуждения осознания этой реальности, воспринимаемой как своего рода бесконечный разум или универсальное сознание.

Подъем науки с ее интересом к природе помог поощрить развитие оценки духовной ценности дикой природы. Там, где средневековье видело только хаос в диком ландшафте леса и гор, научные открытия раскрывали существование природного порядка более тонкого и запутанного, чем что-либо, постигнутое человеческим разумом. Мир пиков и ледников, лугов и потоков, птиц и зверей рассматривался как образующий гармоничную систему, в которой каждая часть имела место в целом. Как очень ясно свидетельствуют произведения таких натуралистов как Джон Мюир, созерцание этого природного порядка в горных ландшафтах пробудило мощное чувство священного, которое влияло на отношение людей к необитаемым частям их окружающей среды. Появление экологии в двадцатом столетии укрепило развитие позитивного, более духовного отношения к дикой природе, которое началось в восемнадцатом столетии. Подобно китайским поэтам и пророкам, которые пытались стать одним целым с дао, многие люди сегодня отправляются в горы, чтобы оказаться в гармонии с тем, что они воспринимают как более высокий, более совершенный порядок, наполняющий мир природы.

Вдохновленные библейским образом Эдема, мы также склонны рассматривать дикие места, особенно поросшие лесом пики как рай на земле. В отличие от теологов средних веков, романтики девятнадцатого столетия рассматривали дику природу не

как пустоши, но как сад, возделываемый Богом. — место природного изобилия, управляемое божественным порядком, скорее чем хаос. Над этим земным раем, защищая его от опустошения человечеством, стояли суровые вершины гор. Увидев Альпы в первый раз, Джон Рескин писал:

*“Никто из нас не думал, что это просто облака. Они были ясными как хрусталь, резкими на фоне чистого горизонта неба и уже окрашенными в розовый цвет садящимся солнцем. Бесконечно больше чем все, о чем мы когда-то думали или о чем мечтали — увиденные стены утраченного Эдема не могли быть более красивыми для нас; как не могли внушать большего благоговения на фоне неба стены священной смерти”.*²

Хотя, возможно, мы не сохранили концепции божественности девятнадцатого столетия, многие из нас унаследовали взгляд Рескина на горы как на дикие стены рая, величественные в смысле внушаемого ими благоговения.

Рассматривается ли она как сад Эдема или как более суровая, более аскетическая область дикая природа функционирует для многих как священное место, отделенное от мирской области повседневной жизни. Там, вдали от цивилизованного мира лежит таинственная область совершенно иного, управляемая природными силами, недостижимыми для человеческого контроля. Раскрывая себя для этих сил, энтузиасты дикой природы стремятся пробудить чувство священного, которое даст им возможность выйти за пределы их обычных занятий и познать на короткое время вкус более постоянной реальности. Подобно Эдемскому саду, дикие места сохраняют для них первозданную чистоту творения, священное пространство, которое остается неоскверненным человечеством. В самом деле, дикая природа представляет собой для многих из нас место духовного обновления, где мы можем вернуться к источнику нашего бытия и восстановить свежесть нового начала. Как это сформулировал Джон Мюир:

“Я раньше завидовал отцу нашей расы,

который проживал, так сказать, в контакте с только что созданными полями и растениями Эдема; но больше я ему не завижусь, потому что я открыл, что я также живу на “рассвете творения”. Утренние звезды по-прежнему ликуют вместе, и мир, не созданный еще и наполовину, становится все более красивым каждый день”.³

Представление о дикой природе как о священном месте обеспечило вдохновение, лежащее в основе многочисленных природоохранных движений. Джон Мюир основал Сьерра-Клуб, например, как средство сохранения природной святости диких мест в Сьерра-Неваде в Калифорнии. Произведения Мюира, протестующие против затопления Хетч Хетчи, долины, сравнимой по великолепию с Йосемитом, раскрывают по сути духовную природу его мотивации:

*“Эти разрушители храмов, сторонники опустошительного торгашества, кажутся полностью пренебрегают Природой и вместо того чтобы поднимать свои взгляды к Богу гор, поднимают их к Всемогущему Доллару. Запрудить Хетч Хетчи! А также запрудить ради водных резервуаров человеческие церкви и соборы, потому что никогда более святой храм не освящался человеческим сердцем”.*⁴

Отражая взгляд на горы как на парадигмы дикой природы в своем наиболее драматическом и девственном состоянии, природоохранные организации, такие как Сьерра Клуб и Аппалачский горный клуб назывались в честь горных стран, которые послужили им моделями природной окружающей среды, которую нам необходимо сохранять по духовным, а также экологическим причинам.⁵

Подобное отношение повлияло на развитие системы национальных парков в Соединенных Штатах. Непропорционально большое количество парков либо носят названия гор, либо лежат в горных областях, среди них Денали, Маунт Рейне, Роки Маунтин, Грейт Смоуки Маунтин, Гранд Тетон, Шенандоа, Гласир, Йосемит, Йеллоустоун, Кингз Каньон и Секвойа. Можно бы-

ло бы утверждать, что эти парки лежат в гористых регионах, потому что эти регионы было труднее всего разрабатывать и поэтому в них еще оставались дикие части, когда правительство начало создавать систему национальных парков. Но этот аргумент только укрепляет позицию о том, что горы не только рассматриваются, но и в действительности действуют как парадигмы дикой природы в ее самом диком и наиболее девственном состоянии. В любом случае американская общественность рассматривает эти национальные парки как святыни, сохраняемые для духовного блага будущих поколений. Люди ходят в них как паломники к природным святыням, которые воплощают дух земли в ее первоначальном и девственном состоянии. Почти религиозная аура висит над ними: если кто-то пыгается осквернить национальный парк, немедленно следует общественный протест.

Притягательность и магия дикой природы, сущность того, что делает ее такой особенно привлекательной, происходит от чувства священного, которое она вызывает. Есть нечто фундаментально дикое в самом священном, том, как оно избегает всех наших попыток контролировать и одомашнивать его. Подобно недоступной вершине отдаленного пика, оно лежит за пределами нашей досягаемости, свободным от ограничений любого искусственного порядка, который мы пытались бы навязать ему. Его закон – это его собственный закон, а не наш. Генри Давид Торо ссылался на это чувство священного, скрытое в дикости природы, когда он писал:

*“Запад, о котором я говорю, это не более чем еще одно имя для Дикого; и то, что я собираюсь сказать – это то, что в дикости состоит сохранение мира. Каждое дерево распускает свои корни в поисках Дикого. Города завозят его любой ценой. Люди пахут землю и ходят по морям ради него. Из леса и дикой природы приходят тонизирующие средства и кора, которые укрепляют человечество”.*⁶

Вдобавок к способности спасения и пропитания Торо приписывал дикой сущности

дикой природы именно качества тайны и величия, которые ассоциировались с чувством священного в традиционных культурах:

“Нам нужен тонус дикости. В то же самое время, когда мы страстно желаем исследовать и узнать все вещи, мы требуем, чтобы все вещи были таинственными и непознаваемыми, чтобы земля и море были бесконечно дикими, неисследованными и не постигнутыми нами, потому что они непостижимы. Нас должен освежать вид неистощимо энергичный, широких и титанических черт...”.⁷

Когда последняя непокоренная гора будет покорена, и подлинная дикая природа исчезнет, замененная парками и отведенными “областями дикой природы”, мы должны будем обратиться к чувству священного чтобы найти дикость, которую Торо считал существенной для сохранения мира и поддержания нашего собственного благополучия. Эта дикость, которую мы ассоциируем с неисследованными местами, на самом деле лежит прямо здесь, вокруг нас, в знакомых вещах нашего обычного окружения, если мы сможем увидеть их такими, какими они на самом деле являются, пропитанными всей тайной и великолепием самых глубоких лесов и высочайших вершин.

В то время, как я делал исследование в Гималаях, я отправился в экспедицию к легендарной священной долине, которую многие, если вообще какие-либо чужеземцы когда-либо посещали. Я написал о своих впечатлениях от достижения этой долины после долгого и трудного путешествия:

“Свежесть нашего окружения вернула детские фантазии первозданных джунглей, скрытые в воображаемых диких местах моего собственного заднего двора. Этот лес имел то же самое отдаленное и таинственное качество, но оно также казалось близким и странно знакомым, как если бы я бывал здесь давным-давно. Хотя многие мили и горы отделяли нас от мощи, которая потребовалась бы нам в

случае какого-либо происшествия, я чувствовал себя дома и в безопасности”.⁸

По мере того как мы растем, дикая природа, место тайны, отступает из наших повседневных жизней в отдаленные места, куда мы чувствуем, что должны идти, чтобы снова ее встретить. Но если мы знаем, как искать ее сущность, мы можем найти ее там, где мы впервые познали ее как дети – прямо здесь на своем заднем дворе, в диком чувстве изумления и благоговения, которые мы чувствуем, когда видим все свежее и новое.

Священные горы, которые пробуждают это чувство изумления и благоговения поднимаются посреди цивилизации, а также в дикой природе. Склоны Тай-Шаня покрыты надписями, храмами, гостиницами для путешественников, ларьками с продуктами, туристами и паломниками. Западные посетители, приученные рассматривать горы как парадигмы дикой природы, испытывают трудности в понимании чувств красоты и почтения, которые эта гора вдохновляет среди китайцев; и все же вид этого пика имеет такое же мощное воздействие на последних, как любой вид непокоренного шпиля из скал и льда имеет на первого. Одна из наиболее почитаемых гор в мире, гора Сион, в действительности является городом, таким же плотно населенным, как любое место в мире. Некоторые пики, такие как Нанда Деви, рассматриваются как одновременно дикие и цивилизованные: в то время как западный альпинист испытывает благоговение при виде девственной вершины нетронутого снега, индийский паломник набожными глазами видит золотой храм индуистской богини.

Горы и окружающая среда

Чувство священного, пробужденное горами, может сыграть критическую роль в наших усилиях уважать и защищать окружающую среду, как дикую, так и цивилизованную. Мы обычно обращаемся с вещами, которые мы почитаем, с любовью и уважением, стремясь поддерживать их красо-

ту и целостность. Если мы видим окружающую среду таким образом, мы чувствуем побуждение скорее ее сохранять, чем разрушать. Без такого лежащего в основе чувства священного вдохновлять природоохранные усилия, основанные только на экологических фактах и теориях, очень трудно. Когда эта приверженность ослабевает, горы обеспечивают место для обновления ее видением того в мире, что мы действительно ценим и должны сохранить.

Чувство священного само по себе, однако, не гарантирует сохранения окружающей среды. Хотя японцы почитают гору Фудзи как символ своей нации, они загрязнили ее снега и засыпали ее склоны мусором. Даже несмотря на то, что шерпы считают Гималаи жилищами богов, они не чувствуют угрызений совести, присоединяясь к западным альпинистам в разбрасывании чрезвычайного количества мусора вокруг домов их богов. И несмотря на канализацию, которая наполняет Ганг, индусы регулярно купаются в реке и пьют ее воду, считая ее чистой и священной. Традиционные концепции духовной чистоты, ассоциировавшиеся со священными местами, часто имели мало общего с представлениями о физической чистоте, которые играют важную роль в современных усилиях очистить и сохранить окружающую среду.

Определенные концепции священного могут даже угрожать окружающей среде разрушением. Ранние христианские миссионеры в Европе рассматривали священные рощи как демонические места языческих ритуалов и вырубали их, чтобы изгнать злых духов, скрывавшихся внутри них. Ацтеки одевали свои человеческие жертвы как богов перед тем, как принести их в жертву на горах. Священники обычно освящают свои приношения, которые они разрушают во время пожертвования. Рассмотрение окружающей среды как священной может неосознанно превратить ее в жертвенное приношение ради высшей цели. И фактически мы видим указания на такой исход в заявлениях Национальной Академии наук о том, что определенные области

американского Юго-Запада, необратимо разрушенные добычей полезных ископаемых открытым способом, должны быть списаны как “Национальные области жертвования”, которыми пожертвовали ради более значительного блага общества.⁹

Все это означает, что мы должны полностью осознавать последствия пробуждения чувства священного. Потому что оно связано с вопросами конечной заботы – ценностями, ради которых мы готовы пожертвовать всем остальным – оно обладает способностью двигать нас к добру или злу. Оно может вдохновлять нас сохранять окружающую среду как что-то, что мы любим и лелеем, или вести нас к разрушению ее как чего-то, чего мы боимся и к чему испытываем отвращение. Оно может также вести нас к рассмотрению частей природы – например, деревьев в лесу – как достойных объектов жертвования, данных провидением как источники, чтобы улучшить качество жизни. Только если оно поощряет нас почитать вещи как ценные сами по себе, а не как средства достижения более высоких целей, какими бы благородными или возвышенными они ни были, пробуждение чувства священного обеспечит нам прочное основание для усилий по сохранению находящихся в опасности видов растений, животных и регионов мира, который мы населяем вместе. Вырубая свои леса, отравляя свои реки и загрязняя свои города, мы делаем большее, чем просто ставим под угрозу свое физическое здоровье и средства к существованию: мы ухудшаем свою способность испытывать более глубокую реальность в своей жизни. Когда мы истребляем диких животных и разрушаем ландшафт, мы разрушаем красоту и целостность природы, от которой мы зависим в нашем духовном благополучии. Мы более не можем смотреть на деревья и потоки, луга и цветы, птиц и зверей в поисках образов, обладающих способностью резонировать в наших умах и пробуждать глубокое и постоянное чувство священного. Одна из величайших трагедий осквернения окружаю-

щей среды состоит в том, что мы отрезаем себя от глубин нашего сокровеннейшего существования – от источника понимания и радости, который делает жизнь значимой и достойной.¹⁰

Горы и жизнь

Чувство священного, пробужденное горами, раскрывает реальность, которая обладает способностью трансформировать наши жизни. Какой бы ни была реальность, однако, мы можем постичь ее – как божество, “я”, природа, абсолют – наша встреча с ней освобождает нас от наших обычных концепций самих себя, так что мы можем вырасти за пределы личностей, которыми, по нашему мнению, мы являемся. Подобно виду с вершины горы, это открывает нас для свежего видения самих себя и мира вокруг нас и придает нашей жизни новое значение и направление. Оформленные материалистическими требованиями бизнеса и технологии, многие из ценностей и целей современного общества обладают искусственностью, которая отстраняет нас от нашей окружающей среды, друга и самих себя. Пробуждая чувство священного, заставляя нас осознавать более глубокую реальность, горы связывают нас с миром и делают наши жизни более реальными.

Когда мы поднимаемся на вершину горы, мы чувствуем себя в центре мира. Мы видим раскинувшийся вокруг нас широкий круг горизонта, наполненного горами, реками, лесами, полями и городами. Характеристики ландшафта, которые казались спутанными и фрагментированными, кажутся находящими свое место и форму, подобно кусочкам головоломки, соединенным частям единого целого. После того, как мы спускаемся вниз, память об этом виде с вершины может остаться с нами, давая нам понимание того, где мы находимся в более широкой схеме вещей.

Непосредственный опыт своего рода центра, воплощенный во взглядах на священные горы, может иметь мощное и да-

леко идущее воздействие. Осознавая такой центр внутри себя, мы открываем силу и стабильность, которые дают нам возможность противостоять давлению внешнего мира. Мы испытываем чувство равновесия и внутреннего спокойствия, которое придает нам уверенность, чтобы быть честными с самими собой и делать то, что мы ощущаем правильным, вне зависимости от того, что могут подумать или сказать другие.

Для традиционных обществ священные горы, рассматриваемые как космические центры, обычно функционируют как места творения. С их вершин, подобно кругам, расходящимся от камушка, брошенного в пруд, единственный акт творения вызывает существование множества характеристик вселенной. Стоя на вершине горы и познавая ее как центр мира вокруг нас, мы обнаруживаем то место внутри самих себя, откуда проистекают наши действия как спонтанные выражения того, кем мы являемся. Прикасаясь к этому центру, вступая в контакт с реальностью, которую он раскрывает, мы открываем источник творчества, который наполняет все, что мы делаем, от наиболее обычных актов повседневной жизни до наиболее чрезвычайных свершений художественного гения.

Достигая вершины горы, мы видим, что круг горизонта разворачивается вокруг нас, расширяясь за пределы видения в синий туман бесконечного неба. Познавая самих себя как его центр, мы начинаем осознавать безграничную природу вселенной. Через опыт ее величия мы открываем чувство пространства, которое придает нам свободу открыться и расти. Мы более не чувствуем себя ограниченными в пределах наших узких взглядов. Мы знаем мир и самих себя как больших и более таинственных, чем мы когда-либо представляли себе. И в этом знании, в осознании того, что вселенная является слишком обширной, чтобы владеть ей или контролировать, мы испытываем смирение, которое освобождает нас от мелких требований эгоистических иллюзий и желаний.

Это чувство обширности позволяет нам

найти центр повсюду, а не только на вершине горы. Если мы остаемся открытыми для мира вокруг нас, осознаем его безграничную, таинственную природу, тогда вне зависимости от того, как далеко мы идем, мы никогда не доходим до его края. Горизонт отодвигается от нас, так, что мы всегда идем в середине его круга. Сила центра остается с нами, и страх потерять его, который мы испытываем, исчезает. Более не привязанные к конкретному месту или роду деятельности, мы чувствуем себя свободными идти куда угодно, и делать, что угодно, зная, что куда бы мы ни шли и что бы мы ни делали, мы всегда будем соприкасаться с реальностью мира в нас самих.

Открывая центр внутри нас самих, мы начинаем осознавать всех людей и все вещи. Глядя вокруг себя, мы видим, что каждая личность стоит в середине мира и познает тайну и величие, раскрываемые в его или ее конкретном месте. Видение центра повсюду пробуждает чувство священного во всем и в каждом. Мы понимаем, что мы все связаны вместе посредством таинственной реальности мира, который мы разделяем. Движимые чувством удивления и благоговения, мы чувствуем спонтанную любовь и уважение к людям и вещам, какими они есть. Вы радуемся их радости и разделяем их горе.

Другие взгляды на священные пики раскрывают дополнительные пути, которыми опыт этой реальности может трансформировать наши жизни. Как места встречи неба и земли, священные пики объединяют несхожие сферы духа и материи. Для того, чтобы открыться и расти, нам необходимо углубить свое осознание того и другого и признать реальность, которую они символизируют внутри нас самих. Фокусирование на одном без другого оставляет нас неуравновешенными. Исключительное ударение на духовных вопросах делает все, что мы делаем, туманным и несущественным. Узкое фокусирование на материальных вещах делает наш ум твердым и запирает нас в жестких взглядах на мир и на самих себя. Для того, чтобы реализовать свой потенци-

ал как человеческих существ, нам необходимо культивировать как ум, так и тело, мысль и эмоции – взаимодополняющие аспекты нашей природы, которые выражают лежащую в основе общую сущность того, чем мы являемся.

Как места умерших предков, священные горы представляют таинственную реальность, из которой мы пришли, и в которую мы должны вернуться – источник того, что сделало нас теми, кто мы есть. Контакт с этой реальностью, особенно на высотах горы, может привести к опыту смерти или возрождения. Ошеломленные силой и тайной того, что мы встретили, мы отпускаем привычное “я” и находим на его месте новую личность, рожденную внутри нас. Находясь в моментальном соприкосновении с источником нашего бытия, мы видим все свежим и чистым, как в первый раз. Шотландский альпинист В.Х. Мюррей описывал такой опыт, когда он вышел из индийских равнин и наконец оказался в Гималаях:

*“На мгновение ослепленные, мы внезапно увидели раскинувшийся перед нами мир, созданный заново. Все чувства души были не столько освежены, сколько рождены заново, как после смерти. Мы снова были свободными людьми, в первый раз за многие месяцы действительно способными жить в настоящем времени”.*¹¹

Рассматриваемое как духовный путь, восхождение на гору символизирует путь, который ведет к источнику нашего бытия. Трудности восхождения представляют усилия и жертвы, требуемые для того, чтобы вступить в контакт с более высокой реальностью, которая раскрывает нашу глубокую природу. Преодолевая эти трудности, мы преодолеваем наши собственные ограничения – иллюзии и желания, которые не дают нам понять, кто мы такие на самом деле. Но мы не делаем этого целиком самостоятельно. При восхождении на пик как духовном пути мы открываем себя для реальности, к которой мы стремимся на его вершине. Делая так, мы попутно получаем опыт этой реальности как таинственного

притока энергии и видения, которое помогает нам нести себя к своей цели. Та же самая духовная трансформация может произойти в результате акта созерцания горы с расстояния – или ее визуализации в уме. Как говорит хорошо известное индийское писание о Гимачал или Гималаях:

*“Тот, кто думает о Гимачал, даже если он не видит его, более велик, чем тот, кто совершает все свои религиозные обряды в Бенаресе. Тот, кто думает о Гимачал, будет освобожден от всех своих грехов...”*¹²

Реальность, раскрываемая горой, может быть испытана в любом месте. Горы не являются более священными, чем любая другая характеристика ландшафта. Но в результате их природной склонности вдохновлять чувство чуда и благоговения, они легче раскрывают эту реальность. Получив мимолетное впечатление о ней посредством вида гор, мы можем найти ее в других местах, посредством других мест, других символов. Когда мы это делаем, мы открываем, что все и каждый выражают конечную тайну жизни. Хотя мы по-прежнему осознаем их важность, мы выходим за пределы отличий, которые обычно проводим между священным и мирским, красивым и уродливым, хорошим и плохим; мы просто познаем мир, как он есть, чудесный сам по себе.

В конце мы понимаем, что то, к чему мы стремимся на высотах самых высоких и самых отдаленных пиков, мы можем найти прямо здесь в самых простых и самых обыкновенных вещах – в сиянии солнечного света в воздухе, в аромате хлеба в печи, в шепоте ветра в деревьях, в прикосновении человека, которого мы любим. Комментируя таинственную, неистощимую природу реальности, скрытой в мире и раскрываемой в горах, японский мастер дзэн Доген писал:

*“Что касается гор, есть горы скрытые в драгоценностях, есть горы, скрытые в болах, горы, скрытые в небе. Существует исследование гор, спрятанных в спрятанности”.*¹³

Что-то из того, что я испытал в Гималаях, делает этот отрывок живым для меня. Зимой 1968 года, когда Тибет был по-прежнему закрыт для внешнего мира, я отправился в персональное паломничество к подножию горы Эверест в Непале. После наблюдения за закатом, блекнущим в зеленых сумерках, вызывая ощущение чего-то таинственного и величественного в самой горе, я лег на открытом воздухе в своем спальном мешке, глядя на горы вокруг меня. Мерцающий лунным светом, пики по соседству с Эверестом чернели на фоне звезд. Ледник, спрятанный за тьмой и камнями, протягивался к моим ногам. Я перевернулся и посмотрел на подножье склона, по которому я поднимался к вершине на границе Тибета.

Что-то в гладком размахе склона привлекло меня и я представил себя скользющим вверх к хребту и по хребту до края. Меня внезапно поразило то, что я находился на краю Тибета, где существовали горы и долины, которые никогда не были нанесены на карту или даже исследованы. “Мой Бог”, – подумал я, – “в мире по-прежнему осталось место, которое действительно не нанесено на карту, неизвестно, которому люди не дали ярлык и не описали”.

И внезапно чувство, которое было сильнее чем чувство, чувство с убеждением и уверенностью реальностью, пронесшейся через меня: остальной мир подобен этому, такой же ненанесенный на карту и неисследованный как Тибет. Каким-то таинственным, необъяснимым образом, существуют долины и горы вокруг нас, которые никто никогда не видел или наносил на карту – мир, спрятанный прямо здесь, как бы в другом измерении.

Мысль вернула меня в мое детство, к памяти, ощущения которой я давно забыл. Когда мне было три или четыре года, я ходил со своими родителями в аэропорт чтобы наблюдать за тем как самолеты взлетают в раннем утреннем небе и летят над голубой дымкой облаков. В этом возрасте я никогда не видел карты и всего, что на ней есть – мир был огромным и свежим и бес-

конечно чарующим. И сейчас он снова ощущался таким.

Горы помогают нам вернуть это чувство свежести и чуда, которым обладает ребенок. Они пробуждают нас к более глубокой реальности, спрятанной в мире вокруг нас, даже в городах, далеко от вида самих пиков. Движимые таинственной силой этой скрытой реальности, мы восстанавливаем видение и удовольствие детства, усиливаемое опытом и пониманием зрелости. С глазами яркими и чистыми, сердцами открытыми и свободными мы снова стоим в начале и у стока всего, что есть и всего, что может быть.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Lama Anagarika Govinda, *The Way of the White Clouds* (Berkeley: Shambhala, 1970), 197.

2. Kukai, "Stone Inscription for the Sramana Shodo Who Crossed Mountains and Streams in His Search for Awakening," trans. Allan Grapard, in *The Mountain Spirit*, ed. Michael Charles Tobias and Harold Drasdo (Woodstock, N.Y.: Overlook Press, 1979), 55.

3. Maurice Herzog, *Annapurna*, trans. Nea Morin and Janet Adam Smith (New York: Dutton, 1952), 206-7. Св. Тереза из Авилы была известным испанским мистиком XVII в., она много писала о духовном пути, ведущем к единению с Богом.

4. См. классическую и важную работу Рудольфа Отто *The Idea of the Holy (Das Heilige)*, пер. John W. Harvey (Oxford and New York: Oxford University Press, 1950).

5. Guido Rey, *Peaks and Precipices: Scrambles in the Dolomites and Savoy*, trans. J. E. C. Eaton (New York: Dodd, Mead, 1914), 187-88.

6. Из "A Poetic Description of the High Tower," приписываемого Sung Yü. Французский перевод см. Paul Demiéville, "La montagne dans l'art littéraire chinois," *France-Asie/Asia* 20 (1965): 13.

7. Gaston Rebuffat, *Mont Blanc to Everest*, trans. Geoffrey Sutton (London: Thames and Hudson, 1956), 83.

8. Из знаменитого *Memorial* Паскаля, описывающий его опыт ночью 23 ноября 1653 г.

Это было найдено после его смерти на клочке бумаги, зашитом в подкладку пальто.

9. Herbert Tichy слышал историю о Смите от медсестры, что лечила его. См. *Himalaya*, trans. R. Rickett and D. Streatfeild (New York: Putnam's, 1970), 118.

10. Freda Du Faur, *The Conquest of Mount Cook and Other Climbs: An Account of Four Seasons' Mountaineering on the Southern Alps of New Zealand* (London: George Alien & Unwin, 1915), 27.

11. Rudyard Kipling, "The Explorer."

12. Mircea Eliade, *The Sacred and the Profane*, trans. Willard R. Trask (Harcourt, Brace & World, 1959), 12.

13. Ps. 125: 1

14. Eccles. 1: 14.

15. *Brihadaranyaka Upanishad* 1.3.28, translated in Robert Ernest Hume, trans., *The Thirteen Principal Upanishads*, 2d rev. ed. (Oxford and New York: Oxford University Press, 1931), 80.

16. Herzog, *Annapurna*, 207. О проявлениях священного в светском мире см. Eliade, *The Sacred and Profane*, 11-12. Обзоры различных подходов к изучению священного и священных мест см. Carsten Coipe, "The Sacred and the Profane," trans. Russell M. Stockman, in *The Encyclopedia of Religion*, ed. Mircea Eliade (New York: Macmillan, 1987), 12: 511-26, и Joel P. Brereton, "Sacred Space," in *Ibid*, pp. 526-35.

Основной текст

1. Maurice Herzog, *Annapurna*, trans. Nea Morin and Janet Adam Smith (New York: Dutton, 1952), 12.

2. John Ruskin, *Praeterita* (Boston: Dana Estes, 1885), 97.

3. John Muir, "Explorations in the Great Tuolumne Canon," in *Voices for the Earth: A Treasury of the Sierra Club Bulletin*, ed. Ann Gilliam (San Francisco: Sierra Club Books, 1979), 6.

4. John Muir, *The Yosemite* (1914; repr. San Francisco: Sierra Club Books, 1988), 196-97.

5. См. Linda H. Graber, *Wilderness as Sacred Space*, Association of American Geographers Monograph Series 8 (Washington: Association of American Geographers, 1976). По поводу классического исследования американского отношения к дикой природе и его влияния на движение охраны окружающей среды см. Roderick Nash, *Wilderness and the American Mind*, 3d ed. (New Haven and London: Yale University Press, 1982).

6. Henry David Thoreau, "Walking," in *The Natural History Essays*, ed. Robert Sattelmeyer (Salt Lake City: Peregrine Smith Books, 1984), 112.

7. Henry D. Thoreau, *Walden*, ed. J. Lyndon Shanley (Princeton: Princeton University Press, 1971), 317-18.

8. Edwin Bernbaum, *The Way to Shambhala* (Garden City, N.Y.: Anchor Press/Doubleday, 1980), 60.

9. По поводу подвергшихся добыче полезных ископаемых открытым способом областей Юго-Запада как областей национального жертвования см. *The Four Corners: A National Sacrifice Area?*, a film produced by Christopher McLeod, Glenn Switkes, and Randy Hayes (Oley, Penn.: Bullfrog Films, 1983).

10. Ряд современных групп защиты окружающей среды – например, движение глубинной экологии, вдохновленное произведениями норвежского философа Арне Наэсса – расширили свои заботы до включения духовных и культурных измерений наших отношений к окружающей среде. По поводу работ по глубинной эко-

логии см. Bill Devall and George Sessions, eds., *Deep Ecology* (Salt Lake City: G. M. Smith, 1985); Dolores LaChapelle, *Earth Wisdom* (Silverton, Colo.: Finn Hill Arts, 1978) и *Sacred Land Sacred Sex, Rapture of the Deep: Concerning Deep Ecology and Celebrating Life* (Silverton, Colo.: Finn Hill Arts, 1988); а также Michael Tobias, ed. *Deep Ecology* (San Diego, Calif.: Avant Books, 1984) – последняя работа содержит только немного статей, в действительности написанных глубинными экологами, такими как Нэсс.

11. W. H. Murray, *The Scottish Himalayan Expedition* (London: J. M. Dent & Sons, 1951), 34.

12. Из *Manasakhanda of the Skanda Pwana*, адаптированная к переводу Edwin T. Atkinson, *Kumaun Hills: Its History, Geography and Anthropology with Reference to Garhwal and Nepal* (Delhi: Cosmo Publication, 1974), 307-8.

13. Dogen, "Treasury of the True Dharma Eye: Book XXIX, The Mountains and Rivers Sutra", trans. Carl Bielefeldt, in *The Mountain Spirit*, ed. Michael Charles Tobias and Harold Drasdo (Woodstock, N.Y.: Overlook Press, 1979), 48-49.

РЕЛИГИОЗНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОР

Многие горные территории имеют метафизическое значение, как священные территории, объекты страха, церемоний и мистики. Это само по себе обеспечивает им некоторый уровень защиты. Поэтому управление, планирование, и толкование охраняемых территории должны осуществляться с учетом возможностей и проблем, связанных с этой особой духовной и культурной аурой.

Можно привести множество конкретных примеров этого:

— 2-4 % территории префектуры Юннань провинции Сычуань в Китае приходится на "священные горы", где собираются

Глава из "Рекомендаций для горных охраняемых территорий", предложенных Комиссией МСОП по национальным паркам и охраняемым территориям, май 1992 г. Опубликовано в: Всемирное культурное и природное наследие. Документы, комментарии, списки объектов. М. Институт наследия, 1999. 337 с.

духи предков народа дай. Эти горные леса особо почитаемы и в большинстве случаев неприкосновенны.

— Часть центрального горного хребта гор Венесуэлы — это "приют Марии Лёнсы", или святилище Королевы Марии Лёнсы — богини природы, которая даст богатство, если человек не будет вторгаться в ее "приют". В обратном случае — человек может сначала заблудиться, а потом и умереть. (Этой территории было просто обеспечить статус охраняемой).

— Жители тибетских высокогорий скармливают трупы умерших хищникам в специальных местах — "небесных кладбищах", поскольку кремация требует огромного количества топлива — использования скудных ресурсов древесины, или хрупких растений-подушек, выкапываемых с крутых склонов.

— Огонь вулкана Тонгариро (Новая Зеландия) был зажжен богами, чтобы согреть

Нгаторойранги — предка современных представителей племени Нгати Тувхаретоа. Сама вершина также рассматривается в качестве предка. Принимая во внимание эти особые ценности, пришлось ограничить деятельность на верхних участках горных склонов парка.

— Небольшие горные озера (Сурадждж Кханд в Гималаях Кумаона), и некоторые высокогорные альпийские луга (Бхадсли Гуар) считаются священными садами богов; пастухи верят, что вторжение в эти святые места может иметь для них ужасные последствия, и поэтому никогда не пасут своих овец в этих районах.

— Вершина Гаури Шанкер в Непале является воплощением индуистского бога Шанкара и его супруги Гаури; она считается священной и запрещена для восхождения. Благодаря этому и гора и прилегающие долины остались незамусоренными.

— На Гавайях любят, равно как и боятся, богиню вулканов Пеле — созидательницу и разрушительницу, управляющую потоками лавы. Сейчас туристы, посещающие Гавайский вулканический национальный парк, опасаются брать кусочки лавы на память, чтобы Пеле не принесла несчастья, и это охраняет памятники природы и культуры от осквернения.

— “Священная долина” между Куско и Аллантай Тамбо в Перу давала когда-то продовольствие для войска инков, а ее скалы использовались как погребальные склепы для высокопоставленных членов королевского двора. В этом районе охранялись и охраняются почвы, дикая флора и андские культурные растения.

Аура духовности окружает и другие объекты горной природы: скалы, пещеры, вершины, флору, водные источники, и проявление небесного цикла.

Благодаря особому значению и ценности этих территорий и уже имеющемуся у них некоторому уровню защищенности, для них легче установить статус охраняемых территорий, от охраняемого ландшафта до биосферного заповедника. В таких случа-

ях основная задача — защита и уважение “духа местности”, что может потребовать особых мер по управлению территорией.

Необходимо, чтобы люди, которым принадлежат эти духовные и культурные ценности, имели безусловное доверие к управляющим данными охраняемыми территориями. Это чувство доверия нужно старательно формировать и укреплять. Перед осуществлением каких-либо мероприятий управляющие должны обратиться за советом к людям, сохраняющим традиционные верования.

Ландшафты территорий, имеющих особое культурное или духовное значение, обычно сформированы в ходе длительного взаимодействия человека и природы. Поскольку любое изменение ландшафта может изменить “дух местности”, нужно принять все меры предосторожности для сохранения первоначальных ландшафтных условий.

Территории, имеющие особое культурное и духовное значение, являются гораздо более сложными, чем другие охраняемые территории, поскольку их ценность заключается не только в природных и биологических, но и в метафизических аспектах. Для управления такими территориями нужны знания не только о природной среде, но и о культурных и духовных аспектах территории, поэтому есть серьезные основания опираться в основном на местное население при подборе персонала, дав ему необходимую подготовку и по обычному кругу вопросов управления.

Если горные территории имеют особое религиозное или культурное значение, на них по мере возможности необходимо распространять режим охраны; в первую очередь защита и управление должны предоставляться священным или церемониальным объектам. Управление должно осуществляться при полном согласии и поддержке людей, сохраняющих верования в священность данной территории; к ним также должна поступать часть доходов от каждого посетителя данной территории.

Рекомендации

30. Управляющие горными территориями должны консультироваться с местными жителями. Следует разработать механизм консультаций, обеспечивающий сотрудничество в использовании преимуществ и в решении возможных конфликтов, связанных с существованием священных мест в границах охраняемых горных территорий. Планы мероприятий по управлению должны разрабатываться в сотрудничестве с местным населением.

Многие из этих священных территорий являются также и местами паломничества. Необходимо сделать все возможное, чтобы сохранить их священный характер и не мешать паломникам сосредоточиться на своих духовных переживаниях.

31. Места, имеющие культурное и духовное значение, и особенно места паломничества обычно нуждаются в некоторой инфраструктуре. Любое новое строительство должно проектироваться так, чтобы гармонично сочетаться с условиями природной и культурной среды.

32. В эти места стекается много пользователей, в том числе проводников, которые получают доход от посетителей. Необходимо предусмотреть, чтобы разумная доля доходов возвращалась к местному населению в виде трат на местные нужды, или развитие здравоохранения и образования.

33. В местах паломничества может возникнуть необходимость в специальных мероприятиях, позволяющих отрегулировать численность посетителей так, чтобы у них осталось наилучшее впечатление, и чтобы туристы не мешали паломникам.

34. Там, где число паломников велико, например, в Кедарнатхе в индийских Гималаях, необходимо оценить емкость территории с точки зрения возможного загрязнения, деградации местности и перегрузки существующей инфраструктуры. Нужно попытаться спрогнозировать число паломников в будущем, чтобы вовремя обеспе-

чить соответствующий уровень обслуживания без ущерба окружающей среде.

35. Если есть опасность избыточной нагрузки, следует разработать сбалансированную систему ограничения доступа, например, путем выделения территорий, в которые доступ строго контролируется или запрещается.

36. Места, имеющие метафизическое значение, часто весьма знамениты и своими природными объектами, как ландшафтными, так и биологическими. Избыточное использование (например, троп или церемониальных растений) часто наносит ущерб этим объектам.

Для священных мест должны выполняться те же рекомендации, которые используются для сохранения природы и на других охраняемых территориях.

37. Чтобы сохранить природные ценности и избежать конфликтов с культурными ценностями, следует установить ряд этических и практических правил, которые должны в равной мере выполняться и посетителями и работниками заповедников. Таким образом, работники заповедников и туристской отрасли должны совместно разработать с учетом культурных особенностей территории кодексы поведения и довести их до сведения посетителей посредством публикаций и информации на стендах.

В горах, имеющих особое культурное и духовное значение, часто находятся корни оригинальных местных культур, а также важнейшие памятники и археологические объекты. Хотя ученые выражают законный интерес к их изучению, должен строго соблюдаться запрет на какое-либо вмешательство, изменение артефактов без особого разрешения, и вандализм любого рода.

38. Ни в коем случае нельзя допускать осквернения местности через разрушение или извлечение без разрешения священных археологических объектов. Все исследования должны вестись в соответствии с правилами и кодексами поведения, в которых четко сформулировать общие принципы запрета нарушения состояния культурных

объектов, и определить особые условия, при которых могут выдаваться лицензии, разрешающие отбор образцов.

39. Строгие правила должны также регулировать торговлю и вынос в качестве сувениров предметов культуры и образцов научных исследований. В горных парках должна вестись опись археологических, исторических и освященных объектов, и соответствующий контроль за тем, чтобы эти объекты не выносились, не разрушались и не обезображивались.

40. Показ и продажа сувениров, отражающих “священные” свойства местности, должны осуществляться с должным тактом.

Особая осторожность необходима при интерпретации значения священных мест. У многих народов мира религия — это боги и богини, отражающие природные явления, и создающие всеобъемлющую систему устройства мира — космос — ах-

ватывающую всю природу от гор до морей. Таким образом, “одушевленность” считается свойством, присущим всем явлениям природы. Это общий подход, который вмещает особенности конкретных местностей.

41. Интерпретивная политика и интерпретивные программы для охраняемых горных территорий разрабатываются с учетом их метафизических и культурных ценностей и с уважением к местным верованиям. Посетители должны знать о необходимости вести себя с учетом верования других людей.

42. Интерпретация значения таких мест должна осуществляться хранителями местных ценностей и верований.

43. К толкованию мифов следует относиться с большой осторожностью, избегая крайностей преувеличения, равно как и преуменьшения.

Влияние религиозного сознания на экологичность россиян

Д.Н. Кавтарадзе, А.А. Овсянников

Религиозное сознание свойственно было в 1993 г. 26 % взрослого населения России, но в то же время на вопрос о религиозности 46 % населения страны ответили положительно. Пантеистическое мировоззрение разделяли 55 % взрослых жителей страны.

За последние годы ситуация изменилась мало: всплеск религиозности 1994-1995 гг. сменился его понижением уже в 1997 г. Хотя надо отметить, что уровень религиозности и сейчас очень высок: примерно половина

населения демонстрирует явное разочарование в материалистических схемах объяснения мироустройства, жизни, собственных смысловых оснований.

Религиозный тип экологического сознания наиболее лоялен к природе. Здесь отчетливы установки на системное взаимодействие с Природой. Речь не идет об охране Природы. Речь идет о жизни в Природе. Люди этого типа составляют наиболее осмысленный потенциал экологического движения. Он огромен (половина взрослого населения страны). Однако его ядро, состоящее из верующих людей, не меняется:

- в 1996 г. 3,7 % населения ходили в церковь 1 раз в месяц (в 1997 г. – 3,8 %);
- в 1996 г. 17 % населения несколько раз в году были в церкви (в 1997 г. – 15,3 %).

• Потенциал экологической тревожност-

Отрывки из книги: Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А. Природа и люди России. Основание к пониманию проблемы. М.: Проект ГЭФ “Сохранение биоразнообразия”, 1999. 112 с.
Рецензия на эту книгу публикуется в данном номере журнала.

ти, возбужденности (пассионарности) составляют прежде всего женщины. Это сильно уменьшает его эффективность: известно, что в самоорганизующихся социальных системах всегда доминируют мужчины. У нас же мужчины демонстрируют материалистическое отношение к жизни, расходясь во взглядах с женщинами.

- Чем старше люди, тем выше уровень их религиозности. Более того, расхождения во взглядах между молодой и средней по возрасту частью населения (до 55 лет) и старшей (более 55 лет) усугубляются. Очевидно, этот факт еще более снижает качество потенциала экологического движения.

- Важным является то, что религиозность – это мировоззрение, характерное для населения с низким уровнем образования. Потенциал экологической пассионарности от этого может резко снижаться: необразованность делает его опасным. Оно может принять формы неолуддизма, экологического фанатизма, примитивного запретиельства. Однако, возможно, это является и доказательством разрушительности нашего образования: чем выше его уровень, тем более сильной является материалистическая крепь и тем четче прослеживается антиэкологическое поведение.

- Наиболее сильны позиции религиозного населения в регионах Юга, Предуралья и Урала. Наиболее слабый потенциал экологического движения просматривается в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь уровень религиозности ниже общероссийского уровня на 20 % и эта тенденция к понижению усиливается.

- По социальным группам опорой экологического движения могут быть все социальные слои. Максимальное сочувствие будет со стороны пенсионеров и домохозяек. Можно рассчитывать на участие служащих, рабочих и специалистов. Нынешнее поколение учащихся наших учебных заведений уже откровенно материалистично: образование уже убедило их в том, что человек – царь Природы, что души нет, что жизнь – это форма существования белковых тел, а Природа – это полезный для человека ре-

курс (фактор производства в экономических доктринах).

Если религиозность (включая и пантеистическую позицию) составляет идеологическую (мировоззренческую) базу экологического движения, то способность к социальным поступкам, активность населения определяют его энергетический потенциал. Оба этих компонента (идеология и энергетика) и определяют пассионарность населения.

Наиболее высок уровень социальной активности в Москве и Санкт-Петербурге. В провинции меньше всего уровень двойной занятости (скорее всего, там нет никаких возможностей для этого). В то же время центр социальной протестности (по данным ВЦИОМ) сместился за период 1994-1997 г. из Москвы и Санкт-Петербурга (тогда здесь наблюдался максимально высокий уровень возможности социальных протестов – 38,3 %) в Сибирь и на Дальний Восток (45,0 %) при сохранении высокого уровня протестности и в обеих столицах (35,4 %).

Можно сказать, что социальная база экологического движения в целом уменьшается.

Состояние окружающей среды, безусловно, относится к области повышенного интереса, тревожности, беспокойства. Эта область не аморфна, она структурирована и жестко иерархична. Иерархия общественных беспокойств задается их приоритетами, оценками важности.

Напряженность социального поля российской жизни неравномерна. Она состоит из трех уровней, слоев. Больше всего задеваются личные интересы граждан из-за роста цен, роста безработицы, роста преступности. Это проблемы первого эшелона. К ним приковано максимальное внимание людей, эти проблемы – наиболее тревожны и опасны.

К проблемам второго эшелона относятся кризис в экономике и связанный с этим спад производства, социальная несправедливость и кризис морали, культуры. **Проблемы второго эшелона** явно носят мень-

шую личностную ориентацию, эти проблемы в большей степени социальны, поэтому-то они и менее значимы.

К проблемам третьего эшелона относятся проблемы социальной периферии. Это или уже неактуальные проблемы (социальная напряженность по поводу нехватки продуктов питания снизилась с 19 % озбоченного этой проблемой населения в 1994 г. до 3 % в 1998 г.), или действительно неважные. К таковым относятся проблема обострения национальных отношений (только 8 % населения страны в 1998 г. считали эту проблему тревожной) и проблема ухудшения состояния окружающей среды. Увы, в 1998 г. только 12 % населения были обеспокоены этим (7-е место в списке из 9 проблем). Если признать, что уровень обеспокоенности является фактором стимулирования деятельности, и если уровень религиозности (теизм и пантеизм) являются идеологическим оправданием, осмыслением этой деятельности, то размер активного, осмысленно-тревожного потенциала экологического движения оценивается в 5-7 % взрослого населения. Ранее мы его оценили на 1997 г. в размере 6,2 %. По-видимому, так оно и есть: при высоком уровне абстрактной обеспокоенности о “матери-природе” она сдвинута на периферию общественного сознания (“потому что бесполезно что-либо делать”, “есть дела поважнее”, “от меня эта проблема не зависит”), оставаясь осознанной, побуждающей к действиям проблемой для весьма узкого круга (5-7 % населения страны!).

Социальный профиль экологического алармиста можно определить следующим образом: молодые и среднего возраста женщины с высшим и средним образованием, проживающие в городах Европейского центра, Сибири, Дальнего Востока и северных районов страны и имеющие высокое статусное положение в обществе (они – специалисты и служащие). Впрочем, к этому усредненному алармисту тяготеют домохозяйки. Очень озбочены до 1997 г. были учащиеся. В 1996 г. половина (!) учащихся считали экологическую проблему важней-

шей. Куда подевалась эта обеспокоенность в 1998 г. (всего 12 % встревожены!) – неизвестно. Что-то произошло в сознании учащейся молодежи, произошло переключение их внимания на какие-то другие проблемы. Снижился уровень тревожности у руководителей. У них резкое снижение интереса к экологическим проблемам произошло на год раньше, чем у населения в целом. Уже в 1997 г. руководители демонстрировали потерю интереса к проблемам охраны природы (спад интереса по сравнению с 1996 г. на 13 % и затем в 1998 г. уменьшение “озбоченных” руководителей еще на 9 %). Это неприятный факт. Учитывая высокий уровень подражательности поведения российских обывателей, снижение экологической озбоченности у руководителей можно считать знаковым, стимулирующим спад интереса к состоянию природы и у широких масс охлократизированного населения. Этот вывод не столь и удивителен: в России по-прежнему сильны феодальные традиции зависимости мнений людей от мнения начальника, от мнения большинства, от мнения референтных групп.

Сделаем еще одно предположение. Опросы службы “Мнение” (руководитель – Г.А. Пашков) свидетельствуют, что население страны ожидает только ухудшения ситуации по самым болезненным для себя проблемам.

Связана ли тревожность по поводу состояния природы и религиозность? Ранее мы предположили наличие такой связи, объяснив экологическое поведение через доминирование религиозных ценностей, с одной стороны, или материалистических ценностей, с другой.

1. Тенденции состояния религиозности и озбоченности экологическими проблемами совпадают: за время с 1994 г. произошло снижение религиозности и озбоченности. Причем снижение озбоченности было обвальным – в 2 раза выше спада религиозности. Спад озбоченности **тогальен** и наблюдается во всех социальных группах.

2. Спад озбоченности экологическими

проблемами не зависит от динамики религиозности. Он наблюдался даже в тех социальных группах, где религиозность или не изменилась (у мужчин, в южных областях страны, у пенсионеров), или возросла (у пожилых людей, у малообразованного населения, в областях Предуралья и Урала, у квалифицированных рабочих и домохозяйек).

3. Религиозность является более устойчивым явлением, чем озабоченность состоянием природы. Однако механизм связи между этими явлениями нам не ясен. Однако ясно, что и то, и другое явление определяются условиями жизни и подвержены влиянию проблем первого эшелона.

4. Очевиден уже сделанный ранее вывод. Ситуация в стране настолько драматична, что проблемы природоохранной деятельности стремительно уходят на периферию сознания. Религиозность не в состоянии компенсировать спад уровня озабоченности. Мы можем только предположить, что гипотеза индивидуализации поведения, одиночества населения, озабоченного собственным спасением и выживанием семей подтверждается: мы видим стремительный спад озабоченности состоянием природы и фиксируем довольно высокий уровень религиозности и его спад прежде всего у людей работоспособного возраста (25-55 лет), с высоким уровнем образования, руководителей и безработных. По-видимому, это связано с тем, что для этих людей Бог или не нужен (они ориентированы на собственные силы в борьбе за выживание), или бесполезен (они отчаялись в этой борьбе – речь идет о безработных).

Из сводных данных о социальных и экологических установках по социальным группам населения следует:

- отношение населения к экологическим проблемам (и не только к ним) дифференцировано, неоднородно: нет ни одной позиции, типа установки, мнения, поддерживаемых большинством;
- утилитарное отношение к природе характерно для 37 % населения против 30 % с выраженной альтруистической установ-

кой. Альтруисты – это, в большей степени, лица с высшим образованием (+8 % по сравнению с утилитаристами) и жители крупных городов;

- довольно высок уровень установки, определяемой негативной ролью нашей цивилизации по отношению к природе. Наиболее ярко такая установка (возможно, опасная неолуддистским экстремизмом) характерна для молодых людей, для лиц с высшим образованием и для жителей крупных и средних городов;

- экономизм как форма материалистического мировоззрения (в том числе марксизма) о том, что спасение природы возможно только в условиях экономического роста; он характерен для всех жителей страны и доминирует у лиц с высшим образованием (+56 % по сравнению с теми, кто не считает, что экономический рост спасителен для природы), жителей столиц и малых городов;

- жертвенность и готовность на повышение цен ради спасения Природы соответствует альтруистической установке: она характерна для лиц с высшим образованием и жителей крупных городов;

- установка на личную ответственность и способность самому что-нибудь сделать характерна для молодежи, для лиц с высшим образованием, для мужчин, для жителей сел.

1. Включенность проблематики экосистем и биоразнообразия в контекст социальных отношений не просто приводит к рассмотрению с социальных позиций этой исходно сугубо академической естественнонаучной проблемы, расширяется само содержание проблемы. Она касается уже не только генетического и видового разнообразия биологических существ в экосистемах, но включает в экосистемы и разнообразие культур, и разнообразие материальных продуктов цивилизации. Получается, что проблема экосистем уже не является проблемой только собственно живого (естественного мира) и среды его обитания. Она дополняется социальными компонентами антропогенного (искусственного

мира) и порождающей его среды (цивилизации). Мир современной цивилизации уже есть социосистема, обреченная на сопряженную эволюцию или гибель.

2. С социологической точки зрения проблема “биоразнообразия” может быть представлена как социальное взаимодействие людей и Природы, людей между собой, оцениваемое двумя взаимодополняющими друг друга позициями.

Первая позиция определяет проблему биоразнообразия как проблему самих людей, их культуры, социализированности, образованности. С этой точки зрения проблема биоразнообразия социальна и ее разрешение зависит от качеств человеческих личностей. Решение проблемы биоразнообразия состоит в улучшении систем образования, культурного просветительства, социального устройства. **Вторая позиция** определяется тем, что биоразнообразие рассматривается как проблема “объективная”, независимая от человеческого сознания и выведенная за рамки человеческих качеств и свойств личности. С этих позиций проблема биоразнообразия является проблемой самой Природы, она проявляет себя не социальной, а естественнонаучной. Например, проблема естественного вымирания видов в процессе биологической эволюции. В такой постановке вопроса Природа сохраняет привычные (увы!) для Человека отчужденные свойства, она является источником угроз для Человека, Общества и Цивилизации. Ее в этой постановке надо по-прежнему покорять, умирять, использовать в своих интересах. Природа все еще не становится областью заботы человека, как самостоятельной области деятельности.

3. В экологическом сознании взрослого населения страны отчетливо проявляются следующие особенности.

• **Антисциентизм**, связанный или с настороженным отношением к науке (19 % считают, что от науки в итоге всегда получается больше вреда, чем пользы), или с откровенно враждебным отношением к науке (47 % населения уверены, что любое вмешательство цивилизации в природу вред-

но). Очевидно, что антисциентизм является реакцией на техногенные катастрофы последних 15-20 лет (Чернобыль, Челябинск, Семипалатинск, Алтай, химическое загрязнение природы, отдельные участки рек и тайги Сибири, Волги, Российского Севера, крупнейшие города страны и т. д.). Антисциентизм реализует себя как в росте мистицизма, так и в экологическом экстремизме (экологический коммунизм, неолуддизм).

• **Изоляционизм**, определяемый, с одной стороны, “вредоносной” сущностью Человека для Природы (54 % населения полагает именно так) и, с другой стороны, окончательным уходом Человека из Природы в города – 74 % россиян – горожане (человек должен оставить Природу в покое – 52 % населения думает, что это выход из экологического кризиса). В итоге изоляционизм становится формой мифологии “раздельного сосуществования”: если с женой (или мужем) можно разойтись, то почему же нельзя так поступить с Природой для ее же блага?

• **Тотальная обеспокоенность** состоянием Природы (более половины взрослого населения это очень беспокоит). Оно более высокое и недифференцированное (по отношению к природе мира, страны, региона, поселка) у теистов, но значительно ниже (примерно на 20 %) и эгоистично у материалистов. В этом смысле теисты – это скорее экологические космополиты, а материалисты явно демонстрируют экологическое местничество (если и есть обеспокоенность, то только состоянием природы в своем городе, поселке).

• **Экологическая опасность агрессивного-материалистического сознания**, основанного на отрицании созидательной роли духовного начала, сакральности Природы. Она заключается в демонстрации, во-первых, активного эгоизма (готовность пожертвовать чем-либо, платить социальные налоги у материалистов в 2–4 раза ниже, чем у теистов); во-вторых, в равнодушии к экологической проблеме (уровень тревожности в 1,5 раза меньше, чем у теистов); в-тре-

тых, в нежелании отказаться от привычных стереотипов прогресса, основанных на экономическом росте (только 1 % материалистов участвовал в природоохранных акциях, в то время как среди религиозных людей таковых было 8 %, в-четвертых, в равнодушии к природоохранной деятельности (оно у материалистов в 4 раза ниже, чем у теистов), впрочем, не очень активной, пока крайне слабой и абстрактной в целом. Однако при этом, пожалуй, можно утверждать, что сегодня теисты и пантеисты демонстрируют самую высокую готовность к проэкологической деятельности и, возможно, уже сегодня они являются ее активистами.

• Главный вывод состоит в том, что материалистически организованное образование принципиально антиэкологично. Наверное, следует признать, что поиски в области экологического воспитания и образования ведутся не в тех социокультурных сферах. Традиционно они определялись педагогическими, социопсихологическими и собственно экологическими рамками. Ныне бесперспективность этих поисков становится все более очевидной и в России, и в мире в целом. Последней попыткой выхода из мировоззренческого кризиса материализма является доктрина гуманизации общества и гуманитаризации образования. Эта попытка предполагала не мировоззренческие перемены, стремясь к смягчению материалистической агрессивности по отношению к человеку. Сегодня уже очевидно, что она не удалась: система образования в целом и экологического в частности не в состоянии оказывать сопротивление нарастанию материалистической экспансии, разрушающей последние островки человеколюбия, справедливости, интеллигентности. За последние 10 лет система образования оказалась бессильной противостоять перед социальным тайфуном утилитаризма природы и человека, эгоизма, массокульты, вестернизации, проявляющихся в самых жестких формах демонстрации культа насилия, секса (как формы существования белковых тел?), суперменства. В этих условиях гуманита-

ризация является идеологическим прикрытием бессилия современного образования противопоставить что-либо существенное разгулу агрессивного материализма в рамках материалистической системы образования. Проблема экологического воспитания и образования – это проблема обретения мировоззрения. Мировоззренческая роль экологического образования и принципы его организации были рассмотрены в проекте Минобрнауки РФ “От экологических знаний – к картине мира”. Ее принципиально нельзя позитивно разрешить с позиций материализма. Во всяком случае, попытки это сделать оказались крайне неудовлетворительными. Следовательно, система образования должна эволюционизироваться в следующих направлениях:

- снижения материалистической агрессивности (его ключевых тезисов: “человек – царь Природы”, “Природа – ресурс и она утилитарна”, “Природа объективна и в ней нет места человеческому сознанию и душе”, “Жизнь – это форма существования белковых тел”, “Продукты духовной культуры не принадлежат Природе” и т. д.);

- роста пантеистического представления о Природе (он обусловлен развитием идей системности; принадлежности Природе человека и продуктов его интеллектуальной и духовной деятельности. Здесь важно показать сходство человека и его общностей с природными экосистемами через приоритетное изучение социологии и этнологии, психологии и зоопсихологии, экологии. Надо включить в анатомию и зоологию разделы о природе жизни, живого, души; ограничить доступ к книгам и фильмам садистского содержания с выраженными чертами пропаганды суперменства, секса, насилия, вызывающих физиологические реакции, а не духовное опереживание);

- включения в светскую систему образования мировоззренческих курсов истории философии, культурологии и религиоведения.

4. В целом картина социальной активности в точности соответствует марксовым моделям: чем больше материализма, тем

больше революционизма. Ясно, что в такой плоскости вопрос об экологических движениях является мифическим. Социальная энергетика расходуется на решение проблем физического и социального выживания: сохранить достигнутые стандарты жизни или, в худшем случае, – обеспечить себе и семье физическое выживание. Проблемы Природы в этом случае всегда являются проблемами второго порядка. Это значит, что чем дольше будет продолжаться социально-экономический кризис, тем меньше шансов снизить экологическую напряженность населения, тем дальше проблемы Природы будут отодвигаться на периферию общественного сознания.

5. При огромном потенциале экологическое движение реально охватывает не более 5–7% взрослого населения. Это население максимально тревожно, деятельно, преимущественно живет в крупных городах. Однако оно разрознено. Нет авторитетной организации. Нет лидеров. Страна живет в ожидании своего экологического Пророка. “Много желающих им стать, мало избранных”. Дождется ли? И если появится – не опоздает ли?

6. Явно прослеживается тенденция ослабления социальной и экологической озабоченности. Острота проблемного восприятия уменьшилась по всему списку проблем (кроме социальной справедливости, по отношению к которой наблюдается обострение социального внимания и рост доли населения, обеспокоенного несправедливостью социального уклада постсоветской России). Ослабление внимания к проблемам вовсе не означает то, что они уменьшились или совсем исчезли. Скорее, это говорит о привыкании к ним. О своеобразном безразличии, усталости, бессилии что-либо сделать, потере “жизненной энергии системы”. Об адаптации к жизни в условиях хронических реформ, перманентных катастроф и угроз, т. е. состоянии адаптации.

7. Снижение внимания к экологической проблематике стало носить системный характер. Однако, если до 1997 г. это сниже-

ние было незначительным, то в 1998 г. приобрело обвальный характер: снижение долей обеспокоенного населения на 10–20% по различным социодемографическим группам за период с 1994 г. и на 5–15% по сравнению с предыдущим, 1997 г. Это снижение затрагивает все социодемографические группы, что является общесоциальным фактом: экологическая проблематика стремительно уходит из области приоритетных проблем на периферию как сознания, так и общественной жизни.

8. Данные статистики и социологии неутешительны с точки зрения развития проблем, жизненно важных для населения страны. Люди готовятся к худшему. Они не ожидают ослабления проблем выживания. Все это означает, что проблемы охраны природы будут все в большей степени уходить на периферию внимания, делая шансы экологического пассионарного взлета все более отдаленными и малыми. Экологическая обеспокоенность и пассионарность – это удел богатых стран. У бедных свои заботы, и среди них проблемы Природы или отсутствуют вовсе, или незначительны. Однако счет будет предъявлен не только бедным, но и богатым странам. Особенно когда речь идет о России – стране мирового экологического системобразования.

9. Важной характеристикой совпадения приоритетов населения и Законодателя служит коэффициент конкордации. В нашем случае он равен 0,19. Это очень низкий уровень согласованности. Ясно, что у Законодателя есть другие проблемы, неинтересные населению, а у населения есть проблемы, актуальность которых не соответствует представлениям Законодателя. Вновь народ и власть живут своими, раздельными и только им понятными жизнями. Особо отметим, что за последние 4 года Законодатель принял законы, в которых специально речь шла о защите природы в размере 0,57% от всех принятых законов. В целом об охране природы речь идет в 2,19% принятых законов.

Не так давно в печати были приведены правдивые слова де Буалье о новом направлении искусства к жизни, к природе.

“Нас утомят культ нереального, абстрактного, искусственного... И мы вырвались на открытый воздух... И у нас из груди исторглись крики восторга и упоения: как хороша природа! Как красива жизнь!” — говорил де Буалье.

Действительно, теперь везде, то там, то тут, раздается этот возглас: “Как хороша природа!..”.

... Художники настоящего времени горячо стремятся к передаче природы; стараются они взглянуть на природу, на жизнь глазом индивидуальным, и в разнообразии их воззрений передаваемая природа начинает жить. Истинное упрощение формы (без символического шаблона и академической утрировки), восхищение перед легким решением задачи приближения к впечатлению природы, прозрачность фактуры, — именно высокая техника, даже несметная в своей высоте, все эти основания лежат в корне новейших художественных стремлений всех родов искусства.

Этим стремлением к природе, конечно, не исключается творчество историческое, ибо мы любим его, не постольку, поскольку оно является приятным патристическому чувству, поучительным или же иллюстрацией исторического источника, а оно дорого нам и ценно также потому, что дает нам художественную концепцию несравненно самобытной былой природы и восстановление человеческой личности, несмотря даже на сильную неуравновешенность многих сторон ее, все же может быть полнейшей при большей простоте.

Стремление к природе, натурализм, само собой разумеется, понимается не только в широком значении, в смысле стремления вообще к жизни, но и в буквальном, являющимся непрямым следствием первого понимания, то есть в смысле стремления к самой канве жизни, стремления в

природу. Беру первый попавшийся пример. На недавней Парижской выставке одним

из любопытных уголков ее была швейцарская деревня. Интересно было наблюдать впечатление, производимое ею на большинство публики: лица как-то успокаивались, улыбки делались менее искусственными и напряженными, и часто тянулась рука снять шляпу, — это хороший жест! Искренно является он только перед величавым, — снимем ли мы шляпу перед стариком, в храме ли или перед морской тишиной. Раздавались голоса: “И не подумаешь, что в центре Парижа!” “Даже воздух словно бы чище кажется”, — слышалось на различных наречиях, а ведь это была лишь грубая подделка, так что подобные отзвывы можно было объяснить лишь чрезмерной окружающей суетой и усиленным над природой насилием.

Сильно в человеке безотчетное стремление к природе... до того сильно это стремление, что человек не гнушается пользоваться жалкими пародиями на природу — садами и даже комнатными растениями, забывая, что подчас он бывает так же смешон, как кто-нибудь, носящий волос любимого человека.

Все нас гонит в природу: и духовное сознание, и эстетические требования, и тело наше — и то ополчилось и толкает к природе нас, измочалившихся суетой и изверившихся. Конечно, как перед всем естественным и простым, часто мы неожиданно упрямы; вместо шагов к настоящей природе стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сделанными ее подобиями, но жизнь в своей спирали культуры неукоснительно сближает нас с первоисточником всего, и никогда еще, как теперь, не раздавалось столько разнообразных призывов к природе.

Парадоксальной должна представляться пресловутая нелюбовь Джона Рескина к

К ПРИРОДЕ

Н.К. Рерих

железным дорогам. Его требование соотноситься при всяких сооружениях с окружающим пейзажем могло казаться странным, но в этом последнем желании нет ничего излишнего; наоборот, теперь оно должно считаться практически необходимым и непременным условием во всех проявлениях созидательной работы.

Различные заботы о здоровье природы уже давно признаются насущными: мы разводим леса, углубляем реки, удобряем землю, предотвращаем обвалы — все это требует усиленной работы и затрат. Но целесообразное пользование пейзажем, природой тоже ведь одно из существеннейших условий ее здоровья, и притом для выполнения этого условия ничего не надо тратить, не надо трудиться, не надо “делать”, надо только наблюдать, чтобы и без того делаемое совершалось разумно. И для осуществления этой задачи прежде всего необходимо сознание, что самый тщательный кусок натурального пейзажа все же лучше даже вовсе не самого плохого создания рук человека. Всякий клочок природы, впервые подвергающийся обработке рукой человека, непременно должен вызвать чувство, похожее на впечатление потери чего-то невозвратимого.

И надо сказать, что требование заботливого отношения к природе и сохранения ее характеристики нигде не применимо так легко, как у нас. Какой свой характер могут иметь многие европейские области? Придать характер тому, что его утратило, уже невозможно. А между тем что же, как не своеобразие и характерность, ценно всегда и во всем? Не затронем принципа национальности, но все же скажем, что производства народные ценятся не столько по своей исключительной целесообразности, сколько по их характерности.

Русь только начинает застраиваться. Русь начинает менять первобытное хозяйство на новейшее. Русь теперь вводит разные важные статьи благоустройства; многочисленные ее пункты еще, по счастью, сохранились девственными и характерными. Ничего там не нужно ни сносить, ни пере-

дельвать, но лишь наносить и делать, имея в виду никаких ни трудов, ни денег, — несостоящее соображение экономии природой.

Указание на многие девственные места Руси вовсе не следует понимать в том смысле, что вопрос экономии природы у нас находится в благополучном состоянии. Конечно, у всех бедна разбросанных по всей будничной жизни примеров холодной жестокости при обращении с природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелепости.

К сожалению, соображения бережливого отношения к природе нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно может незаметно войти в обиход каждого и стать никому снаружи не заметным, но непременным стимулом создателя.

Скажут: “Об этом ли еще заботиться? На соображения ли с характером природы тратить время, да времени-то и без того мало, да средств-то и без того не хватает”.

Но опять же и в третий раз скажу, ибо вопрос о расходах настолько всегда краеугольный, что даже призрак его нагоняет страх, средств это никаких не стоит, а разговор о времени и лишнем деле напоминает человека, не полощущего рта после еды по недостатку времени. Вот если будут отговариваться прямым нежеланием, стремлением жить, как деды жили (причем сейчас же учинят что-либо такое, о чем деды и не помышляли), тогда другое дело. Тогда давайте рубить леса, класть шпалы по нарочито лучшим местам, тогда как так же удобно в смысле практическом было бы их положить в соседнем направлении; давайте в Архангельске ставить колоннаду, а в Крыму — тесовые срубы; тогда... мало ли что еще можно придумать подходящего для последнего образа мысли.

В то время, когда усиленно начинают искать орнамент и настоящий стиль, когда, вдумавшись в памятники древности, поиски за орнаментом обращаются к той же окружающей природе; когда своеобразие в человеке начинает цениться несравненно, тогда не заботиться о природе, факторе этой своеобразности, грешно.

Чтобы заботиться о чем бы то ни было,

надо, конечно, прежде всего знать этот предмет заботы. Знаем ли мы, русские, нашу природу? Возьмем среднее, и принуждены будем сказать:

“Не знаем”.

“Хотим ли мы знать нашу природу?”

“Этого не заметно”.

“Принято ли у нас знакомиться с нашей природой?”

“Нет, не принято”.

После всех этих неблагоприятных заключений попробуем найти смягчающее вину обстоятельство.

“Возможно ли у нас ознакомление с природой?”. Ответ: “С трудом”. Правда, последний ответ умаляет тяжесть указанных признаний, но, с другой стороны, ведь только спрос создает предложение.

“Почему у вас такая неприспособленность ко всему?” — спрашиваете вы при случайной остановке на захолустном постоялом дворе, раскинутом в превосходнейшей местности. “Кормилец, да нешто с нас спрашивает кто-нибудь? Нешто кому это надобно? Вот ты проехал, да недели две назад приказчик из экономии со станowymi останавливались, а теперь и неведомо, когда гостя дождешься”. — “Почему вы не хотите ознакомиться с внутренними областями?” — спрашиваете любителя путевой жизни. “Да что вы, хотите, что ли, меня клопам на растерзание отдать? Или чтобы цинга у меня сделалась?”.

Всегда жалуются обе стороны друг на друга. И теперь, когда всмотритесь во все эти строго организованные поездки под всеми углами и по всем радиусам Европы, то прямо смешными становятся наши дватри общепринятых маршрута, из них же первые “по Волге” и “по Черному морю”, и полное пренебрежение ко многим остальным, в самом деле прекрасным.

И хоть бы что ни говорилось, за исключением одного процента, все все-таки поедут по избитым путям; никаких приспособлений для более разнообразных поездок все-таки сделано не будет; никто на пешеходные путешествия (столь принятые по Европе) не дерзнет, и все-таки мы будем

ощущать слишком мало стыда, слыша, что некоторые иностранцы видели Россию лучше, нежели исконные ее жители, имеющие при том возможность такого ознакомления.

Правда, от всякого смельчака, отважившегося отступить от традиции и пробраться куда-нибудь в укромный, обойденный железными путями уголок, вы наслышитесь всегда прямо невероятных рассказов о трудностях пути его (и мне лично приходилось испытывать немало курьезов даже при следовании довольно обыденным маршрутом), но почти без исключений вторая часть рассказа — впечатления природы, быта и древности, с избытком покрывают первую. И не мудрено! Возьмите любую область. Возьмите суровую Финляндию с ее тихими озерами, с ее гранитами, молчаливыми соснами. Возьмете ли Кивач и бодрый Северный край. Возьмете ли поэтичную Литву или недавние твердыни замков балтийских — сколько везде своеобразного! А Урал-то! А протяжные степи с отзвуками кочевников! А Кавказ с милой патриархальностью еще многих племен! Да что говорить о таких заведомо красивых местах, когда наши средние губернии подчас неожиданно дают места красоты и характера чрезвычайного. Вспомним озерную область — губернии Псковскую, Новгородскую, Тверскую с их окрестностями Валдая, с их Порховскими Вышгородами, с их привольными холмами и зарослями, смотрящими в причудливые воды озерные, речные. Как много в них грустной мелодии русской, но не только грустной и величавой, а и звонкой плясовой, что гремит в здоровом рудовом бору и переливается в золотых жнивьях.

О бок с природой стоит любопытная жизнь ее обитателей. Сбилась уже эта жизнь; разобраться в ней уже трудно без книжных указаний, но все же для пытливого уха среди нее всегда зазвучат новые струны, и дальнзоркий глаз всегда усмотрит новые тона.

Много на Руси истинной природы; надо беречь ее... Говоря о заботливом отношении к природе, попутно нельзя не сказать

тут же двух слов о сохранении мест, уже освященных природою, о сохранении исторических пейзажей и ансамблей.

О сохранении исторических памятников теперь, слава богу, скоро можно уже не говорить, на страже их скоро станут многочисленные организации с лицами просвещенными во главе. Но мало охранять и восстанавливать самый памятник, очень важно, насколько это в пределах возможного, не искажать впечатления его окружающим...

Всякое общение с природой как-то освящает человека, даже если оно выражается в такой грубой форме, как охота. Охотникам знакомо тягостное чувство при отъезде из природы; охотник скорее других прислушается в городе к далекому свистку паровоза и вздохнет не о том, что лишняя птица остается живой, а почему не он уезжает в природу.

Всегда особенно много ожидаешь и притом редко в этом ошибаешься, когда встречаешься с человеком, имевшим в юности много настоящего общения с природой, с человеком, так сказать, вышедшим из природы и под старость возвращающимся к ней же...

Слыша о таком начале и конце, всегда предполагаешь интересную и содержательную середину и редко, как я сказал, в этом обманываешься.

Иногда бывает и так, что под конец жизни человек, не имеющий возможности уйти в природу физически, по крайней мере, уходит в нее духовно; конечно, это менее полно, но все же хорошо включает прожитую жизнь.

Люди, вышедшие из природы, как-то инстинктивно чище, и притом уж не знаю, нашептывает ли это мне всегда целесообразная природа, или потому, что они здоровее духовно, но они обыкновенно лучше распределяют свои силы, и реже придется вам спросить вышедшего из природы: зачем он это делает, тогда как период данной деятельности для него уже миновал?

“Бросьте все, уезжайте в природу”, — говорят человеку, потерявшему равновесие, физическое или нравственное; но от одного его телесного присутствия в природе толку получится еще очень малый, и хороший результат будет лишь, если ему удастся слиться с природой духовно, впитать духовно красоты ее, только тогда природа даст просителю силы и здоровую, спокойную энергию.

Тем и важно, что искусство теперь направляется усиленным ходом в жизнь, в природу, и толкует зрителям и слушателям разнообразными наречиями красоту ее.

Но нельзя исключить из красоты и жизнь вне природы.

Пусть города громоздятся друг на друга, пусть они закутываются пологом проволочной паутины, пусть на разных глубинах шныряют змеи поездов и к небу вавилонскими башнями несутся стозэтажные дома. Город, выросший из природы, угрожает теперь природе; город, созданный человеком, властвует над человеком. Город в его теперешнем развитии уже прямая противоположность природе; пусть же он и живет красотой прямо противоположную, без всяких обобщительных попыток согласить несогласимое. В городских нагромождениях, в новейших линиях архитектурных, в стройности машин, в жерле плавильной печи, в клубах дыма, наконец, в приемах научного оздоровления этих, по существу ядовитых начал — тоже своего рода поэзия, но никак не поэзия природы.

И ничего устрашающего нет в контрасте красоты городской и красоты природы. Как красивые контрастные тона вовсе не убивают один другого, а дают сильный аккорд, так красота города и природы в своей противоположности идут рука об руку и, обостряя обоюдное впечатление, дают сильную терцию, третьей нотой которой звучит красота “неведомого”.

1901

Освящение заказника "Журавлиная родина"

В.Е. Борейко, Е.А. Симонов

В сентябре 1999 г. исполнилось 20 лет известному заказнику "Журавлиная родина", находящемуся в Талдомском районе Московской области. Он организован по инициативе Дружины по охране природы биофака МГУ. Этому юбилею был посвящен небольшой семинар, куда приехал талдомский благочинный отец Илия и прочел проповедь. Он сказал, что Бог дал людям завет хранить сад и работать в нем. И

линая родина". Во время освящения на двух основных въездах в заказник установлены кресты, на которых написано: "Заказник "Журавлиная родина". Освящен. Всякое незаконное в него вторжение есть дело богопротивное".

Для прихожан была организована экскурсия с целью ознакомления с журавлями. В церемонии приняли участие местные жители, представители районной власти, природоохранники,

мол вы, природоохранники, как раз те, кто его охраняет.

12 сентября 1999 г. благочинным отцом Илией был организован крестный ход и освящение заказника "Журав-

член редколлегии «Гуманитарного экологического журнала» Е.А. Симонов.

На фото: освящение заказника. Фото М. Иванова.

Астронавт

Иннокентий Эксунгве Леонский

Поэма в семи песнях, с прологом и эпилогом

На совещании по степному лесоразведению в Москве в ноябре 1955 г. академик Т.Д. Лысенко, после того, как его гнездовой способ посадки дуба был забракован большинством собравшихся лесоводов и лесотехников, заявил, что он теперь занят «теоретическими» вопросами и ему решительно все равно, где и как садить, на Земле или на Луне! Присутствовавший замминистра Калганов на это ответил: «Вам-то все равно! А народному хозяйству не все равно! Поэтому мы охотно предоставляем Вам Луну, а на своей советской земле экспериментировать больше не дадим – себе дорожке стоит!».

Пролог

Трофим, упершись, как ишак,
Позиций не сдает никак:
Пшеница в рожь, и граб в орех,
И в ель сосна, и всем на смех –
В кукушку дрозд! Нещадно бит,
Трофим «ку-ку» свое твердит
И славит гнездовой посев,
Науку с практикой презрев.
А доблестный его «конклав»
Клыки ощерил, хвост поджав.
Голосованье спор решит –
И вот, опять Трофим побит:
Четыреста за рядовой
И только шесть за гнездовой!
Непонятому здесь толпой
Трофиму способ гнездовой
Придется на Луну нести,
Чтоб славу вновь там обрести –
Туда, в своих советах быстр,
Его отправил замминистр.

Песнь I. План

Трофим подумал: «Я готов!
Здесь все равно толпа врагов
Работать больше мне не даст –

Но как же на Луну попасть?»
И вот, врагам его назло,
Трофиму снова повезло:
Мечтали люди с давних пор
Земной расширить кругозор,
Освоив светлый мир планет;
И вот, был утвержден проект –
Послать в пространство звездолет,
Чтобы снаряд ракетный тот
Луну как птица облетел
И возвратясь, на землю сел,
Заснявши кратеры Луны
С обратной, скрытой стороны.
Проект хорош, нет спора, но
Есть затруднение одно:
Кто ж полетит в такую даль?
Покинуть Землю всем ведь жаль!
Но выручил опять Трофим:
Сказал он просто: «Что ж, летим –
Мои питомцы и я сам.
Одно условие ставлю вам:
Лишь до Луны я долечу,
Спуститься на нее хочу!
Чтоб мог я прилуниться тут,
Ракетный нужен парашют.
Я опыт всех моих трудов
Проверить на луне готов.
Работать здесь мне не дают –

Так на луне найду уют.
 Пусть почва там один кремень –
 Я щебень превращу в ямень!
 И, ознакомившись с луной,
 В полдневный страшный лунный зной
 Картофель там я посажу
 И всей вселенной покажу,
 Сколь ценен летний мой посев –
 Ему не страшен перегрев.
 Груз желудей с собою взяв,
 Покрою зеленью дубрав
 Я лунной Радуги залив,
 Сев гнездовой там применив!
 И пусть здесь не толкуют мне,
 Что нет воды там на луне;
 Зато там яркое солнце свет –
 Здесь, на Земле такого нет!
 А я ж недавно доказал,
 Что Тимирязев сам не знал:
 Ведь е с т растение солнца свет!
 А если так – сомненья нет,
 Что этот свет оно и п ь е т ,
 И без воды не пропадет.

Песнь II. Призыв

Итак, сотрудники-друзья,
 Лететь со мной зову вас я!
 Жить невозможно стало здесь,
 Я свой покой утратил весь!
 Здесь Цицин – мой заклятый враг,
 Мне ходу не дает никак!
 В журналах всякий щелкопер
 Меня ругая, мелет вздор:
 Турбин-изменник, Иванов,
 Козопольский и Станков,
 Баранов, Павлов, Пузанов
 И академик Сукачев.
 Дубинин стал бесстыдно смел
 И просто мне на шею сел:
 Мы в Академии одной,
 А в планах – жуткий разнобой:
 В клещей я превращаю мух,
 А он про гены вспомнил вдруг,
 И заключил (какой позор!)
 Уж на учебник договор,
 Чтоб воскресить там, в пику нам,
 Менделистический весь хлам!
 Летим, летим, мои друзья,

Вторично призываю я!
 Все, кто делил, насколько мог,
 Со мной ВАСХНИЛовский пирог –
 Скорей ко мне – в мой звездолет,
 Здесь место всяк себе найдет!
 Пусть будет каждый смел и тверд,
 Пусть будет весел, будет горд:
 Такого мощного «скачка»
 Никто не смог свершить пока!

Песнь III. Измена

Но все друзья его молчат,
 Трусливый ввысь уставив взгляд.
 Опарин мямлит, как всегда,
 Не говорит ни нет, ни да:
 «Проект хорош, но чтоб лететь,
 Я должен все предусмотреть,
 Чтоб был оправдан мой полет,
 Чтоб пользу я принес, и вот,
 Пока еще неясны мне
 Мои задачи на луне!
 Нет воздуха? В том нет беды,
 Но там же нету и воды.
 А раз коацерватов нет –
 Лететь мне на луну не след.
 И не свободен я, как встарь:
 Я отделенья секретарь!»
 И как всегда, Опарин, ты
 Вильнув хребтом, ушел в кусты!
 Великий дипломат Хрущев
 Изрек немало сладких слов,
 Немало ахинеи нес
 (Держа по ветру, впрочем, нос):
 «Летать? Вопрос не так-то прост!»
 Мелькнул и скрылся лисий хвост.
 Студитский тоже стал юлить:
 «Я б рад, конечно, разделить
 Ваш на луну победный марш,
 Но ... ждет меня цыплячий фарш!»
 И Рыбник (жутко долговяз!)
 Шлет окончательный отказ:
 «Побывать занятно на луне,
 Но звездолет ваш тесен мне!»
 А некий важный генерал –
 Тот будто и не расслышал
 Того, о чем хрипел Трофим
 (Порой удобно быть плухим).
 Всегда Макаров честен был,

Он дум своих и здесь не скрыл –
 И он сказал: «Я был с тобой,
 Скрываясь за твоей спиной.
 Теперь другие времена –
 Тебе объявлена война!
 Меня ж всегда легко пленит
 Тот, кот в науке победит.
 Ты поражение потерпел,
 Но не по мне такой удел!
 Чтоб от эпохи не отстать,
 Я должен мнение менять:
 Кого любил я, буду бить,
 Кого я бил, начну хвалить.
 Легко так делать на Земле –
 Кто знает, можно ль на Луне?»
 И весь трофимовский синклит
 Молчанье мертвое хранит.
 Все, что вопили: «Смерть врагам!»,
 Куря Трофиму фимиам,
 Вся присосавшаяся голь,
 Что лопала его хлеб-соль,
 Все, кто, сокрыв свои грехи,
 В науке заняли верхи:
 Вся беспардонная шпана,
 Которой власть была дана –
 Дворянкин, Глущенко, Нуждин,
 А в Риге – Павлов-Авотин,
 Ольшанский, вице-президент,
 Соратник дней былых – Презент,
 И заклинатель всех семян –
 Наперсник – друг Карапетян.
 Все, в рот воды набрав, молчат,
 И только скрыться норовят.
 И ты, кем на столбцах газет
 Трофим так громко был воспет –
 О, почему и ты молчишь
 И не летишь – Геннадий Фиш?
 Старушка лишь одна пришла,
 Трофиму соды принесла,
 И молит жалостно его:
 «Найди живое вещество
 Ты мне в тех кратерах Луны –
 Здесь поиски прекращены –
 Ведь мне пора уж на покой!»
 И крестит высохшей рукой
 Она Трофимов звездолет.
 Трофим у трапа ждет и ждет.
 Одет в скафандр, как паладин.
 Ужель он полетит ... один?!

1.03.1955 г.

Песнь IV. Полет

Трофим упорно, долго ждал
 И наконец себе сказал:
 «Лететь нет смысла на Луну –
 Что делать там один начну?
 Еще не пробил, видно, час
 Полетов на луну для нас!
 Ракет советских быстрота
 Пока еще чуть-чуть не та,
 Чтоб тяготение Земли
 Преодолеть они могли,
 Но с п у т н и к и уже летят
 И вокруг земли круги чертят.
 В одном из них какой-то пес
 Свой брех на небеса вознес.
 Что, если бы рискнуть и мне,
 Забывши бредни о луне,
 С собаки Лайки взять пример,
 Стать пассажиром высших сфер?
 Конечно, снова я в чести
 Но долго ль буду здесь цвести?
 Сколь неожиданным для всех
 Был новый крупный мой успех.
 Цену успехов знаю я:
 Извилиста ведь жизнь моя:
 Высоко я был вознесен,
 Когда строною правил «ОН» –
 Потом сказали мне: «Катись!»
 И турманом летел я вниз.
 Сейчас воспрял я, но ей-ей,
 Не верю дружбе я людей,
 И сонм бесчисленных врагов
 Меня топтать всегда готов.
 Спокойно здесь нельзя мне жить!
 Не лучше ль миру возвестить
 Свое учение с небес,
 Чтоб каждый морганист-балбес
 Его неволью постигал,
 Внимая с неба мой сигнал?
 Чтоб спутника чудесный бег
 Меня прославил – и навек!
 Смогу и Землю облететь
 Не раз – густа орбиты сеть,
 И прозвучит в сердцах друзей,
 Что день, то громче и полней,
 Мой с неба радиосигнал,
 Как светлых ангелов хорал.
 Раздастся много тысяч раз

С небес мой вдохновенный глас,
 Панический вселяя страх
 В генетиков пустых сердцах.
 Варяг надменный Густафсон
 Утратит безмятежный сон,
 Когда я, в спутнике сидя,
 Промчусь, врагов моих будя.
 И Штуббе, чей предвзятый взор
 Не смог найти у помидор
 Эффект привоя на подвой,
 Утратит, верно, свой покой.
 Замолкнет Жебрак – ни гу-гу,
 Забыв мечту об МГУ.
 И Цицин, неуч и нахал,
 Что с Выставки меня прогнал,
 Пусть лишний раз узнает он,
 Кто в «сферах» выше вознесен!
 И ты, Сукач, будь начеку,
 Внемя с небес мое «ку-ку» –
 Сметет тебя моя метла!
 Что в том, что я сгорю дотла,
 Как только спутников полет
 С небесных снизится высот?
 Да, я сгорю как метеор,
 Но будет пламенен мой взор –
 А на Земле сгорю я здесь,
 Бессильной злобы полон весь.
 Довольно, пройден Рубикон!»
 И в тесный шар влезает он.
 Взвилась ракета в небо – вновь
 Рукоплескать весь мир готов:
 Советский спутник ввысь летит
 И вокруг земли свой путь чертит.
 Но только он чертит свой круг
 Обратного бегу первых двух.
 Им столкновение не грозит:
 Расчислены круги орбит.
 Возможны встречи в небесах –
 И Лайка, загаив свой страх,
 Трофимов спутник повстречав,
 Его облаяла: «Гав-гав!»
 Трофим же, скорчась на боку,
 В ответ ей прохрипел: «Ку-ку!»
 И кукованье то опять
 Сумело миру показать
 Труднейший ребус всех времен:
 В едином шаре совмещен
 Советской мощи фестиваль
 И биологии скандал.

И вспомнили тут все опять:
 «Умом Россию не понять»...
 14-19.12.1957 г.

Песнь V. Спуск и подъем

И долго так Трофим летал...
 Вдруг слышит он с Земли сигнал
 Что изменились времена
 И снова расцвела весна!
 Дав яркий мужества пример
 Призывом с поднебесных сфер,
 Сердца влиятельных вождей
 Сумел пленить наш чародей.
 Велик стал техники прогресс –
 Стал безопасен спуск с небес,
 Трофим сказал: «Зачем сгорать?
 Зачем так рано умирать?»
 Я на земле необходим:
 Как трудно там друзьям моим!
 Нет! С космонавтов взяв пример,
 Покину область горных сфер!»
 И опытом их научен,
 Удачно приземлился он.
 И встретил здесь большою почет,
 Ему всяк льстиво руку жмет,
 В высоких сферах вновь он мил,
 Опять зовут его в ВАСХНИЛ.
 И он ответил: «Что ж, друзья,
 Не прочь вновь избираться я,
 Но – при условии одном:
 Я – прям, шагаю напролом,
 И мне, признаться вам, претит
 Закрытой урны подлый вид!
 Пусть каждый – враг он мне иль друг –
 Покажет то поднятьем рук!»
 И – восемь рук поднялись ввысь,
 От страха прочие тряслись.
 «Кто против?» – молвит Президент –
 Никто! Торжествен был момент:
 Трофим в любимый свой ВАСХНИЛ
 Единогласно избран был;
 И подтвердил избранья акт
 Как некий непреложный факт,
 Свой ус казацкий закрутив,
 Седой великих битв начдив.
 Отметим: некий дерзкий Жук
 Был против при поднятии рук,
 Но тотчас, страхом обуян,

Запирал руку он в карман.
Греми ж, торжественный хорал –
Трофим вновь президентом стал!
На кафедре поднявшись, он
Отвесил низкий всем поклон
И «тронную» держать стал речь,
Чтоб разъяснить, предостеречь.
«Спасибо вам! Я вновь готов
Служить, не тратя лишних слов.
Как убежденный демократ,
Такому я избранью рад!
Но должен огорчить я вас:
Не все мне нравится сейчас!
Ведь я, с небес спустившись к вам,
Тут вижу форменный бедлам:
Возносят космонавтов тут
И им рекламу создают.
Зачем весь этот дикий крик –
Кто первый в небеса проник?
Ведь, если не считать собак,
То я! Об этом знает всяк.
Но это – мелочь... Во сто крат
Больней мне форменный разврат,
Что я нашел в науке здесь.
Я свой престиж утратил весь!
Пока летал за облака,
Как расцвели здесь ДНК,
Нелепых хромосом набор
И прочий менделевский вздор!
И даже – грустно мне признать –
Уж стали люди забывать
О том, что я учил про «вид»,
Им гнездовой посев претит.
Предательство со всех сторон:
Едва ведь не был приглашен
В старейший университет
Рессовский – Менделя клевет!
И даже – эдакий цинизм! –
Уже проникнуть менделизм
В работы физиков успел
И крепко в химии засел.
О! Эти физики! Они
Осмелились в былые дни
Меня, меня поднять на смех,
Когда я убедил вас всех,
Что с т растенье солнца свет –
Тупее их ученых нет!
Над ними пусть не властен я –
Но где сильна рука моя,

Примусь, как прежде, в сей же час
Я за биологов – и вас.
Клянусь, виновных я найду
И вновь порядок наведу.
Но – вас обрадую, друзья:
Пока летал в пространстве я,
Идеи новые гурьбой
Пленили ум пылливый мой
И я постиг простой закон –
Сокрыт был от ученых он:
Как мать, чтобы родить дитя,
Должна – хотя иль не хотя –
Пред этим забеременеть
(И некрасиво располнеть) –
В природе так же каждый вид
Беременен, когда родит.
Он нечто новое совсем!
Закон тот общ твореньям всем:
Беременна пшеницей рожь,
Горох – фасолью, викой – тож.
Беременен кукушкой дрозд.
Закон беременности прост!
И я – на страх моим врагам
Беременен вновь уткой сам.
Но вас спешу предупредить:
Я должен утку лишь родить!
Взрастить ее – другой вопрос,
На это есть везде совхоз,
На это совнархозы есть,
Госпланы – всех не перечесать!
Но министерство – в стороне,
Оно подвластно только мне.
Сидит там – я его взрастил –
Возлюбленный мой Михаил.
Он – одессит, но я привлек
Его в Москву, и здесь облек
Большим доверием своим:
Он просто мне незаменим!
В Одессе он евреем был:
В Москве его я окрестил:
Исправил метрику – и вот
Он запорожцем здесь слывет.
Да! Тактика проста моя:
Идею лишь рождаю я –
Планировать, считать, пахать
Должны колхозники опять.
Пускай пеняют на себя
Те, кто, работу не любя,
Мою идею извратят

И урожаю повредят.
 Но точно так же – с молоком:
 С тем делом близко я знаком
 И, как всегда – в науке смел,
 На молоке собаку съел!
 Повысить жирности процент
 Берусь теперь в один момент:
 Даю заказ я на завод
 Кондитерский – и он мне шлет
 Отбросы производства: там
 И шоколад, и всякий хлам.
 Кормлю скотину на убой,
 И что же? Скот жиреет мой.
 Чудесно выхоленный скот:
 «Порода входит через рот»,
 И я без всяких ДНК
 Удвоил жирность молока.
 Пусть каждый кормит так совхоз!
 (На всех ли хватит – вот вопрос).
 Но я прославлен широко,
 Мои как сливки молоко.
 И в Горки – славный мой приют,
 Друзья учиться все идут.
 Враги ж от зависти скулят:
 Срамить генетиков я рад.
 Под ногу я возьму их всех!
 Мой будет длителен успех.
 А как пройдет годов пяток –
 Как раз тогда наступит срок,
 Когда космический полет
 Войдет в науки обиход –
 Так космонавт сулит Титов.
 Что ж? Я лететь всегда готов!
 Освоив, наконец, Луну,
 Свой опыт там внедрять начну.
 Пока же с вами я, друзья,
 К услугам вашим мысль моя!»

Так президент закончил речь,
 Которой всех сумел зажечь...
 И наступила для всех нас
 Эпоха новая сейчас –
 Командует опять Трофим:
 Непогрешим, непобедим.
 Не надо только забывать
 Цыплят по осени считать!

25.09.1961 г.

Есть поучительный урок:

Был Вильямс и учен и строг.
 Он метод травопольный свой
 Внедрял безжалостной рукой.
 Я утверждать не побоюсь:
 Он славен был на весь Союз
 Не менее, чем сам Трофим –
 Все трепетали перед ним.
 И бремя межпшеничных трав
 Терпели, злобно зубы сжав.
 Но Вильямс был «халиф на час» –
 Развенчан он в конец сейчас!
 Поставлено ведь всем на вид:
 Уход на пенсию грозит
 Всем старым тем профессорам,
 Что в травопольный верят хлам!
 На юге яровой посев
 Вождя недавно вызвал гнев...
 Но это же – зловещий знак!
 Ведь если впредь пойдет все так,
 То полетит ко всем чертям
 Яровизатор главный сам:
 Трофим! Трофим! будь начеку! –
 Ведь рыльце у тебя в пушку!

6.12.1961 г.

Песнь VI. Тоска по Луне

Имея чуткий лисий нюх
 И изощренный тонкий слух,
 Грозу предчувствовал Трофим.
 Прибег он к «методам» своим;
 Вождям курил он фимиа
 И проклял то, что славил сам,
 Публично каялся в грехах:
 Чо Вильямса разбил он в прах
 И травополье воскресил,
 Что долго злобно тормозил
 Инбридной кукурузы сев –
 В ВАСХНИЛе первый раз воссев.
 Все тщетно! Как «халиф на час»,
 Недолго он парил среди нас:
 Лишь с осени он Президент,
 Весной слетел в один момент!
 (К «уходу» повод чтоб иметь,
 Он вынужден был «заболеть».)
 Его достойно заменил
 Былой соратник – Михаил:
 В Трофима кресле он сидит,
 Я им горжусь, как одессит!

Что Вера Инбер перед ним?!

А где ж низвергнутый Трофим?
Вот он насупившись сидит
И с вожделием глядит
На четкий яркий серп луны,
Что там сияет с вышины,
И будто серп его зовет
Опять в космический полет...
Вздыхает он: «Пора кончать!
Нет, не воспрянуть мне опять.
Свершив немало славных дел,
Я песенку свою пропел.
Развеялось – увы и ах! –
Все, что взлелеял я в мечтах,
Чем щедро наградил народ...
Сорок восьмой великий год,
Какой-то кибернетик Берг
Уж осмеянию подверг!
Вопил он: «До каких же пор
Потерпим мы его позор?»
Был безнаказан тот наскок!
Ужель опять я одинок?
Недавно я ушел, чуть жив:
Как бомбы водородной взрыв
Я испытал! Ее творец
Сказал, в меня вперивши взор,
Что все мое ученье – вздор.
О, этот атомный народ –
Антимичуринцев оплот!
Сейчас генетик всякий рад
Снести свой труд в «Атомиздат»
И, как за каменной стеной,
Печатать бред нелепый свой,
Который ни один журнал
Публиковать бы не дерзал.
За радиационный блуд
Медаль Дубинину дают!
Не радовал меня, ей-ей,
Полустолетний юбилей,
Что праздновал мой институт!
Людей немало было тут –
Зачем? В Одессу на курорт
Поприносил их, видно, черт!
Тоскливо было в их рядах
На тех моих похоронах.
Пусть были дельные слова:
Погоду делает Москва!
В Москве ж непопулярен я!

Молчат неверные друзья.
Средь них – подлее всех один:
Соавтор прежний мой Нуждин.
С Дубининым он торг ведет,
Мой институт распродает!
Чтоб в академики пролезть,
Он подкуп применил и лесть:
О, как я рад, что «черняков»
Он нахватался от врагов!
Такой провал всегда грозит
Тем, кто меж стульев двух сидит.
О, эти мнимые друзья –
Лжецов и клоунов семья!
Ведь я их столько лет кормил
И лишь за то наказан был:
Они – продажный тот народ –
Теперь кричат: «Наоборот!
Не ТЫ кормил нас, друг Трофим,
Мы бредням вторили твоим,
Карьеру, деньги возлюбя,
И тем кормили МЫ тебя!»
Их слыша подлые слова,
Я слег и уцелел едва.
В карете в госпиталь свезен,
Искусством я врачей спасен!»
Трофим, храня угрюмый вид,
Глядя на небеса, хрипит:
«Зачем, зачем покинул я
Вас, межпланетные края?
Затеей был совсем пустой
На Землю спуск последний мой.
Взлететь обратно я готов:
Ко мне, Гагарин и Титов!
Меня везите на Луну,
Я вновь работать там начну.
Скорей везите: ведь навряд
Вернуться я рискну назад!
Пускай я одинок пока –
Но вера в силы велика.
ВАСХНИЛ оставить был я рад,
Ученый я, не бюрократ.
Там больно сложен аппарат
Тупых ученых и спецов:
Их всех турнуть я был готов,
Но, по несчастью, не успел:
Ольшанский там теперь засел».
Одевши космонавта шлем,
Трофим лететь готов совсем,
И с мрачным нетерпеньем ждет,

Чтоб сесть в Титова звездолет.
7.04.1962 г.

Песнь VII. Молоко

Трофим сидел, кляня судьбу...
Вдруг хлопнул он себя по лбу,
Мгновенно на ноги вскочил
И радостно провозгласил:
«Пуускай я низведен в ничто –
А диалектика на что?
Ей обучил меня Презент –
И вот, теперь настал момент
Ее на деле применить
И снова на поверхность всплыть.
Конфликт противоречий двух
В единство превращу я вдруг!
Вредны посевы я р о в ы х ?
Что ж, обойдемся и без них!
Я р о в и з а ц и я вредна?
Она, по счастью, не одна:
Я применю на смену ей
О з и м и з а ц и ю скорей
И выращу (один ведь черт)
Пшениц о з и м ы х новый сорт,
Я всем врагам тем покажу,
Как тонко вглубь вещей гляжу.
Скорей за дело!» – И Трофим
Всем покровителям своим,
Доброжелателям, друзьям,
Писакам и редакторам
Шлет просьбу: «Горки посетить
И молочка его испить!»
Ну – закатил он пир горой!
Какие яства – боже мой!
Роскошный к у к у р у з н ы й торт
И яблоки – первейший сорт,
Которых и Мичурин сам
Не смог бы предложить гостям.
Чудесны были крендельки,
Все из о з и м о й лишь муки,
Пятипроцентным молоком
Все было запито потом.
Как сливки было молоко!
Признаться, было нелегко
Гостям подняться: знатно им
Обедом угодил Трофим.
Гостей объевшуюся рать
Затем повел он показать

Все, что за ряд годов достиг
Он в Горках Ленинских своих:
Пшеницу, что рождает рожь,
Бросая агрономов в дрожь,
Дубравы – их растил Трофим
Известным методом своим,
Сев гнездовой здесь применив
Среди многоветвистых нив.
Картошки летние поля,
Что, тучный урожай суля,
Едва лишь стали зеленеть.
Затем пошли все посмотреть
На ферму (в этот час туда
Вернулись с лугов стада
Жирномолочного скота).
Доярок юных полнота,
Движенья их прелестных рук,
Молочных струй манящий звук
Гостей тут убедили всех,
Что фермы той блестящ успех.
(К кормушкам повели? О, нет!
Откорм – Трофимов был секрет,
Что, впрочем, скоро разгласил
Журнал-всезнайка – «Крокодил».)
Приятной сытости полны,
Стояли все, поражены
Завоеваньями, что им
Продемонстрировал Трофим.
Шептали: «Это чародей
И благодетель он людей!
Его чудесно молоко,
Оно прольется широко
Из Горок, и любой совхоз
Молочный им решит вопрос».
Сказал знатнейший из гостей:
«Ты молодец, Трофим – ей-ей!
Все, в чем когда виновен был,
Сейчас с лихвою искупил;
Ты травопольный свой загиб
Молочной фермой перешиб.
Работай так и впредь, Трофим,
Под покровительством моим!»
(Раз человек по горло сыт,
Он комплименты говорит,
Елейно-благодушен, благ,
Он щедр в посулах всяких благ –
Все это тонко рассчитал
Трофим, готовя фестиваль).
Насытись, гости разошлись;

И снова блага полились
На ферму в Горках, на ВАСХНИЛ,
И вновь Трофим вождем стал мил,
И снова, снова был воспет
В статьях столичных всех газет.
И за подвалами подвал
В газетах сам порой писал.
Весь старый в них «репертуар»
Трофим читателям шлет в дар:
Как десять лет назад – все тож:
«Весенний свет», «Пшеница в рожь»;
Овес родит овес, но вдруг
На пакость всем родит овсюг;
Вся жизнь жизнеспособных тел –
Ассимиляции удел...
Живое – неживого плод
И в неживое отойдет.
Фундаментальный сей закон
«Мичуринцами» возглашен.
Диалектична жизнь всегда –
Мальтузианство – ерунда.
Нет внутривидовой борьбы –
Дарвина доводы слабы,
Гбридов признаки всегда
Определяет лишь среда:
И то, что ест гбрид и пьет –
«Порода входит через рот».
Гуляя с неграми в саду,
Учти же, девушка, средю:
Страну, в которой возрастет
Твоей любви гбридный плод!
Не вздумай ехать с ним в Бомбей:
Ведь, чем южнее, тем черней;
В Москве ж, о ангел чистоты,
Он будет белым, как и ты!
Тираж столичных трех газет
Велик – читает их весь свет:
Нью-Йорк, и Лондон, и Мадрид
Про них всечасно говорит.
Трофима мудрые слова
Повсюду разнесла молва,
И он, очаровав Париж,
Поднял высоко наш престиж.
А Кеннеди был посрамлен:
Недавно лишь злословил он,
Смутив нетвердые умы,
Что будто бы отстали мы
В теории на тридцать лет –
Трофима четок был ответ!

Казалось бы, конец настал
Всем бедам, что он испытал.
Не тут-то было: злобный враг
Не дал ему вздохнуть никак.
В Москве невзгоды начались:
Там три студента поклялись,
Храня злодейский свой секрет,
Трофимов осквернить портрет.
Стараньем молодых повес
Портрет Трофимов вдруг исчез
Из зала, где давно висел –
Позорен был его удел:
В кабине женской «два ноля»
Его повесили, хуля
Трофима громко на весь свет,
И обесчещенный портрет
Там долго провисел: ведь он
Стальной был цепью прикреплен!
Секрет тот был раскрыт легко,
И был наказан жестоко
Разнузданный триумвират
С цепи сорвавшихся ребят:
Из ВУЗа изгнаны они,
Скитаний испытали дни.
Когда ж Трофим проведаль сам
Про то, какой он вынес срам –
Его был дико-страшен гнев:
Метался он, как в клетке лев,
Краснел, потел, бледнел, как мел,
И задыхался, и хрипел.
Его волос нависший клок
От пота горького промок.
Остатками зубов скрипя,
Он чертыхался, зло хрипя,
Кому-то кулаком грозя –
Нет, описать всего нельзя!
«Ударника» соседний зал
Сквозь стены хрип его слышал:
«О, гнусный Менделя притон!
О, как мне ненавистен он!
Давно ли, чтоб помочь друзьям,
Я в тот вертеп явился сам,
Студентам освежить мозги –
Устроили тогда враги
Мне в зале знатный бенефис:
Свистки и вопли раздались,
Едва я кончил свой доклад!
Бежать я был из зала рад.
А что ж сказал я? Только то,

Что из профессоров никто
 Не выдержит со мною бой;
 Колхозной бабкою любой
 В ученом споре будет бит
 В вопросе, что такое «вид».
 Я больше не приду, о нет,
 В Московский Университет!
 Но там портрет остался мой –
 И вот, поруган он толпой,
 Глазевшей, чепуху меля,
 В кабине гнусной «два ноля».
 Узнает скоро целый мир,
 Что мой портрет попал в сортир!
 Кто виноват? Дворянкин? – Нет!
 Как Фейгенсон – он мой клевет.
 А Лебедев вдвойне мне мил:
 Он подлецам фашизм пришил!
 Но все ж большую часть вины
 Несут, к несчастью, и они:
 Да! Недостаточно строги,
 Студентов глупые мозги
 Ведь не сумели ж просветить
 И уважение внушить
 Они ко мне: я ж – лавреат,
 Орденоносец, депутат.
 Биологи виновны сплошь:
 Станков, учивший, будто рожь
 Не может быть порождена
 Пшеницей – да не рожь одна:
 Сосною – ель, лещиной – граб...
 Таких, как он – турнул всех я б!
 Дементьев – смел ведь отрицать,
 Что может дрозд кукушкой стать:
 Орлов – тот будто позабыл,
 Что кит ихтиозавром был,
 Смирнов – он издевался вслух,
 Что клещ есть порожденье мух!
 Виновен целый факультет
 В том, что в клозете мой портрет;
 Студенты – дикарей толпа,
 Профессора же – шантрапа:
 Пока на лаврах спали мы –
 Они свихнули их умы.
 О, если б издан был декрет:
 Закрывать весь университет
 И Тимирязевку – тот ВУЗ,
 Которым вскоре я займусь...

Едва с портретом стих скандал –

Другой Трофима ожидал.
 Враги не спали: из страны –
 Враждебной со времен войны –
 Страны, где Вейсман сам учил,
 Коварный дар нам прислан был.
 Как будто бы презент за то,
 Что мы, наперекор НАТО,
 Призвали к миру целый свет;
 На Кубе нет уже ракет,
 И люди ныне спасены
 От бедствий атомной войны.
 «Конем троянским» был тот дар!
 Трофима он аж бросил в жар;
 Во вред е м у дар прислан был!
 Генетики что было сил
 Ему старались мстить, и вот
 Был в ФРГ разведен скот:
 Весьма мясист, тяжел, рогат,
 Жирнейшим молоком богат,
 И сперма этого скота,
 Врагом в флаконы разлита,
 В Москву переслана была,
 Чтоб гнусные вершить дела;
 Осеменив простых коров
 Той спермой вражеских быков,
 Завистников Трофима рать
 Породу силится создать,
 Которая превзойдет
 Жирномолочностью тот скот,
 Что в Горках Ленинских Трофим
 Взлелеял гением своим.
 Он будет выгодней, тот скот!
 Излишен накладной расход
 Кондитерских заводов – он
 Дешевле может быть возвращен:
 Охалка сена и силос!
 Его возьмет любой колхоз:
 Ведь он молочен и мясист,
 И возликует морганист.
 И вот – Трофим сидит угрюм,
 Исполненный зловещих дум,
 Вздыхая: недалек конец,
 Мой вянет лавровый венец,
 И вновь мой осквернен портрет.
 Мне на земле покоя нет!
 Карьера кончена моя:
 Ведь жить спокойно буду я
 Увы! Пока не подрастет
 Ублюдочный проклятый скот –

Скот, выведенный спермой той,
 Что в дар прислал нам недруг злой!
 Ее мне в пику он прислал!
 И вот – уж близок мой финал:
 Держался я на молоке,
 Сейчас повис на волоске;
 Годочка три так протяну –
 А там – придется на Луну!

Эпилог

Но был короче этот срок –
 Был ненадежен волосок:
 Еще не вырос новый скот,
 Случился вдруг переворот!
 Пал покровитель, а за ним –
 Держась за хвост, слетел Трофим.
 Ему оставлен был пока,
 Чтоб не сидел без молока,
 Чтоб легче крах он перенес –
 Любимый Горкинский совхоз.
 Как при крушении корабля,

О милосердии моля,
 Трофимовцы поразбредлись,
 Как стаи ошалелых крыс.
 Одна лишь мысль у них у всех:
 Как переокрасить им свой мех!
 Итак, развеялось, как дым,
 Все то, что начудил Трофим.
 Ужель Трофиму на Луну
 Спасаться от всех бед? А ну
 Как не возьмет в свой звездолет
 Его уж ни один пилот?
 Но, если так, то, наконец,
 «Астропоэме» всей конец?
 Да, песнь закончена моя,
 Под ней поставлю точку я;
 Не то я всем вам надоем –
 Пора искать мне новых тем.

И.И. Пузанов

1.12.1964 г.

Смысл Дикой Жизни

Эмиль Шукуров

Каждое существо — центр мироздания.
 У каждого существа — свое мирозда-
 ние.

Все существа слагают мироздание друг
 для друга.

Мироздание — общее и единое для всех
 именно потому, что каждое существо вклю-
 чено в сферу мироздания каждого.

Тем самым каждое существо — весь
 мир.

Мир не состоит из существ.

Это существа составляют мир, делают
 его единым своими отношениями и зави-
 симостями.

Миров столько, сколько существ.

Множество миров и есть Вселенная.

Бесконечность Вселенной — не в фи-
 зическом протяжении, а в вечном воспро-
 изводстве поколений, в восстановлении и
 приемственности миров.

Миры бесконечны только в потенции.

В каждый данный момент миров столь-
 ко, сколько существ.

Уменьшение числа существ сокращает
 размеры Вселенной.

Сокращение размеров Вселенной — со-
 кращение возможности Жизни.

Жизнь не является функцией отдельных
 существ. Она функция Вселенной, проявля-
 ющаяся в каждом своем центре — суще-
 стве.

Жизнь — Божественный Текст, каждое
 слово которого значимо и находится в ос-
 мысленном соединении с другими. Каждое
 слово существенно, потому что является су-
 ществом.

И только природа, которую мы зовем
 дикой, — Кладезь Божественных Текстов.

Они воспроизводят Жизнь. И уничтоже-
 ние слов этого текста и целых его частей

— кощунственно. Ослабленный текст воспроизводит ослабленную Жизнь.

Разрушенный текст разрушает Жизнь.

Так называемый “культурный” ландшафт – бессмыслица, разрушенный текст, слова-существа в котором соединены не природными связями, а произволом человека. Этот безумный текст убивает Жизнь и только сохранившиеся осмысленные тексты дикой природы пока еще с трудом восстанавливают ее.

Одичание современного человека прямо пропорционально сокращению дикой природы.

И только отдельные люди оберегают хранилища Священных Текстов Природы.

Эти хранилища — Заповедные Территории.

Утрата этих текстов означает утрату Смысла Жизни.

Бессмысленная Жизнь невозможна. Потеря смысла равносильна смерти.

Назначение Заповедных Территорий не только сохранять Священные Тексты При-

роды, но и восстанавливать их там, где они утрачены, нарушены, искажены.

Заповедные территории — Хранители Смысла Жизни.

Заповедные Территории — Стражи Жизни.

Каждая Заповедная Территория — центр мироздания. Каждая несет на себе печать всей Вселенной. Каждая сама творит эту Вселенную.

Заповедник — Божественная Заповедь. Священная Заповедь Природы.

Древние были правы.

Земля — в центре мира.

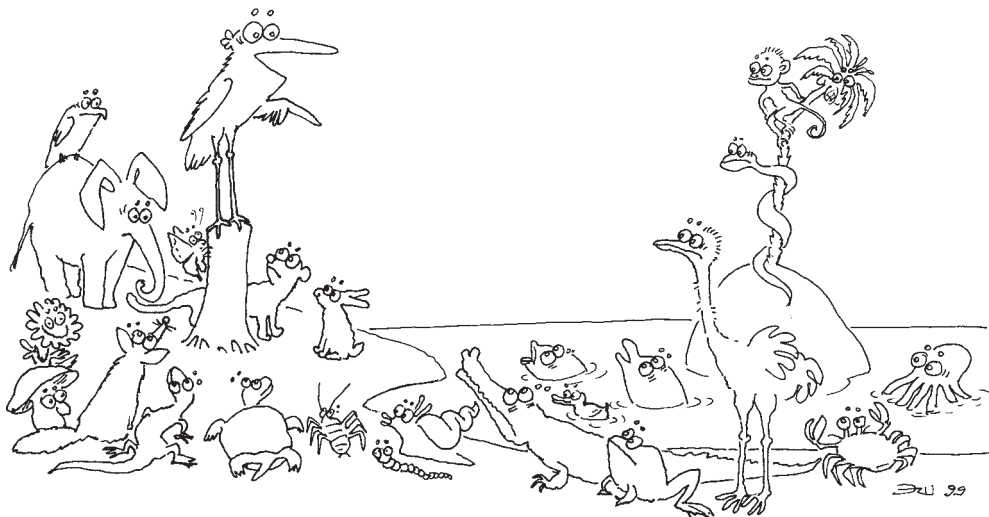
Вселенная строится вокруг Земли.

И Вселенная такая, какая нужна Земле.

Вселенная устроена в соответствии с нуждами Земли.

Земля покоится на слонах, черепахах, китах и прочих существах. Пока они есть, есть и Земля. Без них — уже Не-Земля.

И Вселенная бессмысленна, если нет Живой Земли.

—Чтобы устойчиво воспроизводить свое биоразнообразие, мы должны размножаться по общему плану. Люди считают, что сначала нужны концепции, конференции, декларации, конвенции, проекты, публикации. Я же утверждаю, что сначала было, есть и будет яйцо!

Рис. Э.Д. Шукурова

Загадки священного ландшафта

Рецензия на книгу: Frederic Lehrman, 1992. The sacred Landscape. Celestial arts publishing. Berkeley, California. 127 p.

Впервые популярная ныне в США книга Фредерика Лермана «Священный ландшафт» увидела свет в 1988 г. Затем последовало еще несколько изданий. Директор Номадского университета, специалист в области искусства, психологии и анализа культурных тенденций Фредерик Лерман долгие годы своей жизни отвел на изучение природных священных мест различных стран и народов. В результате получился шикарный фолиант, красочно иллюстрированный фотографиями и снабженный стихами, эссе и комментариями различных авторов.

Я буду петь молитвы
Этому возвышенному лику
Столько, сколько буду дышать.

Ямамбе Акахито,
японский поэт VIII ст.

«Священный ландшафт» – книга популярная, рассчитанная на массового читателя. Поэтому в книге нет теоретических пояснений, анализа священных мест, за исключением, пожалуй, одной небольшой цитаты Питера Рассела, известного психолога: *«Помни о священном месте. Оно приносит нам чувство благоговения, близости божества. Чувства, которые кажутся исходящими из сердца самой Вселенной... Священные места являются священными, потому что наша реакция на них является священной»*.

Последняя глава книги посвящена новейшим научным исследованиям, согласно которым многие священные места, в основном священные горы, имеют довольно сильные магнитные поля. Возможно, именно эти природные аномалии вызывают у человека чувство священного.

Так, Лама Говинда писал о священной горе Кайлас: *«Сила такой горы так велика, и в то же время так тонка, что без принуждения люди притягиваются к ней ... как бы силой какого-то невидимого вселенского магнита ...»*.

Книга Фредерика Лермана задает больше вопросов, чем дает на них ответов. Красотой иллюстраций и изысканностью подобранных текстов автор зачаровывает своего читателя, подводя его совсем близко к таинственной загадке священного ландшафта. Лично у меня создалось впечатление, что, может быть, и не нужно искать ответы на эти вопросы. Пусть все остается как есть.

В.Е. Борейко

«В небесах торжественно и чудно...»

Рецензия на книгу: Поэтическая экология. Сост. Ф.Р. Штильмарк. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1998. 200 с.

Книга Ф.Р. Штильмарка, изданная Киевским эколого-культурным центром, – это поэтическая антология стихотворений о природе, далеко не полная, но очень содер-

жательная, сделана с большим уважением к поэтам, их таланту и любовью к их поэзии. Здесь собраны стихи не только поэтов золотого и серебряного века, но и наших

современников. Поэзию Ломоносова, Дер-жавина, Пушкина, Тютчева, Фета, Сологу-ба, Бунина, Гумилева, Брюсова, Бездомно-го, Высоцкого, Окуджавы и других встре-тим мы на страницах книги. И если пом-нить, что многие стихи поэтов серебряного века – о любви и красоте женщины и при-роды, то можно понять автора книги – вы-брать лучшее очень трудно. Но Ф. Штиль-марк сумел ввести нас в мир поэзии, приве-дя в некоторых случаях по четверостишию.

Книга разделена на семь циклов. В каж-дом – обязательно несколько строк об упо-минаемом поэте, будь то его биографиче-ские или какие-либо другие данные, кото-рые может не знать читатель.

Глава первая – «Гармонии стихов боже-ственные тайны» рассказывает о роли сти-хов в нашей жизни, начиная с детского воз-раста. «Не жалею, не зову, не плачу...» – нет человека, которому были бы не знако-мы эти строчки.

Глава вторая – «В небесах торжествен-но и чудно...». Поднимается тема Бога в русской поэзии. В стихотворениях русских поэтов Бог неизменно переплетается с при-родой, ее силой и – божественной красотой и властью над человеком.

И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Я не нахожу слов, чтобы комментиро-вать уже написанное и рассказанное Ф. Штильмарком, хочется просто читать и пе-речитывать замечательные стихи Лермон-това и многих других поэтов, приведенные в этой и других главах книги. Эти и каждая следующая глава – «Природа-сфинкс...», «Откуда, как разлад возник?...», «Наука со-кращает нам опыты быстротекущей жиз-ни...», «Снова будешь по-детски счастли-вым...» насыщены стихами, настолько пев-учими и красивыми, что остается только удивляться, как, например, биологи, нату-ралисты, люди, не столь известные в по-эзии, сумели создать такие прекрасные сти-хи о природе.

Такое теплое, раннее утро,

Дали лесистые, речки, ключи...
Небо безоблачно, солнце июня
Шлет на тайгу, не скупясь, лучи.

Ф. Штильмарк сумел показать нам, что существует неразрывная связь не только между природой и человеком через поэзию, но и связь поэзии с биологической наукой. Когда ученые-биологи берутся за перо и пишут стихи о природе... Какие же заме-чательные стихи – насколько же велика власть природы над человеком! Когда лю-бовь к природе и поэзии сплетаются вое-дино – здесь, наверное, человек касается Совершенства. Стихи ученых и натурали-стов – В.В. Раевского, К.В. Гарновского, М.Н. Смирнова, «третьего Тарковского», Гриши Бабакова, В.Н. Тихомирова, Ю.А. Ливеровского, Д. Сухарева, Н.М. Ядринце-ва и других вызывают преклонение перед их авторами и их сложными судьбами.

Снова будешь по-детски счастливым,
Если утром увидишь у ног
На оттаявшей глине обрыва
Мать-и-мачехи первый цветок.

Заключительная глава «Грядущему нельзя не доверяться...» приводит нам одно стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». «Для расставания с чита-телем прибереглись бессмертные строки Лермонтова – благословение и награда Бо-жья всем нам. Это – высочайшая вершина отечественной поэзии...».

В приложении под названием «Карти-ны русской природы из поэзии классиков» включены отдельные «наиболее задушев-ные стихи, многие из которых стали роман-сами и песнями».

К сожалению, в книгу не включены сти-хи таких пионеров охраны природы, как А.П. Семенов-Тянь-Шанский, И.И. Пузанов, Н.М. Федоровский... Но в целом книга вызывает восторг и благодарность: благо-даря ей нам удалось еще глубже познать поэзию природы...

Е.В. Поминова

Как попасть в священное пространство

Рецензия на книгу: Грэбер Л. Дикая природа как священное пространство. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1999. 56 с.

В 1976 г. в Вашингтоне Ассоциацией американских географов была издана книга географа и экофилософа Линды Грэбер «Дикая природа как священное пространство». 24 года понадобилось на то, чтобы она дошла до наших природоохранников благодаря Киевскому эколого-культурному центру, где была переведена на русский язык и представлена для изучения. Суждения и взгляды автора заставляют нас взглянуть по-новому не только на отношение к дикой природе, но и на религию и понятие священности вообще. Книга невелика, состоит из трех ключевых глав, которые разделены на небольшие, но очень насыщенные информацией разделы. Л. Грэбер объясняет вначале, что окружающие пейзажи подогнаны так, чтобы соответствовать нашему представлению об окружающей среде. *«Мы живем в светские времена, и потому религиозная суть этики дикой природы вытесняется на второй план попытками оправдать охрану природы на светской основе, будь она научной, эстетической, националистической или гигиенической»*. Но сильные эмоции, которые могут вызвать определенные природные объекты, говорят о присутствии не только практических мотивов.

Книга помогает, благодаря использованию трудов истинных американских природоохранников и психоаналитиков религии Р. Нэша, Х. Хута, Р. Уильямса, О. Рудольфа, найти определения волшебным встречам человека с природой, дать им названия и термины.

Первая, самая объемная и содержательная глава «Святое пространство и геонабожность» открывает нам окно в мир этики дикой природы. *«Мы должны изучить, как человеческая личность реагирует на контакты со святой силой, и как святая*

сила открывается в человеческом контексте». Автор объясняет идею святого пространства, опираясь на работу Рудольфа Отто «Идея Святого». Согласно Отто, «божественность» воздействует на сознательность человека двумя способами: ощущением «сознания» и огромной загадки. Последнее состоит из нескольких частей – вездесущность, страх, восхищение. *«Совершенно Иное и привлекает, и отпугивает, но каким бы ни было настроение, разум, находящийся в «тисках» божественного восприятия желает, чтобы этот контакт продолжился как можно дольше»*. Линда Грэбер сначала объясняет само понятие священности.

Далее вводится термин – «иерофания»: «проявление святого». М. Элиаде ввел этот термин, означающий «нечто святое, проявляющееся или показывающее себя нам». Хочется добавить: то, чему человек хочет, будет или начинает поклоняться. Но поклоняться не самой природе, а власти, проявляющейся в природе. *«Во всем мире горы почитаются, как места Власти «Совершенно Иного», не похожие на сады на равнинах»*. Когда человек в детстве или в любом другом возрасте испытывает дрожь от радости и страха одновременно при виде горы, заката, развалин, поросших мхом или набегающей волны на берегу моря, это и есть иерофания в природе.

В следующей главе Л. Грэбер переходит к объяснению святого пространства. *«Святые места восхищают и привлекают, но страх перед святой силой добавляет элемент абсолютной неприступности»*. *«Люди не хотят менять святые места. Мы можем видеть на примере того, как часто христианские церкви строились на местах языческих святынь»*.

Человек поклоняется тем местам в при-

роде, где он наиболее сильно испытывает иерофанию, именно эти места называя святынями. Иерофания, испытанная человеком в дикой природе, не может сравниваться с иерофанией в церкви, так как на природе она происходит произвольно, независимо от воли человека, без усилий и давления, тогда как церковную иерофанию можно назвать искусственной, то есть рациональной. Поэтому иерофания святых мест в дикой природе так высоко ценится людьми.

Автор вводит термин «геонабожность». *«Геонабожность – это один из функциональных рядов святого пространства, ... она направляет в сторону поклонения самой земле».* Земля считается одной обширной иерофанией, но так как целую планету нашим слабым воображением мы не можем объять, то поэтому мы и фокусируем наше внимание на избранных местах. Люди почитают дух и характер определенно-го места на земле.

Далее Л. Грэбер объясняет, почему человек ищет святое именно в природе. *«Светская жизнь в светском месте парализует человека своей хаотической относительностью».* Природа, созданная руками человека, не вызывает такого очарования и благоговения, как дикая природа. *«Большую часть нашего существования мы получаем импульсы из зоны, которую мы называем подсознательной».* Заряд энергии в результате иерофании дикой природы помогает найти себя в хаосе жизни. *«Современные люди со светским образом жизни ищут и желают божественного восприятия во многом так, как этого желали их древние предки».*

Автор рассказывает об основах этики дикой природы – природы, неизменной человеческим действием. *«Это область, в которой нет постоянных обитателей, нет автострад и территория которой достаточно велика, чтобы путешественник, пересекающий ее пешком или на коне, должен был хотя бы один раз заночевать под открытым небом».* Дикая природа не обязательно является пейзажной, она может выглядеть как угодно, главное чтобы была естественной. Следовательно, отсутствие людей и последствий их деятельности является определяющим условием дикой природы.

Грэбер выводит систему этики дикой природы: *«Это – преобразование современной набожности, ассоциирующейся с тем же самым стимулом, который ввел органическое садоводство, здоровую пищу, нудизм и «экологию» в домашний обиход».*

В следующих больших главах – «Взаимоотношение объекта с субъектом» и «Итог и заключение: шесть тем» – Л. Грэбер объясняет методы и действия приверженцев охраны дикой природы. *«Словесные и визуальные образы, связанные с этикой дикой природы, обладают высокой степенью эмоционального определения. В наши дни образы дикой природы помогают многим американцам интенсивней предаваться делу защиты дикой природы».* Книга Л. Грэбер, переведенная и изданная в Киеве, должна помочь природоохранникам на просторах СНГ найти новые методы в защите дикой природы, возможно, более результативные, чем старые.

Е.В. Поминова

В чем ценность та́йги?

Рецензия на книгу: Ярошенко А.Ю. Европейская тайга на грани тысячелетий. М., Гринпис России, 1999. 59 с.

«Узкий специалист подобен флюсу» – этот афоризм легендарного Козьмы Прутова вспоминается неоднократно при чтении недавно изданной российской Гринпис

книги А. Ярошенко о европейской тайге. Как сказано в ее аннотации, брошюра предназначена для «преподавателей дисциплин, связанных с охраной природы, руководителей школьных и внешкольных кружков, краеведческих объединений». То есть, по идее, должна рассказать заинтересованному читателю, что такое «европейская тайга», в чем ее ценности, почему мы должны защищать ее от бойни бензопилы. На это настраивают и названия разделов книги: «Человек и лесная природа», «Лес и человек», «Тысячелетия общей истории», «Охрана таежной природы». К сожалению, заглянув в книгу, мы попадаем в самые настоящие «лесотехнические джунгли».

Но, простите, тайга – это ведь не только древесина. И не только лесное биоразнообразие. Европейская тайга – это еще и уникальное место сосредоточения культур различных народов – карелов, чувашей, мордвы, марийцев и др. Почитайте хотя бы Мельникова-Печерского. В европейской тайге находятся несметные духовные, исторические и культурные богатства русского народа – скиты, храмы, монастыри, кладбища и другие памятники ушедших веков. Об этом нужно было упомянуть хотя бы вскользь.

Европейская тайга – это и священные рощи тех же марийцев и мордвы. Только в одной Нижегородской области их несколько десятков. Такие природные объекты ценны не только с природной, но и с исторической точки зрения. Как об этом можно забывать?

Европейская тайга имеет еще несомненные эстетические, этические, патриотические, образовательные, воспитательные и другие ценности. Она – богатство двух миров: физического и духовного. О чем, кстати, говорилось на недавней международной конференции «Сети спасения тайги» в Эстонии, где участвовали как представители российского Гринпис, так и Лесного клуба российских НГО.

Прошло то время, когда природоохранники были узко ориентированы только на экологические (и немного на правовые и экономические) знания. В XXI в. они должны разбираться в этике и эстетике, теологии и этнософии, идеологии и истории. Читая Генри Торо, Ральфа Эмерсона, японские хайку, русскую поэзию серебряного века, разбираться в живописи и музыке.

Без этого им не достичь побед в своей благородной борьбе.

В.Е. Борейко

Религиозное и экологическое в сознании россиян

Рецензия на книги:

Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А. Природа и люди России. Основание к пониманию проблемы. М.: Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия», 1999. 112 с.

Мартынов А.С. Природа и люди России. Экология, религия, политика и действие. М.: Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия», 1999. 132 с.

В рамках проекта Глобального экологического фонда «Сохранение биоразнообразия» группа московских ученых провела грандиозное исследование, ставившее сво-

ей целью изучение сознания россиян по отношению к природе.

Следует отметить, что двое из авторов – Д.Н. Кавтарадзе и А.С. Мартынов – на-

чали заниматься подобными проблемами в бывшем СССР одними из первых. Так, в 1970-х – 1980-х гг. ими была разработана программа студенческих природоохранных дружин «Выстрел», смело ставившая проблему изучения браконьерства как социального явления, а затем под руководством Д.Н. Кавтарадзе проводились исследования экологического сознания жителей г. Пущино (программа «Экополис»).

И вот теперь – очередная интересная работа, являющаяся во многом пионерской и не имеющая аналогов в странах СНГ.

Авторы опираются на результаты различных социологических исследований, проводимых в многочисленных социальных группах и разных регионах России. Книги сопровождаются многочисленными таблицами, диаграммами, графиками, комментариями известных российских экологов и политиков (особенно любопытны замечания Е.С. Строева или того, кто писал за него).

Демократичным является и решение Д.Н. Кавтарадзе и А.С. Мартынова по результатам исследований выпустить две книги, отражающие различия в выводах авторов. Ведь, чем больше мнений, тем точнее взгляд.

Обе работы взаимно дополняют друг друга. Книга А.С. Мартынова более политизирована, труд Д.Н. Кавтарадзе и А.А. Овсянникова имеет больший уклон в проблемы экообразования. Но это не есть их недостатком.

Венец любой научной работы – ее выводы. Остановимся на некоторых из них. Огромной заслугой книги Д.Н. Кавтарадзе и А.А. Овсянникова является заявление: *«материалистически организованное образование принципиально антиэкологично. Наверное, следует признать, что поиски в области экологического воспитания и образования ведутся не в тех социокультурных средах. Традиционно они определялись педагогическими, социопсихологическими и собственно экологическими рамками»* (с. 56). Как тут не вспомнить И. Канта, призывавшего знания потесниться, освободив место вере.

Оригинальной является идея А.С. Мартынова по созданию специальных экологических войск, направленных на решение задач при экологических авариях (хотя не будет ли здесь дублирования действий Министерства по чрезвычайным ситуациям?).

К сожалению, в окончательном, опубликованном варианте почему-то исчезли очень ценные предложения авторов по развитию культа природы.

Хочу особо подчеркнуть, что обе работы (хотя они писались для России и на русском материале) очень полезны и для других стран СНГ. Многие результаты опросов и выводы можно распространить и на другую славянскую страну с подобным населением, природой и религией и схожими политическими и экономическими проблемами – Украину.

Например, результаты социологических опросов по теме «священна ли природа» (с. 42) оказались практически идентичными в Украине. Ознакомившись с данными москвичей еще в рукописи, Киевский эколого-культурный центр в начале 1999 г. опросил несколько сотен человек в Киевской и Львовской области. Как и в России, более 70 % опрошенных считают, что природа – священна.

Теперь, что касается недостатков двух рецензируемых книг. Наше отношение к природе определяют мотивации, которые, в свою очередь, зависят от ценностей природы. Еще Ф. Ницше писал: *«Не вокруг творцов нового ... – вокруг творцов новых ценностей вращается мир!»*

К сожалению, авторы рецензируемых книг исследовали только одну нематериальную ценность природы – религиозную. Оставив без внимания ее другие ценности – эстетическую, культурную, образовательную, воспитательную, научную, символическую, духовную, этическую, и особенно – внутреннюю. Без этого результаты изучения отношения россиян к природе своей страны являются явно неполными. А некоторые выводы – неоднозначными.

Д.Н. Кавтарадзе и А.А. Овсянников, например, пишут: *«Религиозный тип экологи-*

ческого сознания наиболее лоялен к природе» (с. 44). А.С. Мартынов полагает: «Доля религиозного и экологически обеспокоенного населения в обществе в разные годы изменяется синхронно, что трактуется как признак близости этих феноменов в сознании россиян» (с. 7). Однако совершенно непонятно, приверженцев каких религий они имеют ввиду. Ведь христианство – сильная антропоцентрическая религия, выступающая за подчинение природы человеку, против обожествления природы; буддизм и язычество (сейчас модно последнее именовать «неоязычеством») – стоят на позициях эгоцентризма.

Еще одно важное замечание. Конечно, пробуждение у людей чувства священного в природе является важной задачей современных природоохранников. Вместе с тем, как справедливо полагает экофилософ Эдвин Бернбаум, «власть священного может принять форму всеохватывающей любви, так и всепоглощающего гнева. Оно не просто показывает себя, оно может схватить нас обжигающим захватом».

Чувство священного само по себе не гарантирует сохранение окружающей среды. Хотя японцы почитают гору Фудзи как религиозный символ, они засыпали ее склоны мусором. Индусы поклоняются Гангу, пьют его священную воду, однако превратили его в сточную канаву. Многие языческие народы ради своих религиозных ритуалов убивают птиц и зверей, которых считают священными.

Все это означает, что мы должны полностью осознавать последствия пробуждения чувства священного. Оно связано с конечными ценностями и обладает способностью двигать нас к добру или злу. Оно может заставить нас беречь природу, или толкать к ее разрушению. Рассмотрение природы как священной может неосознанно превратить ее в жертвенное преклонение ради чисто религиозной цели.

Только если чувство священного поощряет нас почитать природу как ценную саму по себе, а не как средство для достижения каких-либо сугубо религиозных целей, ка-

кими бы возвышенными они не являлись, пробуждение чувства священного обеспечит нам прочную поддержку природоохраны. Другими словами, религиозное чувство, ощущение священного должно сочетаться с экологической этикой.

Серьезным недостатком обеих работ является слабое знакомство исследователей с зарубежным опытом. В частности, профессор Йельского университета Стефан Келлерт давно и успешно разрабатывает подобную тематику. К своему удивлению, в списке литературы я не обнаружил также книг таких всемирно известных историков религии и психоаналитиков религии, как Мирча Элиаде, Отто Рудольф, и Уильям Джеймс. Вместе с тем, авторы рецензируемых работ большое внимание уделяют чувству религиозности, и знакомство с вышеприведенными авторитетами только повысило бы ценность их исследований.

К сожалению, в своих во многом пионерских работах Д.Н. Кавтарадзе, А.А. Овсянников и А.С. Мартынов совершенно не остановились на внутренней (присущей) ценности природы. «Природа свята сама по себе, она – источник не только ресурсов, но и добра, красоты, образцов поведения, знаний» – считают Д.Н. Кавтарадзе и А.А. Овсянников (с. 28).

Однако источники добра, красоты, знаний и другие «полезности» природы – это, в конце концов, те же набившие оскомину ресурсы, используемые как средство для достижения целей человека. Однако еще И. Кант указывал, что природа – сама по себе цель. И имеет огромную внутреннюю ценность вне зависимости от пользы для человека. Это очень важный посыл, и мы должны обязательно его использовать в разработке стратегии по охране биоразнообразия.

Одним из важнейших выводов своей книги А.С. Мартынов считает то, что «отношение к живой природе страны, не существующее в себе груз противоречий политических взглядов, религиозных представлений или национальных особенностей, вполне может стать тем фундаментом, на

котором достижимо общественное согласие» (с. 107). С ним согласен и бывший министр Госкомэкологии России В.И. Данилов-Данильян, приведя эту цитату в своем предисловии к книге.

Однако, на мой взгляд, это несколько категоричное заявление. Отношение к живой природе, из-за ее различных ценностей, не может быть единодушным. Есть отношение природоохранника, есть отношение браконьера. Есть отношение язычника, обожествляющего природу, есть отношение христианина, воспитанного на идеях «владычества» над зверями, птицами и рыбами. Есть бережное отношение к живой природе местного, туземного населения, и есть желание все погубить со стороны людей пришлых. Государственным структурам в Москве просто глубоко наплевать, как бьют тигров на Дальнем Востоке, а жестокий местный бизнес весьма заинтересован, чтобы шкуру этого редчайшего зверя почаще реализовывать по баснословной цене. А на Каспии за право обладать запасами осетровых ведется настоящая война. О каком же общественном согласии может идти речь?

Понятно, что этот вывод подогнан под реализацию «Общественного Договора по охране живой природы России». Сам по

себе «Договор», конечно, является важной и полезной штукой, однако идеологическая база его совсем иная, чем та, о которой пишет А.С. Мартынов.

Значительной прорехой исследований является отсутствия анализа «экологичности» по национальному составу России. Можно предположить, что здесь могли бы встретиться довольно неожиданные вещи. Так, подобные исследования в США показали, что наиболее активно природоохранные мероприятия поддерживают белые американцы, особенно живущие в северных районах и на Аляске. Меньше всего экологией интересуются негры и латиноамериканцы.

В заключение еще раз хотелось бы поблагодарить за титанический труд авторов обеих книг, важность которого в развитии природоохраны трудно переоценить. Хотелось бы пожелать им дальнейших плодотворных исследований на избранном поприще, расширяя географию. Так, было бы интересно провести совместное исследование в России и Украине, ибо многие наши экологические беды являются для двух стран общими, и победить их мы сможем только сообща.

В.Е. Борейко

Священные таины Баргузинской долины

Рецензия на книгу: Зайцева Н.И., Интигринова Т.П., Протопопова И.В. Экологические традиции народов севера Баргузинской долины. Улан-Удэ: Бэлит, 1999. 48 с.

На краю России в городе Улан-Удэ популярным тиражом издана научно-популярная, хорошо иллюстрированная книга, посвященная экологическим традициям эвенков и бурят, живущих в Баргузинской долине. Ее авторами являются бурятские культурологи и представители Кольского филиала Центра охраны дикой природы, кстати, уже имеющие неплохой

опыт этнографических исследований в Московской и Брянской областях и на Русском Севере.

В книге опубликованы различные обычаи, поверья и традиции, имеющие экологическое значение, посвященные водным источникам, охоте, лесу. Особенно интересной является глава о святых местах. Вообще это довольно неразработанная в отечест-

венной этнографии тема. В советское время писать о них боялись, в результате в современной природоохранной практике практически игнорируется религиозная мотивация.

До сих пор не изданы даже приближенные каталоги природных священных объектов отдельных регионов. Многие священные рощи, деревья, ключи, горы, озера уничтожены или потеряли свою мистическую ценность.

Рецензируемая книга, конечно, будет интересна не только специалистам-этнографам, природоохранникам, но и краеведам-любителям, интересующимся этнософией и духовными истоками природоохраны. Авторы книги совершенно справедливо надеются, что их «начинание продолжат школьники, студенты под руководством взрослых энтузиастов». В этой связи книга выиграла бы гораздо больше, если бы была

снабжена методикой и примерным опросником для изучения экологических традиций. Желательно привести карту природных священных мест Баргузинской долины. К сожалению, из книги остается неясным, у эвенка или у бурята. Список использованной литературы мог бы быть гораздо обширнее – в подобных исследованиях явно не обойтись без монументального труда Л.Я. Штернберга «Первобытная религия в свете этнографии» (Л., 1936), а также классических работ Д.К. Зеленина.

Хотелось также пожелать авторам в их будущих публикациях смелее и шире освещать практический вопрос – как именно использовать собранные экологические традиции и поверья в природоохранной практике.

В.Е. Борейко

Достоинное слово об исследователях птиц

Рецензия на книги:

Московские орнитологи. М: МГУ, 1999. 526 с.
Орнитологи Украины. Библиографический справочник. Авт.-сост. Т.А. Атемасова, И.А. Кривицкий. Вып. 1. Харьков, 1999. 286 с.

Почти одновременно в Москве и Харькове вышли две давно ожидаемые книги, посвященные памяти московских (38 человек) и украинских (180 человек) орнитологов. Собрать в наше циничное и безразличное время нужные материалы, да еще издать эти явно не коммерческие книги – настоящий подвиг.

Московская книга вышла довольно большим тиражом – 1 тыс. экземпляров, и великолепно издана – плотная бумага, твердая обложка. К ее выходу причастны известные российские орнитологи – В.Е. Флинт, В.М. Галушин, В.Д. Ильичев, В.А. Зубакин и др. Материалы поданы в виде очер-

ков и снабжены фотографией орнитолога, которому посвящены воспоминания. В целом книга оставляет довольно благоприятное впечатление. Хотя и имеются некоторые замечания.

Во-первых, сами очерки крайне неравнозначны. Яркие, любопытны публикации о К.Н. Благосклонове, Н.А. Бобринском, А.Н. Промптове, В.В. Леоновиче. Обстоятельны, с широким использованием архивных источников работы В.С. Шишкина (особенно выделяется статья о Г.И. Полякове, практически забытом московском орнитологе, издателя «Орнитологического вестника»). К сожалению, исторически

устарели вновь опубликованные в книге статьи Г.П. Дементьева, посвященные С.А. Бутурлину и Ю.М. Кафтановскому. По-видимому, они должны были быть снабжены комментариями редколлегии. В частности, слабо показана роль С.А. Бутурлина в разработке и лоббировании первых природоохранных и охотничьих декретов советской власти. Довольно сухи некоторые очерки, подготовленные В.Д. Ильичевым. Публикация В.К. Рахилина о Н.И. Дергунове является компиляцией давно забытых некрологов.

Главная задача книг, посвященных истории науки – говорить правду. К сожалению, полная правда в рецензируемой книге присутствует не всегда.

Так, в статье о Н.А. Гладкове нужно было обязательно упомянуть, что этот ученый имел отношение к развертыванию в 1950-1960-х гг. кампании отстрела рыбоядных птиц в СССР. В очерке о Ю.А. Исакове упущен важный момент, что он был репрессирован на 3 года и отбывал срок в лагерях Беломорканала. Зато по непонятным причинам дважды указана дата смерти ученого (что говорит о поверхностном порой редактировании книги).

Несколько схематичны очерки о П.П. Смолине и Г.П. Дементьеве, превращенных в настоящий иконостас. Вместе с тем, отдавая должное правде истории, скажу, что П.П. Смолин в начале своей общественной деятельности немало способствовал излишней политизации юннатского движения и неправой борьбе с ленинградскими педагогами-естественниками (в первую очередь с Б.Е. Райковым). Что касается Г.П. Дементьева, то, склоняясь перед его заслугами в природоохране, замечу, что он больше являлся официальным ее лидером, нежели идеологом или активным борцом. Кстати, по непонятным причинам архив Г.П. Дементьева до сих пор не открыт для исследователей.

Неясно, почему в книгу о московских орнитологах вошел очерк о П.П. Сушкине, долго работавшем в Харькове и Ленинграде, а не попал материал о В.В. Станчинском, также некоторое время трудившемся

в Москве. В будущее издание «Московских орнитологов» обязательно должен быть включен материал о Д.М. Россинском, известном в России на рубеже XIX-XX веков специалисте по охране птиц, руководителе Русского орнитологического комитета и издателя ряда орнитологических журналов, всю жизнь прожившем в Москве.

Среди лиц, которые могут попасть в будущее издание «Московских орнитологов», хочу предложить П.Ф. Бузука, В.В. Станчинского, Б.К. Фортунатова. Все они определенную часть своей жизни работали в Москве.

«Орнитологи Украины» вышли маленьким тиражом (200 экз.) при финансовой поддержке семьи Хливняк. В отличие от московского издания, эта книга издана бедно и содержит не пространные очерки, а небольшие справочные статьи с библиографическим списком в конце. Огромным достоинством является то, что в книге помещены сведения о таких сейчас практически никому не известных орнитологах, как Г.Г. Сарандинаки, С.Н. Алфераки, А.К. Шепе и других. В этом, несомненно, большая заслуга ее главного составителя, харьковского орнитолога Т.А. Атемасовой, показавшей себя талантливым исследователем науки.

Выскажу несколько замечаний по рецензируемой книге.

К сожалению, некоторые авторы статей подошли формально к своим героям. Очерки о В. Дзедушицком, А.П. Крапивном, В.М. Зубаровском могли быть более полными и обстоятельными. Так, в работе о В. Дзедушицком не использована монография польского ученого-историка Г. Бжека «Музей им. Дзедушицкого во Львове и его творец» (Люблин, 1994).

Вместе с тем следует отметить удачные статьи об А.С. Костюченко, Г.А. Брызгалине, А.А. Грабаре, М.Ф. Самофалове, В.И. Бруховском.

Вызывает уважение огромный объем просмотренной литературы, использованной при подготовке данной книги. Список одних только периодических изданий состоит почти из ста наименований! Чего, к со-

жалению, не скажешь об архивных материалах. Так, не были просмотрены фонды Наркомзема и Наркомпроса УССР в Центральном госархиве Украины в Киеве, где имеются дела многих украинских орнитологов – Н.В. Шарлеманя, В.Г. Аверина, Б.С. Вальха, В.В. Станчинского и др., а также фонды бывшего КГБ УССР, сейчас доступные исследователям. Выпал из внимания составителей сборника и фундаментальный трехтомный словарь-справочник «Наука и научные работники» (М.-Л., 1928-1932 гг.), содержащий множество бесценных сведений о малоизвестных орнитологах Украины. Можно рекомендовать также и «Энциклопедию українознавства», изданную в советское время за рубежом и могущую быть подспорьем при написании статей о западноукраинских орнитологах.

В следующий выпуск справочника «Орнитологи Украины» можно рекомендовать сейчас практически неизвестного исследователя птиц из Мелитополя И.П. Курило-Крымчака, ученицу Н.В. Шарлеманя – Е.Г. Решетник, основателя Хортицкого общества охранителей природы П.Ф. Бузука, академика АН УССР И.Г. Пидопличко (что его нет в рецензируемом сборнике – один из самых досадных промахов данной работы), помощника Ф.Э. Фальц-Фейна К.Е. Сияню, и, конечно, самого легендарного основателя Аскании-Нова Ф.Э. Фальц-Фейна (он первым в Украине стал кольцевать птиц!).

К сожалению, не лишен сборник и некоторых неточностей. Так, орнитолога Мариупольского краеведческого музея звали Виктор Леонидович Галицкий, а не Владимир Иванович. У другого мариупольского орнитолога – Владимира Рудевича отчество – Викторович (с. 43-44). А.С. Костюченко умер 24 сентября 1953 г., а не 25 сентября (с. 84), есть исторические неточности в очерке о польском естествоиспытателе Е. Яноте (с. 6).

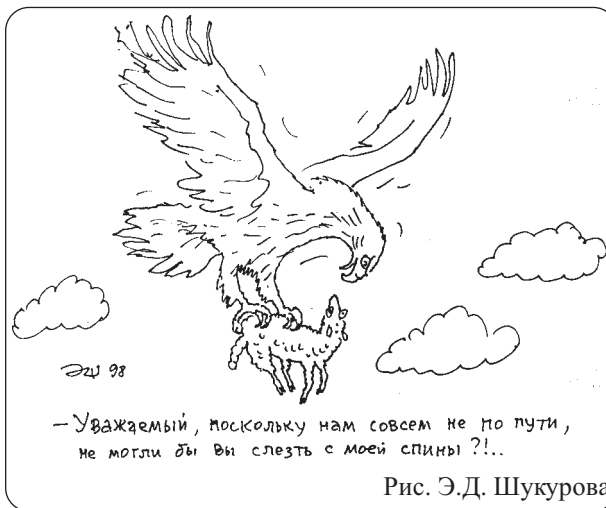
Что касается С.Н. Алфераки, то он не был задержан военным патрулем и расстрелян (с. 42). Это легенда. Он мирно скончался 24 июля 1918 г. Это подтверждается материалами Санкт-Петербургского отделения Архива РАН (ф. 722, оп. 1, д. 22, л. 6), а также такими известными российскими историками биологии, охоты и природоохраны как О. Егоров и Ф. Штильмарк. Кстати, таких специалистов не мешало бы привлекать к редактированию подобных изданий.

Думается, что каждую статью неплохо было бы снабдить фотографией орнитолога – героя очерка, как это, кстати, сделано в аналогичном московском издании.

В заключение – несколько грустных слов об истории науки. К сожалению, приходится констатировать, что как в России, так и в Украине подобное научное направление практически не существует. Мы по-прежнему, как сказал А.С. Пушкин, «ленивы и нелюбопытны». У нас крайне небрежно относятся к памяти своих учителей и друзей. Редко когда проводятся мемориальные чтения, нечасто издаются биографические справочники.

Рецензируемые же книги больше исключение, чем правило.

В.Е. Борейко

Презентация «Гуманитарного экологического журнала»

27 января 2000 г. в г. Москве, в российском представительстве Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров состоялась презентация «Гуманитарного экологического журнала». Мероприятие было организовано российским представительством Фонда, Киевским эколого-культурным центром, Эколого-просветительским центром «Заповедники» и Центром охраны дикой природы.

В презентации приняло участие более 60 человек: представители общественных природоохранных организаций, ученые, журналисты. Собравшимся был показан первый номер журнала, рассказано о концепции и истории издания, представлены члены редколлегии.

Во время обсуждения первого номера было высказано много дельных предложений и замечаний.

В частности, директор Российского НИИ культурного и природного наследия Ю.А. Веденин особо подчеркнул, что хорошо, что существовавшие ранее раздельно в природоохране два слова – «экология» и «гуманитарный» теперь слиты воедино. По его мнению, это означает начало нового целого направления – гуманитарного – не только в охране природы, но и в науке экологии. Он также пожелал чаще освещать проблемы культурного ландшафта.

Профессор А.А. Никольский в своем эмоциональном выступлении твердо заявил, что пока не изменится наше отношение к священности жизни, ничего не изменится.

Доктор географических наук из Кыргызстана Э.Д. Шукуров поддержал идею журнала как издания для стран СНГ. Во время презентации он также нарисовал несколько экологических карикатур, часть из которых мы здесь публикуем. Под одной из них стояла довольно афористичная подпись: «Мы научимся эффективно охранять природу лишь тогда, когда станем на нее молиться».

Доктор филологических наук из Нижнего Новгорода Н.В. Морохин, в ответ на некоторые предложения заявил, что не хочет видеть журнал популярным. По его мнению, это издание в основном создано для экологической элиты. Задачами популяризации должны заниматься другие журналы, от «Науки и жизни» до «Юного натуралиста».

Член-корреспондент РАН А.В. Яблоков активно поддержал появление «Гуманитарного экологического журнала». «Очень хорошо, – добавил он, – что журнал заставляет спорить».

Профессор биофака МГУ Д.Н. Кавта-радзе согласился с мнением главного редактора «ГЭЖ» В.Е. Борейко, что наша современная природоохрана «не этична, не эстетична, не религиозна и не опирается на народные традиции». Поэтому она не имеет поддержки как у широких слоев населения, так и у властей.

Один из руководителей Союза охраны птиц России В.А. Зубакин пожелал редакторам журнала чаще публиковать дискуссионные материалы.

Директор эколого-просветительского центра «Заповедники» Н.Р. Данилина объявила, что Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП выступила с предложением стать соиздателем журнала и оказывать ему посильную помощь.

В.А. Чельшев (журнал «Журналист») заявил, что мы, природоохранники, крайне нуждаемся в философском обосновании, куда идти. С этой позиции темы, заявленные «Гуманитарным экологическим журналом», очень важны и актуальны.

Научный сотрудник кафедры антропологии биофака МГУ К.Д. Ефремов полагает, что одной из главных задач нового издания должно стать разрушение антропоцентризма.

По мнению представителя пресс-службы ЦКИ Социально-Экологического Союза В.Б. Колесниковой, оставаясь элитным из-

данием, журнал постоянно должен искать новых авторов, работать с представителями различных культурных слоев.

Издатель «Живой Арктики» И.В. Покровская высказала пожелание о сотрудничестве двух изданий.

Во время презентации собравшиеся прослушали выступление виолончелиста, после завершения официальной части гостям был предложен фуршет.

В.Е. Борейко

Конференция «Экология и духовность»

3 ноября 1999 г. в Москве в рамках празднования 2000-летия христианства состоялась конференция «Экология и духовность». Инициаторами и организаторами проведения конференции выступили Академия технической экологии, Российская экологическая академия, Международная славянская академия, Всероссийское общество охраны природы, Российский православный университет им. Св. Иоанна Богослова, Московский государственный университет путей сообщения.

Тематика конференции:

- состояние экологического воспитания и образования в России;
- «вестернизация» экологического движения в России;
- информационное загрязнение нашей среды обитания;
- участие Русской православной церкви в экологическом просвещении населения.

Тему «вестернизации» экологического движения в России и информационного загрязнения среды обитания осветили в своих докладах профессор, вице-президент Академии технической экологии Н.Н. Крупенко и декан Сибирского духовного экологического университета (г. Омск) В.В. Ярцев.

Н.Н. Крупенко в своем выступлении подчеркнул, что если Чернобыльская катастрофа повлияла на жизнь более 10 млн. человек, то информационное воздействие испытывают на себе более 140 млн. российских граждан. Наступление на духовное начало началось давно. Еще Гитлер писал: «Для славян только водка и табак», а его идеолог Геббельс пророчески заявил: «в бу-

дущем войны будут вестись по-новому, в информационно-пропагандистском пространстве».

По статистике, на телевидении каждый час на телеканалах демонстрируется 12 убийств и сексуальных сцен, ведется пропаганда ущерба российским народам, умалчиваются достижения российской науки.

В.В. Ярцев в своем докладе говорит о необходимости защиты людей от информационного загрязнения, приводит результаты своих исследований в этой области: 1) в каждом человеке есть информационная составляющая, это наш дух; 2) полевая составляющая – дает способность ориентироваться в пространстве, этических нормах; 3) мысли человека создают в пространстве информационные голограммы, которые излучают в пространство радио, телевидение и другие СМИ; 4) человек в своей жизнедеятельности сталкивается с большим количеством информационных голограмм, которые потом становятся определяющими его жизни; 5) «подобное-подобному», т. е. имеющаяся в человеке информационная голограмма влияет на круг общения человека. Докладчик отметил, что сейчас отсутствует единая методология энерго-информационного обмена между людьми.

В экологическом просвещении населения в России принимает активное участие Русская православная церковь. Алексей II, Патриарх Московский сказал: «Русская православная церковь озабочена вопросами экологии, охраны окружающей среды» и что «главное – укрепить духовность людей и чувство личной ответственности за все живое». Представители Российского

православного университета им. Св. Иоанна Богослова (РПУ) продолжили его мысль в своих выступлениях на конференции.

Декан экономического факультета РПУ Э.В. Афанасьев подвел слушателей к мысли, что продлить жизнь земли можно только за счет самоограничения потребностей людей, а также используя безотходные способы производства.

В своем докладе профессор, декан экологического факультета РПУ А.М. Курносов подчеркивает, что экология в широком смысле этого слова в практическом богословии – это наука о выживании человека. Человеческая цивилизация может сохранить себя, если встанет на путь устойчивого развития, а устойчивое развитие возможно, если человек будет придерживаться евангельских заповедей.

Проректор РПУ о. Василий убежден, что человек должен испытывать ответственность и благоговение перед природой, а осквернению природы можно противопоставить любовь ко всему, что нас окружает. Необходимо быть не только созерцателями природы, но и ее хранителями. Основная задача воскресных православных школ,

считает о. Василий, – вести детей в сад, слушать пение птиц, познавать мир.

С.В. Николаев, заместитель председателя ВООП по научной части, в своем докладе рассказал о работе по созданию в России 12 объектов природно-исторического и культурного наследия международного значения, об издании методики, определяющей, какие объекты культурно-природного наследия можно включать в список всероссийских объектов. ВООП предложило для включения в этот список более 700 объектов и подала на рассмотрение в Думу. Так как в книге не было перечня объектов духовного наследия, ВООП изучило размещение монастырей по России и составило такой перечень. В перспективе ВООП планирует разработать совместно с Госкомэкологией и Минкультуры закон об объектах историко-культурного наследия.

Будет опубликован сборник тезисов конференции. По вопросам его получения следует обращаться по тел. (095) 921-60-85 (ВООП) к Николаеву Сергею Валентиновичу.

О.А. Яцеленко

Священные природные объекты. Приглашение к разговору

В разных регионах стран СНГ имеются различные природные объекты – криницы, одинокие деревья, горы, рощи, озера, острова и т. п., считающиеся у местного населения священными. Так, по данным Н.В. Морохина, в Нижегородской области России на 1 января 1996 г. заповедано более 50 действующих священных древних рощ, деревьев, родников марийцев, мордвы

Фото 1. Святая криница. Украина, Киевская обл., Яготинский р-н, с. Трубовщина, август 1997 г.

Фото 2 Святая липа. Россия, Нижегородская обл., Тоншаевский р-н, март 1997 г.

и татар. В областях севера Украины (Киевской, Житомирской, Черниговской) примерно в каждом районе имеется по 1-2 священных криницы. Несколько из них уже заповедано благодаря Киевскому эколого-культурному центру в Житомирской и Черкасской областях.

В нашем журнале мы намерены постоянно писать о священных природных объектах, и поэтому мы ждем от наших читателей рассказов и фотографий.

Нас очень интересуют легенды, поверья, связанные со священными природными объектами, практика взятия этих объектов под охрану государства, отношение к ним местного населения, властей, предложения по усовершенствованию заповедания. Любопытны также ваше личное ощущение священности природных объектов.

Фото В.Е. Борейко

Редакция

Фото 3. Священная марийская роща Грозная. Россия, Нижегородская обл., Тоншаевский р-н, март 1997 г.

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова

Выходит 2 раза в год. Формат 70 x 100/16. Тираж 600 экз. Усл. печ. л. 9,03.

Печать офсетная. Подписано в печать 4.08.2000 г. Заказ № .

Напечатано с готовых диапозитивов в МКП “Склавия-94”, г. Черновцы, ул. Головна, 198а.

СОДЕРЖАНИЕ

Наука и публицистика

Забелин С.И. Проект новой концепции охраны дикой природы 3

История охраны природы

Грищенко В.Н. Исторический очерк развития природоохранной биотехнии 6

Дискуссии

Никольский А.А. Профессионализм и добрая воля — альтернатива
убийству 16

Кашеваров Б.Н. Ловить или не ловить? Вот в чем вопрос... 19

Дежкин В.В. Этика благоговения перед жизнью и гении человечества 21

Борейко В.Е. Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные
ценности ООПТ 27

Сельвицкий К. Православные комментарии к радикальному взгляду на
заповедное дело 40

Борейко В.Е. Экоцентрические замечания к православным комментариям 45

Литература о священных природных объектах и священности в природе 47

Экодайджест

Уайт Л. младший. Исторические корни нашего экологического кризиса 49

Наэсс А., Сессинс Дж. Платформа глубинной экологии 56

Бернбаум Э. Горы и святая власть 57

Религиозное и культурное значение гор 73

Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А. Влияние религиозного сознания на
экологичность россиян 76

Из отечественной классики

Рерих Н.К. К природе 83

Опыт работы

Борейко В.Е., Симонов Е.А. Освящение заказника “Журавлиная родина” 87

Художественный уголок

Пузанов И.И. Астронавт 88

Шукуров Э. Смысл Дикой Жизни 98

Критика и библиография

Рецензии 100

Хроника и информация

Борейко В.Е. Презентация “Гуманитарного экологического журнала” 111

Яцеленко О.А. Конференция “Экология и духовность” 112

Священные природные объекты. Приглашение к разговору 113